

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2018. Том 3, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, д. 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, д. 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2018. VOL. 3, NO. 1

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № № ФС 77–69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

<http://historicaethnology.org>
E-mail: historical.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Хакимов Рафаэль Сибгатович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Научный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Мухаметзянова Айгуль Рафгатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвания, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Дробижева Леокадия Михайловна (Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забилова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атсуши (Университет Симане, Мацуэ, префектура Симане, Япония)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИСАТАТ), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Rafael Khakimov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Science Editor: Gulnara Gabdrakhmanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Liliya Davletshina (G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Editor: Aygul Mukhametzyanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrafiqova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Leokadiya Drobizheva (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Shimane University, Matsue, Shimane Prefecture, Japan)

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Этническая реальность: синхронный и диахронный анализ

- Хакимов Р.С.* К вопросу о нижней границе исторической науки
в свете данных ДНК-генеалогии 6
- Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С.* Содержит ли якутский
фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах? 14
- Арпентьева М.Р.* Нартиада как исторический источник 29
- Субботина И.А.* Миграции и расселение гагаузов в XX–XXI вв. 43

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

- Донина Л.Н., Суслова С.В.* Татарское ювелирное искусство:
о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных
традициях Казанского Поволжья 69
- Рафикова Г.Э.* Путевые заметки первой половины XIX в.:
татары Казанской губернии глазами путешественников 81
- Остапенко Л.В.* Особенности формирования и развития
гагаузской интеллигенции (конец XIX – начало XXI вв.) 90
- Мирзаханов Д.Г.* Мусульманское сообщество постсоветского Татарстана:
между этнонациональной самобытностью и исламом 113

Микроистория и культура повседневности

- Gabdrafikova L.R.* Image of an Official in a Cosmos of Tatars
at the Cusp between 19th – 20th Centuries 119
- Габдрафикова Л.Р.* Уездный город Мензелинск
в конце XVIII – первой половине XIX вв. 126
- Миронова Е.В.* Архангельское кладбище Казани:
опыт исторического исследования 137
- Сайфуллова Р.Р.* Трудовая повседневность народных учителей
Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.
(на материалах Казанской губернии) 149

Национальное образование

- Сафина А.М.* Октябрь революциясеннэн соң татар әдәбиятын
укуту мәсьәләсе (XX гасырның 20–30нчы еллари) 158

ДОКУМЕНТЫ

- Багаутдинова Х.З.* Материалы по этнографии татар-хлебопашцев Лаишевского
уезда Казанской губернии середины XIX в. (из архива Н.А. Толмачева) 168

НОВЫЕ КНИГИ

- Исхаков Р.Р.* Новое исследование по истории
татарского сельского населения Заказанья 177
- Кошман Т.В.* Рецензия на книгу З.А. Махмутова
«История татар Астаны (XIX – начало XXI в.)» 183
- Магомедов А.К.* Рецензия на монографию Л.В. Сагитовой
«Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы» 188

CONTENTS

PUBLICATIONS

Ethnic Reality: Synchronous and Diachronic Analysis

- Khakimov R.S.* Question of the Lower Border of Historical Studies
in Terms of Data-DNA Genealogy 6
- Tikhonov D.G., Zakharova A.E., Neustroeva T.S.* Does Yakut Folklore
Contain Information on Neanderthals and Denisovans? 14
- Arpentyeva M.R.* Nartiada as a Historical Source 29
- Subbotina I.A.* Migrations and Resettlement of the Gagauz in 20th – 21st Centuries 43

Identities in Theory and Applied Research

- Donina L.N., Suslova S.V.* Tatar Jewelry Art:
Question of Tatar-Russian Syncretism
in Handicraft Traditions of Kazan Volga Region 69
- Rafikova G.E.* Travel Notes of the First Half of the 19th Century:
Tatars of Kazan Province through the Eyes of Travelers 81
- Ostapenko L.V.* Special Aspects of the Gagauz Intelligentsia Formation
and Development (Late 19th – Early 21st Century) 90
- Mirzakhanov D.G.* Muslim Community of Post-Soviet Tatarstan:
Between Ethnic-National Identity and Islam 113

Microhistory and the Culture of Everyday Life

- Gabdrafikova L.R.* Image of an Official in a Cosmos of Tatars
at the Cusp between 19th – 20th Centuries 119
- Gabdrafikova L.R.* Uezd Town of Menzelinsk
in the Late 18th – First Half of the 19th Century 126
- Mironova Ye.V.* Arkhangelsk Cemetery of Kazan:
Experience of Historical Research 137
- Saifullova R.R.* Daily Labor Routine of Public Teachers of the Russian Empire
in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries
(Based on Materials of Kazan Province) 149

National Education

- Safina A.M.* Problems of Teaching Tatar Literature
after the October Revolution (20–30s of the 20th Century) 158

DOCUMENTS

- Bagautdinova Kh.Z.* Materials on Ethnography of Tatar Ploughmen County of Kazan
Province in the Middle of the 19th Century (from N.A. Tolmachev's Archive) 168

NEW BOOKS

- Iskhakov R.R.* A New Study on the History of Tatar Rural Population
of Trans-Kazan Region 177
- Koshman T.V.* Review of Z.A. Makhmutov's Book
"History of Astana Tatars (19th – Early 21st Century)" 183
- Magomedov A.K.* Review of L.V. Sagitova's monograph
"The Republic of Tatarstan: Identity Policy and Its Actors" 188

Публикации

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

УДК 930.2

DOI: 10.22378/he.2018-3-1.6-13

К ВОПРОСУ О НИЖНЕЙ ГРАНИЦЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

Цель: исследование границ предмета истории в связи с появлением методов ДНК-генеалогии.

Материалы: письменные источники, методы ДНК-генеалогии.

Результаты и научная новизна: общепринятый подход в историографии опирается на письменные источники. Для определения границ писаной истории татар служат китайские, персидские, азиатские, арабские и латинские источники. Начало истории предков татар падает на гуннский период, не ранее 214 г. до н. э. Более древние времена являются легендарными. Предположительно предками хуннов/гуннов предшествуют скифы. ДНК-генеалогия позволяет уточнить время появления скифов в Поволжье и их отношение к современным татарам. Таким образом «писаная» история доводится по крайней мере до VII в. до н. э. Историография за счет ДНК-анализа раздвигает свои границы в глубь веков.

Ключевые слова: историческая наука, татары, ДНК-анализ

Для цитирования: Хакимов Р.С. К вопросу о нижней границе исторической науки в свете данных ДНК-генеалогии // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 6–13. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.6-13

Писаная история опирается на сохранившиеся летописи, архивы, воспоминания. Сведения о древнейшей истории татар сохранились в китайских, персидских, арабских и латинских источниках. О гуннах, от которых произошли татары, мы узнаем из материалов китайского историка Сыма Цяна. На этом основании мы можем начинать историю татар с 214 г. до н. э. О более ранних годах можно только гадать. Они относятся к легендарному времени, а не достоверной истории.

Некоторые историки татар связывают со скифами. Андрей Лызлов в книге «Скифская история» (1692 г.) татар относил к населению Скифии: «Но от пятисот лет и больши, егда скифове народ, изшедши от страны реченныя их языком Монгаль, ея же и жители назывались монгаилы или монгаили, поседоша некоторыя государства, измениша и имя свое, назва- шаяся тартаре, от реки Тартар или от множества народов своих, еже и сами любезнее приемлют или слышат» [4, л.2 об.]. К народам Скифии Лызлов относил также и славян: «В соседстве и в прилежности с ним всегда жили славяне, прародители наши – москва, россияне и прочие, их же древния историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называ- ли» [4, л.3 об.]. Кстати, для него москва и россияне идут через запятую, как разные славянские этносы. Из текста Лызлова не ясно татары проис- ходят от скифов или же просто жили в Скифии.

Традиционно историк воспринимается как ученый, работающий с письменными первоисточниками. Если архивы или летописи отсутствуют в силу разных причин, на первый план выступают археологи, чья работа незаменима для древнейшего периода истории. Однако интерпретация ма- териала археолога порой оказывается весьма сложной и тогда появляется бесчисленное количество «культур»: срубная, именьковская, кушнар- ковская, пьяноборская, курганная и т. д. Многие археологи не занимаются сравнительным анализом или интерпретацией, предпочитая материал на- зывать очередной «культурой» по названию местности.

Историки редко вмешиваются в дела археологов. В равной степени ис- торики не касаются современности, оставляя это на откуп социологам, этно- логам, политологам, экономистам, которые нередко плохо знают историю.

К недостаткам историков следует отнести их узкую специализацию: по периодам, событиям, источникам, отдельным народам и т. д. Принятая в историографии периодизация привязана к европейской истории, она по- лезна для целей преподавания, но часто мешает научным исследованиям. Конечно, разные ступени развития народов имеют свои особенности, по- рой весьма принципиальные, тем не менее, важно увидеть преемствен- ность, а не только различия. Историки используют европейскую периоди- зацию, которая вовсе не универсальна, она плохо объясняет, например, историю татар. Мы следуем европейской традиции, понимая всю услов- ность такого подхода.

В среде историков явно или неявно сохраняется эволюционистская точка зрения, которая рассматривает ступенчатое движение народов к ци- вилизации от дикости, собирательства, кочевого образа жизни к земледель- ческой, оседлой жизни, урбанизации и достижения европейского образа жизни. Однако реальная история опровергает подобный подход. Кочевни- чество возникает не как предшествующая ступень оседлой, но может ока- заться следующей ступенью развития после земледельческого хозяйства. На это может повлиять изменение климата. «Кочевничество, – писал Лев Гу- милев, – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тыся-

челетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает» [2, с. 1800]. В определенный период истории (точнее в I тыс. до н. э.) происходят глобальные климатические изменения, и некоторые племена переходят к кочевому или полукочевому образу жизни. Это не значит, что они деградируют. Сравнение средневековых кочевых империй с европейскими державами оказывается не в пользу последних, как по качеству вооружения, так и в плане организации государства. Номадизм не признак дикости, а особая форма цивилизации, наряду с оседлой.

Номадизм не исчезает с исторической арены, он сохраняется и по сей день в виде философии и управленческих структур. Последние десятилетия были отмечены широким использованием, наряду с вертикальной иерархией, горизонтальных (плоских) структур, характерных для номадизма.

Татары прошли ряд значимых ступеней развития (можно их назвать периодами, не привязывая к европейской шкале): (1) гуннский, (2) домонгольский, (3) золотоордынский периоды, (4) татары в Российской империи, (5) образование Республики Татарстан. С точки зрения развития культуры до сих пор Золотая Орда остается отправной точкой [7]. Вопрос преодоления ордынского Средневековья не был решен в полной мере в царской России. Революция 1917 г., призванная поднять страну на новую ступень, минуя капитализм, также не решила вопрос преодоления Средневековья. После «перестройки» Россия вернулась на путь капиталистических отношений, и многие достижения советского периода оказались утраченными. Все названные этапы татарской истории не совпадают с европейской периодизацией.

Историк-специалист, занимаясь частными проблемами, с трудом представляет общую картину, более того часто не считает нужным понимать всю историю народа или территории. Конечно, узкие специалисты нужны для описания конкретных событий, формирования музеев и т. д. Но историк с большой буквы должен не только представлять общую картину, но и понимать экономические, политические, этнические процессы в совокупности.

История привязана или к самоназванию народа или же к возникновению и развитию государства. История территории сводится опять-таки или к истории народа или же социального образования. Каждый народ имеет предков и тогда мы используем более широкую терминологию. Так, русские – потомки славян вкуче с финскими и тюркскими компонентами, татары вышли из группы тюркских племен и обозначились в эпоху Тюркского каганата в качестве самостоятельной политической силы, наряду с уйгурами, киргизами, телесскими и другими племенами. Выясняя происхождение тюрков, мы вступаем в сферу деятельности хуннов/гуннов. А более древний период оказывается в зоне домыслов. Скифов одни называют ираноязычными, другие тюрками, остальные не решаются что-либо утверждать. Археологи дают материал, плохо привязанный к этничности.

Казалось бы, на этом дело ученого историка заканчивается, но остаются вопросы, требующие ответа.

Известный российский лингвист С.Е. Малов пишет: «Могу только сказать, что и за пять веков до н. э. тюрки жили там же, где они живут главным образом (с малыми исключениями) и теперь» [5, с. 136]. О том же пишет Н.Я. Бичурин. В предисловии к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» есть такие строки: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2 000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» [1, с. 10]. Отметим важный момент: народы, жившие до новой эры на территории Средней Азии от Тихого океана до Каспийского моря, и поныне живут там же. Иначе говоря, когда западные гунны в лице болгарских племен объявились в Поволжье, они там нашли предков татар, когда татары вместе с Бату-ханом появились в Поволжье и Причерноморье, они опять-таки обнаружили своих родственников. Общую основу на пространстве Великой Степи могли заложить только скифы.

Обратим внимание на следующие слова С.Е. Малова. Он на основе анализа 30–40 тюркских наречий приходит к выводу: «Миграции не имели того влияния и значения в истории тюркских языков, каковые им обычно приписывают». Вывод исключительно важный для понимания истории татар, чьи предки в начале новой эры уже жили в Поволжье, Причерноморье и на Дунае. Последующее Великое переселение народов внесло свои коррективы, но лишь в плане возвышения одних тюркских племен над другими. Появление гуннов, а затем татар во главе с Бату, нельзя трактовать как обретение ими новой родины, они всегда рассматривали Великую Степь как свою Большую Родину, заселенную близкородственными народами.

Особо примечательно утверждение С.Е. Малова о древности современного татарского языка. «Я считаю, – пишет он, – что на западе тюркской территории издавна, т. е. задолго до V в. до н. э., из многих племенных языков образовались две языковые группы: одна по характеру языков хазаро-булгарско-чувакская, а другая – башкиро-татарско-кыпчакско-мишарская. Эту последнюю для избежания недоразумения с хронологией (татары XIII в.!) лучше называть только «мишарской», т.к. с термином «мишарь» никакой историко-хронологической путаницы, надо, думать, не произойдет. Наличие на западе этой мишарской (татарской) языковой группы с древнейших времен для меня, с языковой точки зрения, не подлежит никакому сомнению. Западно-тюркские языки показывают, что они прошли слишком большую и долгую жизнь, они испытали на себе много разных влияний и пр. Это не могло произойти в очень короткий срок. Все переселения тюрков из Центральной Азии, какие мы знаем (например, гунны, монголо-татары, киргизы), не произвели на западе того языкового

влияния и переворота в пользу восточнотюркских языковых элементов, какие можно было ожидать, если бы здесь на западе не было бы уже своих установившихся и отстоявшихся издавна западнотюркских языков» [5, с. 137]. Это утверждение наводит на серьезные размышления. Ясно, что первичным языком предков татар в Поволжье было мишарское (татарское) наречие, на которое в VII–X вв. наслоилось болгарское, а затем в XIII в. поволжско-хорезмское наречие, после чего окончательно сформировался современный татарский язык.

Такое очень определенное утверждение выдающегося лингвиста нуждается в подтверждении. Но историки не имеют архивных материалов, а археологи не могут свой материал интерпретировать по лингвистическим и этническим признакам. На помощь может прийти ДНК-генеалогия, в частности анализ по Y-хромосоме. Сам по себе этот метод не связан с этничностью, языком, и даже физической антропологией, но он вполне может внести ясность в случае определения места и времени происхождения различных компонентов этноса. На стыке истории, этнологии и ДНК-генеалогии возникает новое направление в науке: историческая ДНК-генеалогия.

Генетически однородных народов не существует, в каждом есть определенное смешение гаплогрупп Y-хромосомы. В литературе встречаются термины «европейская», «азиатская», «финская», «монгольская» и другие гаплогруппы. Это весьма условные и научно некорректные определения. Ими можно пользоваться только с точки зрения оценки доли тех или иных гаплогрупп у европейских, финских и других народов. Так, у татар в различном соотношении встречается R1a, R1b, N1c, G2a, G1, J2b, I1 и др. Нет явно доминирующей гаплогруппы, что вполне объяснимо, поскольку народ формировался в период Золотой Орды, где перемешались многие племена. Кстати, у русских встречаются те же самые гаплогруппы несколько в иной пропорции. Возникает вопрос: в чем ценность такой методики? ДНК-анализ может внести определенность в случае сомнений в исторической интерпретации. Например, у татар (как, впрочем, и у русских) практически не встречается гаплогруппа C, характерная для современных монгол. Следовательно, татарские ханы были не монгольского (этнически) происхождения, иначе среди населения остались бы следы Y-хромосомы. Тем не менее, выражение «татаро-монгольское нашествие» верное, ошибочна интерпретация. Сегодня его понимают в этническом плане, причем связывают с нынешними монголами. На самом деле слово «монгол» означало династию, учрежденную Чингизханом для своего рода. Сам Чингизхан происходил из черных (северных) татар. У современных монгол во времена Чингизхана были другие самоназвания: халха, ойрат и т.д.

Приведем другой пример. Лингвисты появление тюркской группы языков определяют в 2250 лет. У А. Клёсова другая версия: «История тюркских языков уходит вглубь времен на десятки тысяч лет, возможно это они, в своей динамике, и были среди первых евразийских языков. На прототюркских языках говорили носители гаплогруппы R, которая образовалась при-

мерно 45 тысяч лет назад, и разошлась на гаплогруппы Q и R, и первые унесли эти прототюркские языки в Америку, вторые, уже в виде гаплогруппы R1b – через всю Евразию, через Кавказ в Месопотамию, и далее по Северной Африке до Пиренеев и в континентальную Европу... Те же языки, в своем развитии, составляли неИЕ [индоевропейские] языки древней Европы, которые от современных молодых тюркских, конечно, ушли уже очень далеко, и которые до сих пор составляют мощный «доИЕ субстрат» в европейских языках, в частности, в германских» [3, с. 512]. Как видим, ДНК-анализ позволяет уточнить время появления тех или иных языков.

Полученные генетиками данные подтверждают вывод С.Е. Малова о древних корнях татарского (мишарского) языка. Он формирование татарского языка относил ко времени ранее V в. до н. э., что совпадает с временем появления скифов на исторической карте Евразии, в частности в Поволжье. И.Л. Рожанский пишет: «Возникновение кыпчакской ветви тюркских языков может быть связано с тюркизацией одной из групп скифских по происхождению племен, как можно судить по преобладанию ветвей одного и того же субклада R1a-Z2125 среди всех без исключения народов этой группы» [6, с. 1731]. Весьма солидный журнал «Nature» опубликовал данные, по которым оказывается, что «современные популяции с наибольшей вероятностью существования непосредственно произошли от восточных скифских групп почти исключительно тюркского языка... Особо высокая статистическая поддержка была задокументирована для некоторых тюркоязычных групп, географически расположенных вблизи археологических памятников восточных скифов (например, теленгитов, трубчатых, тофаларов), но и среди тюркоговорящего населения Центральной Азии (например, киргизы, казахи и каракалпаки)... Эти же результаты были получены для некоторых тюркских групп, живущих западнее, например, для казанских татар» [8]. Гипотеза лингвистов о существовании тюркоязычных скифов сегодня подтверждаются генетиками.

Для некоторых ученых такой вывод окажется неожиданным, ведь татар трактовали как пришлый народ, который навязал исконным булгарам свой татаро-монгольский язык и культуру. В итоге получается, что предки татар с незапамятных времен (с VII в.) жили в Волго-Уральском регионе и говорили в своей основе на том же языке, что и сегодня.

ДНК-анализ позволяет исключить какие-то ошибочные трактовки и увидеть те звенья в исторической цепи, которые не видны в силу отсутствия нужных источников, а в совокупности с генеалогией, архивными материалами, этнологией, археологией позволяет продлить исторические исследования за пределы существования письменных источников. «Писаная» история становится реконструированной с помощью ДНК-анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР, 1950. 382 с.
2. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. 575 с.
3. Дискуссии на «Переформате» по миграциям ариев. Часть 2 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2017. Vol. 10, № 5. С. 1782–1882.
4. Лызлов А.И. Скифская История. М.: Алгоритм. 2012. 320 с.
5. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 135–143.
6. Рожанский И.Л. Литовские татары. ДНК-родословные и их корни в степях Евразии // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2017. Vol. 10, № 5. С. 1715–1735.
7. Хакимов Р.С. Нулевая точка исторического времени // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 4–18.
8. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. URL: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (дата обращения – 21.03.2018).

Сведения об авторе: Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

**QUESTION OF THE LOWER BORDER OF HISTORICAL STUDIES
IN TERMS OF DATA-DNA GENEALOGY**

R.S. Khakimov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

Objective: to study the boundaries of the subject of history in relation to the advent of DNA genealogy methods.

Materials: written sources, methods of DNA genealogy.

Results and scientific novelty: the generally accepted approach in historiography is based on written sources. Chinese, Persian, Asian, Arab, and Latin sources are used to determine the boundaries of the written history of the Tatars. The beginning of the history of Tatars' ancestors falls on the Hunnic period, not earlier than 214 BC. The more ancient times are depicted in legends. Presumably the ancestors of the Huns / Huns are preceded by Scythians. DNA genealogy allows us to clarify the time of the appearance of Scythians in the Volga region and their relation to modern Tatars. Thus, the "written"

history is taken to at least the 7th century. BC. Historiography due to DNA analysis expands its boundaries into the depths of centuries.

Keywords: historical studies, Tatars, DNA analysis

For citation: Khakimov R.S. Question of the Lower Border of Historical Studies in Terms of Data-DNA Genealogy. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 6–13. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.6-13

REFERENCES

1. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Data about the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times.]. Vol. 1. Moscow-Leningrad, N.N. Miklukho-Maklay Institute Etnografii AN SSSR Publ., 1950. 382 p. (In Russian)
2. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and civilizations]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 575 p. (In Russian)
3. Diskussii na «Pereformate» po migratsiyam ariev [Discussions at "Pereformat" on Migration of the Aryans]. Part 2. *Vestnik Akademii DNK-genealogii – Bulletin of the Academy of DNA Genealogy*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 1782–1882. (In Russian)
4. Lyzlov A.I. *Skifskaya Istoriya* [Scythian history]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 320 p. (In Russian)
5. Malov S.E. Drevnie i novye tyurkskie yazyki [Ancient and Modern Turkic Languages]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language]. Moscow, vol. 11, no. 2, 1952, pp. 135–143. (In Russian)
6. Rozhanskiy I.L. Litovskie tatory. DNK-rodoslovnye i ikh korni v stepyakh Evrazii [Lithuanian Tatars. DNA-genealogic Trees and their Roots in the Steppes of Eurasia]. *Vestnik Akademii DNK-genealogii – Bulletin of the Academy of DNA Genealogy*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 1715–1735. (In Russian)
7. Khakimov R.S. Nulevaya tochka istoricheskogo vremeni [The Zero Point of Historical Time]. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 4–18. (In Russian)
8. *Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe*. (In English) Available at: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (accessed 21.03.2018).

About the author: Rafael S. Khakimov is a Doctor of Science (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of the TAS and Academician at the TAS (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); history@tataroved.ru

СОДЕРЖИТ ЛИ ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР СВЕДЕНИЯ О НЕАНДЕРТАЛЬЦАХ И ДЕНИСОВЦАХ?¹

Д.Г. Тихонов*, *А.Е. Захарова***, *Т.С. Неустроева**

** Научно-исследовательский институт здоровья Северо-Восточного
федерального университета им. М.К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация
tikhonov.dmitrii@yandex.ru*

*** Центр нематериальной культуры народов Республики Саха
(Якутия) при Доме дружбы народов им. А.Е. Кулаковского
Якутск, Российская Федерация
solnse18@mail.ru*

Целью работы является анализ древних корней фольклора и героического эпоса тюркских народов, исследование этимологии слова «абааһы» – главного героя якутских олонхо, особенностей его образа, а также научных фактов, подтверждающих его возникновение от архаических представителей рода Номо.

Работа основана на результатах изучения фольклора, героического эпоса тюркских народов, опубликованных научных работ, посвященных исследованию этимологии терминов, обозначающих главных героев – «албасты» и «абааһы», а также образа жизни, внешнего вида, анатомии и генетики архаических гоминидов – *Homo neanderthalensis*, *Denisovan hominine*. Проанализированы научные статьи по исследованию олонхо, тексты героического эпоса олонхо якутов – самой крупной коренной этнической группы Северо-Восточной Сибири. В результате проведенных исследований создан наиболее обобщенный образ «абааһы», найдены его прототипы в древнейшей истории.

Ключевые слова: фольклор, олонхо, тюрко-монголы, образ «абааһы», «албасты», «сага», неандерталец, денисовский человек, полногеномный анализ

Для цитирования: Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С. Содержит ли якутский фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах? // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 14–28. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.14-28

Среди жанров фольклора якутов (саха) особое место занимает героический эпос олонхо. Он считается одним из самых архаических произведений народного эпоса тюрко-монгольских народов. В 2005 г. эпос олонхо провозглашен ЮНЕСКО «Шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества», а в 2008 г. был внесен в Репрезентативный

---

¹ Статья написана в рамках базового проекта ГЗ Министерства образования и науки Российской Федерации, государственный регистрационный номер: 17.6344.2017 / БЧ.

список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [39]. Основной сюжет олонхо связан с похищением девушек и женщин «айыы» Среднего мира чудовищами «абааһы» Нижнего мира и борьба главного героя, богатыря за их освобождение. Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в эпосоведении этимология слова «абааһы» не до конца исследована. В связи с расшифровкой полного генома неандертальца [23] и денисовского человека [27] у нас возникла гипотеза о возникновении отрицательного персонажа «абааһы» в олонхо, возможно, связанного с архаическими родственниками *Homo sapiens*.

Целью работы является исследование связей данного персонажа и этимологии самого слова «абааһы» в сопоставлении с другими научными фактами, доказательствами общности генезиса этих образов в эпосах других тюрко-монгольских народов, возможно, с архаическими представителями рода *Homo*.

Нами проведен анализ опубликованных научных работ, посвященных исследованию этимологии слова «абааһы», образа жизни, внешнего вида, анатомии и генетики архаических гоминидов – *Homo neanderthalensis*, *Denisovan hominine*. Проанализированы научные статьи, в которых отражены результаты исследований олонхо и текстов героического эпоса олонхо якутов – самого крупной этнической группы Северо-Восточной Сибири. В результате проведенных исследований создан обобщенный образ «абааһы» – главного персонажа олонхо, найдены его прототипы в древнейшей истории.

Кем является главный герой якутского героического эпоса «абааһы»? В фундаментальном «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского дается определение «абааһы» – это «... общее название сказочных злых существ-чудовищ, преследующих девушек и женщин за обладание ими, вступающих с человеком в борьбу, но почти всегда побеждаемые им...» [11, с. 6]. Этимология слова «абааһы» не до конца выяснена и существуют различные взгляды на его происхождение. В академическом «Толковом словаре якутского языка» «абааһы» сравнивается с древне-тюркским словом *Abāqı* (абачу) [16, с. 222] и определяется как «пугало на огороде, оберег от сглаза» [4, с. 2]. М. Stachowski, критикуя предыдущие этимологические изыскания по якутскому слову «абааһы», предлагает свой вариант *argā-čy*, произошедшего, по его мнению, от слова «колдун» [36]. В телеутском фольклоре содержится слово «алмыс», обозначающее «покрытые шерстью люди, которые, по преданиям, когда-то жили на Алтае» [14, с. 439–440]. По В.В. Радлову оно заимствовано из тюркского «албасты» – злой дух, обитающий дома, в переносном смысле – страшилище, чудище [14]. Следует отметить, что широко распространены аналогии образа «албасты» в мифологии и фольклоре не только народов алтайской, но и уральской, индоевропейской, тунгусо-маньчжурской языковых семей. Б.И. Басилов предполагает, что образ «албасты» сформировался, вероятно, «... в эпоху древнейших контактов этнических общностей...» [1]. Наиболее ближе к

якутскому «абааһы» звучат туркменское «албассы», ногайское, каракалпакское и кумыкское «албаслы» – слова, означающие злого демона, связанного с водной стихией [1]. Архаическими аналогиями образа «албасты», видимо, являются и телеутское «алмыс» и якутское «абааһы». Не связано ли это слово с тюркским *beçin* и персидским словом «abuzine» – обезьяна [17, с. 98]? В эвенкийском эпосе «нимнгакан» представлен начальный этап зарождения не только тунгусо-маньчжурского, но и тюркомонгольского эпоса в целом, имеющий аналогичный якутскому «абаасы» – главного противника богатыря-мата, обозначенный словом «авахи», который в эпосоведении долго считался калькой с якутского «абаасы», но на самом деле является самостоятельным этнонимом, возникшим в период общеалтайской общности у предков якутов и эвенков [3]. Чудовища-авахи нимнгакан, также имеют внешний вид, как и «абааһы» в олонхо: одноглазы, одноруки, одноноги. Однако, в более поздних легендах и преданиях-улгур у дальневосточных эвенков сформировался цикл преданий о каннибалах-дептыгирах, крадущих жен и совершавших ритуальный каннибализм среди своих новых родственников. У восточных эвенков, ядро которых сформировалось в Приангарье, сохранился распространенный сюжет похищения каннибалами-великанами женщин из стойбищ эвенков, продолжавшийся по времени до их миграции на Крайний Север и Восточную Сибирь [2, с. 92–95; 3, с. 32–76; 32]. Улуры о чулугды, манги и чангитах объединены в единый цикл о дептыгирах, в которых рассказывается, что они проживают в пещерах, едят сырую пищу, одеты в шкуры животных, высокого роста и крадут женщин у эвенков.

Российские компаративисты С. Старостин, А. Дуба и О. Мудрак реконструировали два протоалтайских слова обозначающие обезьяну – *téça* и *sara* [37, с. 907, 1213]. На основании этого О.А. Мудрак в одной из своих лекций сообщал о том, что «...в алтайских языках (входят тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, корейский, японский) реконструируется два названия «обезьяны», хотя реально обезьяны присутствуют только на японских островах, а на территории Японии японцы появились по историческим меркам недавно (2 тыс. лет назад), но населенной не алтайской группой языка. Обозначающие обезьян слова уже были в Индии в местах, где существовал алтайский праязык» [10]. Известно, что узбеки Зеравшанской долины и западносибирские татары «албасты» называли «сары кыз» и «сары чеч» [1]. Хотя эти слова переводятся как «желтая дева» или «желто-волосая», возможно, они являлись производными от протоалтайского «sara» (обезьяна). Но с другой стороны следует заметить, что неандертальцы гомозиготные по неандертальскому варианту гена MC1R (Melanocortin 1 receptor) имели рыжие волосы и светлую кожу [29], а денисовская девушка была шатенкой с карими глазами и смуглой кожей [25].

Как описывается «абааһы» в героическом эпосе якутов-саха? Прежде всего, его образ согласно традиции жанра сильно гиперболизирован. Представители племени «абааһы аймага» изображаются злыми и уродли-

выми чудовищами – однурукими, одноногими, одноглазыми, но наделяются чудовищной физической силой и человеческой речью. Однорукость, одноногость и одноглазость абааһы скорее всего является метафорой. Этим в олонхо подчеркивается, что абааһы являются получеловеками, полулюдьми. Из содержания героического эпоса становится понятным, что кроме уродливости, по своему внешнему виду они не сильно отличаются от людей. Например, богатыри абааһы отлично стреляют из лука, бегают, ходят и прыгают. Большой знаток фольклора и верований якутов А.Е. Кулаковский отмечал: «...Олонхо абасыта – былинные и сказочные абасы ... от людей ничем существенным не отличаются, потому их следует считать людьми» [7].

Характер абааһы наделен отрицательными чертами – грубостью, вспыльчивостью, несдержанностью, канибализмом, лживостью, похотливостью. С другой стороны, подчеркивается их глупость, доверчивость, наивность при хвастливости и высокомерности, самонадеянность. Цвет кожи абааһы описывается черным, как уголь. Абааһы не разборчивы в еде (питаются всякой гадостью, падалью и гнилыми продуктами). Так, «...богатыри абаасы изображены в олонхо как существа, не придерживающиеся самых элементарных норм человеческого поведения» [12]. В героическом эпосе обычно описывается борьба с богатырями племени абаасы Нижнего мира. Их жилище является каменным, не имеет дверей и окон. Обычно в олонхо все, что связано с камнем является атрибутом рода «абааһы». Известный исследователь олонхо И.В. Пухов пишет: «Богатырям абаасы в олонхо приписывают... полное отсутствие каких-либо культурных навыков (они нечистоплотны, никогда не моются ...)» [12]. Страна их погружена в сумрак, «днем светит тусклое солнце, а ночью поблекшая луна».

Итак, в якутском героическом эпосе «абаасы» описаны как чудовище, образ которых скорее похож не на обезьяну, а на архаических родственников человека *Homo neanderthalensis* или *Homo denisovan*. Известно, что ареал проживания их распространялся на обширную территорию – с Ближнего Востока на Европу, а в сторону Азии их следы были найдены на территории Узбекистана и Алтая.

Известно и то, что неандертальцы вполне могли иметь разные конфликты с людьми [18, с. 45–56.]. Но вступая в контакт с ними, дожили до 28000 лет назад [22]. Впоследствии эта дата была откорректирована до 40000 лет назад, но ряд исследователей не согласились с этими данными [31], что подтвердило установление даты вероятной их гибридизации с человеком 50000 лет назад [24]. Денисовцы жили в одно и то же время с неандертальцами. Могут ли отголоски этих событий дойти до наших дней? Известный лингвист, антрополог и специалист по семиотике В.В. Иванов, считает, что легенды о снежном человеке, видимо, связаны с денисовцами [5]. Патрисия Финни считает, что образы странных человекоподобных существ, обитающих в лесах и окраинных территориях европейского и ближневосточного фольклора, напоминают неандертальцев [23]. Выше мы отметили, что миф

об «албасты», вероятно сформировался в период архаического праязыкового единства, возможно в период ностратического праязыка, распад которого по данным глоттохронологии произошел около 15000 лет назад [15]. Следует отметить, что о времени возникновения олонхо не существует общепризнанной даты, но существует единство по поводу его архаичности как эпического произведения. Являясь произведением коллективного народного творчества, олонхо, несомненно, имеет архаические, ранние и поздние слои. Древнейший пласт эпоса олонхо – это миф о сотворении мира. Он почти совпадает с эпосами тюркско-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов Евразии. По этому поводу Е.М. Мелетинский пишет: «Эти вводные картины, отлившиеся в строгие стандартные формулы, идентичны в фольклоре всех тюрко-монгольских народов Сибири, включая давно отделившихся якутов. Сходство их зачинов подтверждает культурно-историческое единство эпоса тюрко-монгольских народов Сибири. Вместе с тем универсальность этих формул указывает на их большую древность» [8]. По мнению известного исследователя олонхо И.В. Пухова, «...якутские олонхо имеют генетически общие черты только с древнейшими пластами эпоса других тюрко-монгольских народов Сибири» [13]. Следует отметить и то, что вступление в олонхо напоминает Вавилонский эпос о Сотворении мира «Энума Элиш»:

«Когда вверху не названо небо,
 А суша внизу была безымянна.
 ...Тростниковых загонов тогда еще не было,
 Тростниковых зарослей видно не было.
 Когда из богов никого еще не было,
 Ничто не названо, судьбой не отмечено,
 Тогда в недрах зародились боги,
 Явились Лахму и Лахаму и именем названы были» [19, с. 35].
 Известное якутское олонхо «Могучий Эр Соготох» начинается так:
 «За дальней далью
 конечной вершины
 древних моих лет ...
 когда человеческие племена,
 в разговоры вступая, – не спознались еще,
 когда племена Саха,
 словами обмениваясь, – не знались еще...
 ...госпожа мать-земля моя,
 величиной с пятак серой белки будучи,
 расширяясь-растягиваясь,
 разрастаясь, рождалась,
 подобно вывернутому,
 мягкому как замша уху
 двухгодовалой важенки
 растопыриваясь во все стороны,
 постепенно увеличивалась, оказывается» [9, с. 77].

Другим совпадением образа «абааһы» с шумерской мифологией является образ Энкиду в эпосе о Гильгамеше. Волосатый коренастый силач и дикий человек Энкиду, не знающий отца и свою мать, дружит с Гильгамешом. Среди множества вариантов якутских олонхо имеются эпосы с сюжетами о дружбе богатырей айыы и «абааһы». При этом богатыри абааһы, как и Энкиду, не знают свою мать и отца.

Что совпадает в облике «абаасы» с научно обоснованным образом неандертальцев или денисовцев? При отсутствии костных останков полного скелета денисовцев наиболее подробные сведения о внешнем облике, образе жизни имеются только о неандертальцах. Наиболее общими чертами «абаасы» почти во всех вариантах «олонхо» является их сила и мощь, таковыми обладали и неандертальцы, согласно описаниям их скелета. Жилище и страна обитания «абаасы» образно изображены в виде пещеры в скалистых местностях. По данным археологических исследований неандертальцы часто обитали в пещерах. Их кости крупны и содержат рельефные бугорки для закрепления мощных мышц. Эти обстоятельства показывают, что неандертальцы обладали огромной физической силой и массой тела. По своему росту были коренастые, но не уступали по этому показателю древним *Homo sapiens*, возможно, их превосходили [27]. Версия неандертальского гена POU2F3 кожи встречается примерно у 66 процентов азиатов. Интрогрессия неандертальских локусов гена, программирующих производство нитей кератина в человеческий геном, показывает, что люди приняли от неандертальцев адаптивные возможности холодному климату. Но до настоящего времени нет никаких научных данных, подтверждающих волосатость тела неандертальцев. Исследование молодого американского ученого показали, что неандертальцы не могли производить одежду с хорошими теплоизоляционными свойствами, и, видимо, довольствовались только накидками, в результате проиграли конкуренцию с *Homo sapiens* [38]. С другой стороны, неандертальцам не понадобилась одежда с хорошими теплоизоляционными свойствами, так как от холода, вероятно, их защищала густая волосатость тела. Следует отметить, что неандертальцы сотни тысяч лет успешно противостояли холоду в условиях Евразии. Среди современных людей волосатость тела резко варьирует [21]: у северо-восточных азиатов и америндов, на теле которых мало волос [36], меньше их на теле и у африканских мужчин, но зато довольно густая растительность на теле и на ногах у кавказоидов [35].

Обладали ли неандертальцы речью? Вопрос еще не до конца уточнен, но ряд исследователей на основе моделирования артикуляции допускают, что они не могли произносить английские гласные: u, i, a, Э [30], но некоторые считают, что неандертальцы обладали членораздельной речью [20]. Следует отметить, что «абааһы» из олонхо наделены человеческой речью, но их речь не внятная, обрывистая, сумбурная, лишённая логики и смысла.

Расшифровка полного генома неандертальца [26] позволила выяснить, что неандертальцы и люди скрещивались между собой 37000–86000

лет назад (BP) [33], но исследование кости Усть-Ишимского человека, жившего 45000 лет назад, позволило уточнить дату скрещивания с неандертальцами между 50000 и 60000 лет назад [24]. Были выявлены неандертальские аллели генов у людей, а человеческие у неандертальцев, при этом установлено, что произошло несколько эпизодов скрещивания [28]. Интересным является то, что относительно высокая концентрация неандертальских мутаций выявлена у восточных азиатов, в том числе среди якутов (табл. 1, 2).

Таблица 1

Наиболее высокая доля SNP аутосомной ДНК с неандертальской родословной среди популяций мира*

Наименование популяции	Доля уверенно предполагаемых неандертальских SNP в %
Chipewyan (Чипевиян, Канада)	1.633
Bougainville (Бугенвиль, Папуа-Новая Гвинея)	1.622
Rapuan (Папуасы)	1.596
Australian (Австралийские аборигены)	1.559
Atayal (Атаял, коренное население острова Тайвань)	1.531
Yakut	1.525
Ulchi (Ульчи)	1.508
Eskimo Chaplin (Эскимосы мыса Чаплина, Россия)	1.500
Han (Хань, Китай)	1.495
Eskimo Sireniki (Эскимосы, Сиреники)	1.491
She (Шэ, Китай)	1.468
Tu (Ту, Китай)	1.466
Thai (Тайцы)	1.458
Korean (Корейцы)	1.457
Kinh (Вьетнам)	1.448
Suruí (Суруи, индейский народ в Бразилии)	1.446
Ami (Ами, Тайвань)	1.440
Pima (Индейцы Аризона, США)	1.437
Xibo (Сибо, Китай)	1.437
Tujia (Туцзя, Китай)	1.430
Itelman (Ительмены)	1.428
Cambodian (Камбоджийцы)	1.419
Altaiian (Алтайцы)	1.413
Even (Эвены)	1.411
Eskimo Naukan (Эскимосы, Наукан)	1.401

* Согласно данным Sankararaman S. et al., 2016 [33].

Эти данные были подтверждены и результатами другого исследования, опубликованного в журнале Science (табл. 2).

Наиболее высокая доля неандертальской родословной в 10 характерных для неандертальцев участков генома среди исследованных образцов геномов популяций мира* [35]

Пол	Название популяции исследованного образца генома	Предполагаемая оценка неандертальской родословной на основе оценки доли в 10 характерных для неандертальских участков генома	Пол	Название популяции исследованного образца генома	Предполагаемая оценка неандертальской родословной на основе оценки доли в 10 характерных для неандертальских участков генома
XX	Yakut	0,028*	XY	Papuan	0,025
XX	She	0,027	XY	Papuan	0,024
XX	Bougainville	0,027	XY	Aleut	0,024
XY	Chipewyan	0,026	XY	Altaiian	0,024
XX	Ulchi	0,026	XX	Eskimo Sireniki	0,024
XY	Xibo	0,026	XY	Kyrgyz	0,024
XY	Papuan	0,026	XY	Mongola	0,024
XY	Han	0,025	XX	Tubalar	0,024
XY	Australian	0,025	XY	Ami	0,024
XY	Cambodian	0,025	XY	Burmese	0,024
XX	Korean	0,025	XX	Dai	0,024
XY	Naxi	0,025	XX	Han	0,024
XY	Thai	0,025	XX	Hezhen	0,024
XX	Tu	0,025	XX	Kinh	0,024
XY	Yi	0,025	XX	Naxi	0,024
XX	Yi	0,025	XY	Oroqen	0,024
XX	Bougainville	0,025	XY	Tu	0,024
XY	Maori	0,025	XX	Dusun	0,024
XX	Papuan	0,025	XY	Papuan	0,024
XY	Papuan	0,025	XY	Yakut	0,022

* Для того чтобы получить данные в % значение показателя надо умножить на 100. Например, $0,028 \times 100 = 2,8\%$.

Как показано в таблице 2, самые высокие уровни неандертальских последовательностей обнаружены у якутской женщины 2,8%, в то время у якутского мужчины этот показатель составил всего 2,2%. По нашему мнению, это обстоятельство объясняется особенностями этногенеза якутской популяции. Согласно неопубликованным нашим данным около 80% мужского населения якутского этноса являются потомками беженцев степных империй (сюнну, кидане), вытеснивших автохтонные группы коренного мужского населения в результате внедрения ими относительно передовых технологий скотоводства и масло-молочного производства. Таким обра-

зом, часть якутских женщин, будучи автохтонами, вероятно, сохранили архаические последовательности в своих геномах.

Из этого напрашивается вопрос: не описывается ли в архаических сюжетах якутского олонхо ранний период контактов людей с неандертальцами? Следует отметить, что один из ведущих в мире специалистов по популяционной генетике профессор Стенфордского университета Л.Л. Кавалли-Сфорца установил, что распространение генов очень хорошо коррелирует с распространением языков, а закономерности изменения языков в точности совпадают с закономерностями генетических изменений в популяции, хотя имеются некоторые различия [6, с. 62]. Высокий уровень неандертальских локусов генома среди якутской популяции является подтверждением возможного сохранения образа «абааһы» как отголоска былых контактов людей и неандертальцев на Алтае. Следует отметить и высокий уровень неандертальских последовательностей среди народов Алтая – алтайцы, тубалары (табл. 1, 2).

Исследователями олонхо давно установлено общее древнее происхождение архаической части героических эпосов тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. В произведениях народного фольклора образ «абааһы» является наиболее архаическим, представляя собой отголосок древних контактов людей с архаическими представителями неандертальцев и денисовцев. При реконструкции проалтайского языка компаративистами были реконструированы два слова, обозначающие обезьяну. На территории современного обитания народов алтайской языковой семьи никогда не водились обезьяны, в связи с этим можно допустить, что под протоалтайскими словами тѣса и сага обозначались древние родственники человека родо НОМО – неандертальцы или денисовцы. Вероятно, позднее эти слова утратили свое первоначальное значение и стали обозначать обезьяну. Одним из интересных образов, связанных с древней мифологией, является «албасты», образ которого широко распространен среди народов алтайской и индоевропейской языковых семей. Его возникновение также, возможно, связано с контактами людей с неандертальцами. Следы гибридизации людей с денисовцами и неандертальцами подтверждают высказанную выше точку зрения. Примененные в работе методические подходы могут быть использованы при оценке контактов архаических гоминид – неандертальцев и денисовцев с древними предками других народов. Изложенные в статье данные представляют интерес не только для фольклористов, а также и для археологов, историков, занимающихся архаической историей переселения тюркских народов Сибири и Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басилов В.Н. Албасты // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. Токарев С.А. М.: Сов. энциклопедия, 1991, Т. 1. С. 58.

Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С. Содержит ли якутский фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах?

2. Варламова Г.И. Кэптукэ Галина. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. Очерки. Якутск, Северовед, 1996. 134 с.

3. Варламова Г.И. Кэптукэ. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. РАН, СО, институт проблем малочисленных народов Севера. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.

4. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

5. Иванов В.В. Целесообразность человека. Новая газета, № 91 от 15 августа 2012. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/14/50996-tselesoobraznost-cheloveka> (дата обращения – 06.02.2018).

6. Кавалли-Сфорца Л.Л. Гены, народы, языки // В мире науки. 1992. № 1. С. 62–69.

7. Кулаковский А.Е. «Научные труды». Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.

8. Мелетинский Е.М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири. Проблемы сравнительной филологии / Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426–443.

9. Могучий Эр Соготох: олонхо. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Т. 10). Новосибирск: Наука, 1996. 440 с.

10. Мудрак О.А. Лекция 03 ноября 2005. История языков. URL: <http://polit.ru/article/2005/11/09/mudrak/> (дата обращения – 6.02. 2018).

11. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. 2-е изд., М., 1959. С. 6.

12. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.

13. Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов). Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил. 2004. С.84–141.

14. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб: Типография Императорской АН, 1898, Т. 1. 508 с.

15. Старостин С.А. У человечества был единый праязык. Знание сила. М., 2003. № 8. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/starostin-03a.htm> (дата обращения – 06.02.2018).

16. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 830 с.

18. Шипман П. Захватчики. Люди и собаки против неандертальцев. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 348 с.

19. Энума Элиш Поэма о сотворении мира // «Когда Ану сотворил небо» [Литература Древней Месопотамии]. М.: Алетейа». 2000. 456 с.

20. Dediu D, Levinson S. C. On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences. *Front Psychol.* 2013 Jul 5;4: 397. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00397.

21. De Ugarte Catherine Marin, Woods K. S., Bartolucci Alfred A. et al. Degree of Facial and Body Terminal Hair Growth in Unselected Black and White Women: Toward a Populational Definition of Hirsutism // *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism.* 2006. Vol. 91, Issue 4, 1 April, pp. 1345–1350, DOI: 10.1210/jc.2004–2301

22. Finlayson C, Pacheco F.G, Rodríguez-Vidal J. et al. Late survival of Neanderthals at the southernmost extreme of Europe // *Nature*. 2006 Oct 19; vol. 443(7113), pp. 850–853.

23. Finney P. Troll tales // *New Scientist*, 2007, 31 march, vol. 2597. URL: <https://www.newscientist.com/letter/mg19325971-100-troll-tales/> (дата обращения – 06.02.2018).

24. Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F. et al. The genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // *Nature*, 2014. Vol. 514(7523), pp. 445–449. DOI: 10.1038/nature13810

25. Gibbons A. Ancient DNA. A crystal-clear view of an extinct girl's genome // *Science*. 2012. August 31, vol. 337(6098), pp. 1028–1029. DOI: 10.1126/science.337.6098.1028.

26. Green R.E, Krause J, Briggs A.W et al. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. 2010 May 7; vol. 328(5979), pp. 710–722. DOI: 10.1126/science.1188021.

27. Helmuth H. Body height, body mass and surface area of the Neanderthals // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1998; 82(1). pp. 1–12.

28. Kuhlwilm M, Gronau I, Hubisz M.J. et al. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals // *Nature*. 2016 February 25, vol. 530(7591), pp. 429–433. DOI: 10.1038/nature16544.

29. Lalueza-Fox C, Römpler H, Caramelli D. et al. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neanderthals // *Science*. 2007. November 30, vol. 318(5855), pp.1453–1455.

30. Lieberman, Philip, Edmund S. Crelin. On the Speech of Neanderthal Man // *Linguistic Inquiry*, 1971, vol. 2, no. 2, pp. 203–222.

31. Mallick S., Li H., Lipson M. et al. The Simons Genome Diversity Project: 300 genomes from 142 diverse populations // *Nature*. 2016 October 13, vol. 538(7624), pp. 201–206. DOI: 10.1038/nature18964.

32. Reich D, Green R.E, Kircher M. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. December 23, vol. 468(7327). pp.1053–1060. DOI: 10.1038/nature09710.

33. Sankararaman S., Patterson N., Li H., Pääbo S. et al. The Date of Interbreeding between Neandertals and Modern Humans // *PLoS Genetics*. 2012. 8(10). DOI: 10.1371/journal.pgen.1002947

34. Sankararaman S., Mallick S., Patterson N. et al. The Combined Landscape of Denisovan and Neanderthal Ancestry in Present-Day Humans // *Current Biology*. 2016, May 9; vol. 26(9), pp. 1241–1247. DOI: 10.1016/j.cub.2016.03.037.

35. Setty L.R. The Sterno – Infraclavicular Chest Hair Pattern // *Journal of the National Medical Association*. 1962, vol. 54 (4), pp. 486–487.

36. Stachowski M. Jakutisch abahy «Teufel» // *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2001, vol. 6, pp. 173–180.

37. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Language. Bill. Academic Pub. 2003. 2096 p.

38. Tarle L. Clothing and the Replacement of Neanderthals by Modern Human. 2012. Simon Fraser University. Degree Master of Art. 160 p.

39. Unesco. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Intergovernmental Committee for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage.

Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С. Содержит ли якутский фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах?

Third session Istanbul, Turkey, 4 to 8 November 2008. ITH/08/3.COM/CONF.203/1. Annes.

40. Wolfram L.J., Dika E., Maibach H.I. *Hair Anthropology // Ethnic skin and hair*. New York, 2007. pp. 55–78.

Сведения об авторах: Тихонов Дмитрий Гаврильевич – доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института здоровья Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677008, ул. Строителей, 8, Якутск, Российская Федерация); tikhonov.dmitrii@yandex.ru

Захарова Агафья Еремеевна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра нематериальной культуры народов Республики Саха (Якутия) при Доме дружбы народов им. А.Е. Кулаковского (67000, ул. Поляркова, 4, Якутск, Российская Федерация); solnse18@mail.ru

Неустроева Татьяна Семеновна – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института здоровья Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (677027, ул. Белинского, 58, Якутск, Российская Федерация); neustroeva1944@mail.ru

DOES YAKUT FOLKLORE CONTAIN INFORMATION ON NEANDERTHALS AND DENISOVANS?

D.G. Tikhonov**, *A.E. Zakharova***, *T.S. Neustroeva*

** Research Institute of Health, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
tikhonov.dmitrii@yandex.ru*

*** Center of Intangible Cultural Heritage of Peoples of the Republic Sakha
(Yakutia) at A.E. Kulakovskii House of Peoples' Friendship
Yakutsk, Russian Federation
solnse18@mail.ru*

The objective of the study is to analyze the ancient roots of Turkic peoples' folklore and heroic epos, research the etymology of the word "abaahy" – the main character of the Yakut olonkho, the distinctive features of its image, and also the scientific facts which verify its origin from the archaic representatives of the Homo kindred.

The work is based on the results of studying the Turkic peoples' folklore and heroic epos, published research papers which focus on the etymology of the terms denoting the main characters "albasty" and "abaahy", and also the lifestyle, appearance, anatomy, and genetics of the archaic hominids – Homo neanderthalensis, Denisovan hominine. Research articles on olonkho, the texts of Yakuts' Olonkho heroic epos – the largest indigenous ethnic groups of North-Eastern Siberia have been analyzed. As a result of the conducted research, the most generalized image of "abaahy" has been created, its prototypes in the ancient history have been presented.

Keywords: folklore, olonkho, Turk-Mongols, the image of "abaahy", "albasty", "sara", Neanderthal man, Denisov man, full genome analysis

For citation: Tikhonov D.G., Zakharova A.E., Neustroeva T.S. Does Yakut Folklore Contain Information on Neanderthals and Denisovans? *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 14–28. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.14-28

REFERENCES

1. Basilov V.N. Albasty [The Monsters]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kn.* [Myths of of the Peoples of the World. Encyclopedia in 2 Volumes]. Chief Ed. Tokarev S.A. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., 1991, vol.1, pp. 58. (In Russian)
2. Varlamova G.I, Keptuke Galina. *Epicheskie traditsii v evenkiyskom fol'klоре. Ocherki* [Epic Traditions in the Evenki Folklore. Articles]. Yakutsk, Severoved Publ., 1996. 134 p. (In Russian)
3. Varlamova G.I. Keptuke Galina. *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiyskogo fol'klora* [Epic and Seremonial Genres in the Evenkis Folklore]. The Siberian Branch of the Russian Science Academy, Institute of the Problems of Low-numbered Peoples of the North. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 376 p. (In Russian)
4. *Drevnetyurkskiy slovar* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 677 p.
5. Ivanov V.V. Tselesoobraznost' cheloveka [A Human's Worthwhileness]. *Novaya gazeta – New Newspaper*, no. 91. August 15, 2012. (In Russian) Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/14/50996-tselesoobraznost-cheloveka>. (accessed 06.02.2018).
6. Cavalli – Sforza L.L. Geny, narody, yazyki [Genes, Ethnos, Languages]. *V mire nauki – In the World of Science*, 1992, no. 1, pp. 62–69. (In Russian)
7. Kulakovskiy A.E. *Nauchnye trudy* [Scholarly Works]. Yakutsk, Book Publ. House, 1979. 484 p. (In Russian)
8. Meletinskiy E.M. O drevneyshem tipe geroya v epose tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Problemy sravnitel'noy filologii [On the Ancient Type of hero in the epic of Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Issues of Comparative Philology]. *Sbornik statey k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V.M.Zhirmunskogo* [Collection of Articles for the 70-h anniversary of V.M. Girmunskoy, Member Correspondent of USSR Academy of Sciences]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 426–443. (In Russian)
9. Moguchiy Er Sogotokh: Olonkho [Mighty Single Man: Olonkho]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Memorials of Siberia and Far East Peoples, vol. 10]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996. 440 p. (In Russian)
10. Mudrak O.A. *Istoriya yazykov. Lektsiya 03 noyabrya 2005.* [History Native Languages. Lecture from November 3, 2005]. (In Russian). Available at: <http://polit.ru/article/2005/11/09/mudrak/> (accessed 6.02.2018).
11. Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut – Russian Dictionary, vol. 1, 2nd edition]. Moscow, 1959, pp. 6. (In Russian)
12. Pukhov I.V. *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho. Osnovnye obrazy* [Yakut Heroic Epos Olonkho. Key Images]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. House. 1962. 256 p. (In Russian).
13. Pukhov I.V. Geroicheskiy epos tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichiya. [Heroic Epic of Siberian Turkic-Mongolian peoples. Commonality, similarities, differences.] *Epos olonkho i epicheskaya poeziya sakha*

(*yakutov*) [The Olonkho Epic and Epic Poetry of Sakha (Yakut) People.] Yakutsk, Yakutiya branch of the Russian Academy of Sciences Publ. House., 2004. pp. 84–141. (In Russian)

14. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [A Trial dictionary of Turkic Dialects]. St. Petersburg, 1898, vol. 1, pp. 439–440. (In Russian)

15. Starostin S.A. U chelovechestva byl edinyy prayazyk [Mankind had one Common Ancestor Language]. *Znanie sila* [Knowledge is Strength]. Moscow, 2003, no. 8. (In Russian) Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/starostin-03a.htm> (accessed 06.02.2018)

16. *Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. by P.A. Sleptsov]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. 222 p. (In Russian)

17. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Russian Etymological Dictionary / Translated from German and enriched by O.N.Trubachev. 2nd edition]. Moscow, Progress Publ., 1987. 98 p. (In Russian)

18. Shipman P. *Zakhvatchiki. Lyudi i sobaki protiv neandertal'tsev* [Invaders. People and dogs against Neanderthals. Translated from English]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2016, pp.45–56. (In Russian)

19. Enuma Elish. *Po'ema o sotvorenii mira* [Poem about creating the world "When «Anu» created the sky", Literature of Ancient Mesopotamia]. Moscow, Aleteya Publ., 2000. 35 p. (In Russian)

20. Dediu D, Levinson SC. On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences. *Front Psychol*, 2013 Jul 5; 4:397. DOI: 10.3389/fpsyg.2013.00397. (In English)

21. De Ugarte Catherine Marin, Woods K. S., Bartolucci Alfred A. et al. Degree of Facial and Body Terminal Hair Growth in Unselected Black and White Women: Toward a Populational Definition of Hirsutism, *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*. 2006, Volume 91, Issue 4, 1 April, pp. 1345–1350, <https://doi.org/10.1210/jc.2004-2301>. (In English)

22. Finlayson C, Pacheco FG, Rodríguez-Vidal J. et al. Late survival of Neanderthals at the southernmost extreme of Europe. *Nature*. 2006 Oct 19; vol. 443(7113), pp. 850–853. (In English)

23. Finney P. Troll tales. *New Scientist*, 2007, 31 March, vol. 2597. Available at: <https://www.newscientist.com/letter/mg19325971-100-troll-tales> (accessed 06.02.2018). (In English)

24. Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S.N. et al. The genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia. *Nature*, 2014. Vol. 514(7523), pp. 445–449. DOI: 10.1038/nature13810.(In English)

25. Gibbons A. Ancient DNA. A crystal-clear view of an extinct girl's genome. *Science*, 2012. August 31, vol. 337(6098), pp. 1028–1029. DOI: 10.1126/science.337.6098.1028. (In English)

26. Green RE, Krause J, Briggs AW et al. A sequence of the Neandertal genome. *Science*, 2010 May 7; vol. 328(5979), pp. 710–722. DOI: 10.1126/science.1188021 (In English)

27. Helmuth H. Body height, body mass and surface area of the Neanderthals. *Z Morphol Anthropol*. 1998; 82(1), pp. 1–12. (In English)

28. Kuhlwilm M, Gronau I, Hubisz MJ. et al. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals. *Nature*, 2016 February 25, vol. 530(7591), pp. 429–433. DOI: 10.1038/nature16544. (In English)

29. Lalueza-Fox C, Römpler H, Caramelli D et al. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neanderthals. *Science*, 2007 November 30, vol. 318(5855), pp.1453–1455. (In English)

30. Lieberman, Philip, and Edmund S. Crelin. «On the Speech of Neanderthal Man.» *Linguistic Inquiry*, vol. 2, no. 2, 1971, pp. 203–222. JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/4177625. (In English).

31. Mallick S, Li H, Lipson M. et al. The Simons Genome Diversity Project: 300 genomes from 142 diverse populations. *Nature*. 2016 vol. 538(7624), pp. 201–206. DOI: 10.1038/nature18964. (In English)

32. Reich D, Green RE, Kircher M. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia. *Nature*, 2010 December 23, vol. 468(7327). pp.1053–1060. DOI: 10.1038/nature09710. (In English)

33. Sankararaman, S., Patterson, N., Li, H., Pääbo, S., & Reich, D. (2012). The Date of Interbreeding between Neandertals and Modern Humans. *PLoS Genetics*, 2012. 8(10). DOI: 10.1371/journal.pgen.1002947 (In English)

34. Sankararaman S, Mallick S, Patterson N, Reich D. The Combined Landscape of Denisovan and Neanderthal Ancestry in Present-Day Humans. *Current Biology*, 2016, May 9, vol. 26(9), pp. 1241–1247. DOI: 10.1016/j.cub.2016.03.037. (In English)

35. Setty LR. The Sterno – Infraclavicular Chest Hair Pattern. *Journal of the National Medical Association*, 1962, vol. 54 (4), pp. 486–487. (In English)

36. Stachowski M. Jakutisch abahy «Teufel». *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2001, vol. 6., pp.173–180. (In English)

37. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Bill Academic Pub., 2003. 2096 p. (In English)

38. Tarle L. Clothing and the Replacement of Neanderthals by Modern Human. 2012, Simon Fraser University, Degree Master of Art. 160 p. (In English)

39. Unesco. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Intergovernmental Committee for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage. Third session Istanbul, Turkey, 4 to 8 November 2008. ITH/08/3.COM/CONF.203/1. Annes. (In English)

40. Wolfram L.J., Dika E., Maibach H.I. Hair Anthropology. *Ethnic Skin and Hair*. New York, 2007, pp. 55–78. (In English)

About the authors: Dmitrii G. Tikhonov is a Doctor of Science (Medicine), Professor, Chief Researcher of Research Institute of Health, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., Yakutsk 677027, Russian Federation); tikhonov.dmitrii@yandex.ru

Agafiya E. Zakharova is a Candidate of Science (Philology), Head of the Center of Intangible Cultural Heritage of Peoples of the Republic Sakha (Yakutia), A.E. Kulakovskii House of Peoples' Friendship (4, Poyarkova St., Yakutsk 677000, Russian Federation); solnse18@mail.ru

Tatiana S. Neustroeva is a Candidate of Science (Medicine), Leader Researcher of the Department of Polar (Arctic) Medicine, Research Institute of Health, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., Yakutsk 677009, Russian Federation); neustroeva1944@mail.ru

НАРТИАДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

М.Р. Арпентьева

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Российская Федерация
mariam_rav@mail.ru*

В статье рассматриваются основные проявления (формы) и идеи (ценности) эпического фольклора осетин и других народов Кавказа, а также Нартиады как его центрального эпоса. На основе анализа данного фольклорного источника показываются некоторые аспекты этнокультурные связей кавказского региона с различными цивилизациями, включая тюркский мир.

Ключевые слова: осетины, народы Кавказа, кельты, сарматы, тюрки, фольклор, историческая память, эпос, сказки, Нартиада, нарты

Для цитирования: Арпентьева М.Р. Нартиада как исторический источник // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 29–42. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.29-42

Народы Кавказа за свою многовековую историю создали, развили и во многом сохранили богатейший фольклор. Эпические творения в нем занимают важнейшее, образующее место – это основное хранилище и важный способ ретрансляции исторической памяти, это художественно воплощенная и осмысленная история народа, это идеология специфической манифестации духовно-нравственных ценностей, это мощнейший, основной мировоззренческий «столп» культуры, а также система традиций, которая удерживает людей в культуре и истории [17; 20; 21; 22; 32; 40]. Е.И. Крупнов пишет, что весьма насыщенная событиями эпоха I тысячелетия до н. э. на Северном и Западном Кавказе ознаменовалась «...созданием эпической песни и оформлением самых существенных основ знаменитого нартского эпоса кавказских народов» [27, с. 29]. Процесс сложения эпосов, мифов, сказок и былин, по мнению большинства исследователей, охватывает огромный промежуток времени – с древнейших времен и вплоть до начала XX в.

Эпос определяют как героическое повествование народа о своем прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей [28; 30; 31; 33; 34; 35; 39; 41; 42]. Он выступает в форме былин, былей или быличек, старины – правдивой истории о произошедших в реальности событиях, описывающих их с помощью специальных формул — поэтических сочинений большого размера. Например, с помощью «правила трех» («rule of three»): три брата отправляются в путь, три попытки дается на

решение, три загадки задают герою. Эпос без формул не существует. Формула – это сочетание слов, которое используется (с незначительными изменениями или без них) когда возникает подходящая для этого ситуация. Эпический фольклор – основной хранитель системы ценностей народов, их исторической памяти [18; 19; 24; 25; 26].

Устно-поэтическое творчество осетин и других народов Кавказа очень богато и разнообразно. Героический эпос, сказки, легенды и предания, песни, пословицы, загадки слагались и исполнялись народными сказителями и певцами, скотоводами и охотниками. В нем ведущее положение занимает героический нартский эпос [4; 5; 11; 12; 15], Нартиада – это эпос о богатырях-нартах [1; 2; 3; 6; 8; 10; 16], который представляет собой древний и многоверсионный эпический цикл автохтонных народов Кавказа. Культура северо-иранских (скифо-сарматов) народов в данном эпосе представлена весьма ярко и полно. Наиболее важные периоды его формирования и развития связаны с VIII–VII вв. до н. э., а также с XIII–XIV вв. – временами, которые ранее не объединялись общей канвой сказания, но стали образовываться в циклы, агрегируясь вокруг какого-либо героя или события. В разных этнических, региональных версиях есть как общие, так и особые сюжеты, герои, имена и названия. У аварцев, лакцев, тюркоязычных кумыков в Дагестане, у тюркоязычных ногайцев в Предкавказье многие образы и сюжеты нартовского эпоса встречаются в форме сказаний и сказок, что говорит об их контактах с народами-носителями, прежде всего с осетинами и с их предками – сарматами и аланами [1, с. 157, с. 218; 5, с. 29–48; 21, с. 154, с. 156–158, 163–174; 41, с. 47–52; 42, с. 119, с. 15; 43; 44; 45, с. 159–179]. Близость осетинской, адыгской и карачаево-балкарской версий Нартиады подчеркивается в некоторых работах [35, с. 28–35].

Сбор фольклора, эпических песен и прочих фольклорных произведений осетин (аланов), а также других народов Кавказа начался во второй половине XIX в. Вторая Мировая война прервала этот процесс. Ситуацию осложнили депортации некоторых народов Кавказа в годы войны. В отличие от Алтая, все еще сохраняющего сказителей и кайчи, на Кавказе живых носителей нартского эпоса можно было встретить лишь в третьей четверти XX в., а в конце века и в настоящее время их уже практически не осталось. К сожалению, многие фольклорные материалы остаются утерянными или малоизученными.

В конце XX в. развернулась интенсивная работа (в том числе в под руководством Т. Гуриева) по изучению фольклорного наследия народов Кавказа. Одним из центральных вопросов исследования региона, как отмечают исследователи, и всей Евразии, является изучение Нартиады – эпоса народов Кавказа о его богатырях, нартах. П.К. Услар отмечает: «На Кавказе существует народная поэма о нартах, которая покуда, как и все народные поэмы, представляется раздробленной на множество отдельных песней. Эта поэма существует, как мне известно, у адыгов, кабардинцев, осетин, аварцев, казикумыков, – вероятно, и у других народов. В ней есть

целые генеалогии героев, богов, фантастических существ и пр. и пр., и в этом отношении, как и в отношении к характерам различных личностей, существует замечательное сходство. У каждого народа есть несколько певцов, которые славятся знанием этих песней... В большей части сказок действуют великаны – Нарты: нарты – это герои древних эпических сказаний многих кавказских народов – осетин, кабардинцев, абазин, адыгов, убыхов, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей» [43, с. 36, 36–41]. Нарты упоминаются в фольклоре народов Дагестана (тюрко-язычных кумыков) и Грузии (сванов, рачинцев, хевсуров) [33, с. 199]. Кавказский нартский эпос характеризуется наличием многих одинаковых имен героев, сюжетов, композиций и т. д. Это объясняется соседством народов в течение многих веков [25, с. 219–220]. Отмечаются и отличия: у осетин и кабардинцев Нарты являются героями песен и сказок, а каждый Нарт имеет не только имя, но «известна и родословная его» [4, с. 28].

В середине XX в. взгляды П.К. Услара поддержали многие исследователи. В числе них В.И. Абаев, отметивший следующее: «Эпическая песня была от глубокой древности до наших дней той господствующей формой, в которую выливалось духовное творчество народа ... нарты – это образ чудесного легендарного мира, воссозданный с такой могучей простотой и пластической силой, что он становится нам близок и понятен, и мы отдаем невольную дань поэтическому гению создавшего его народа» [4, с. 30]. Т.А. Гуриев отмечал, что в нартских сказаниях «...мы обнаруживаем следы различных эпох» [17, с. 23], а сам «эпос был не только исторической памятью, но и умом народа, сводом его нравственных правил. В памяти людей удерживалось все самое важное ... нарты были носителями строгой нравственности, нарушение нравственных норм делало нарта изгоем, основным же критерием оценки поступков этих героев считалась их общественная значимость» [34, с. 3–4, 6].

В Нартиаде содержатся важнейшие данные о развитии осетинского и других народов Кавказа. Это произведение во многом близко Ионической песне (Илиада и Одиссея), Махабхарате, Шах-Наме, Нибелунге и Калевале не только в части общих сюжетов и схем развития событий, но и в некоторых «деталях». Как и иные эпосы, Нартиада рассказывает о жизненном опыте народов, их выживании и развитии, борьбе и победах. Больше внимание уделяется народу, ставшему «прародителем» других [46; 47; 48]. «Ж. Дюмезиль определил Скифию, как один из центров античной цивилизации, влиявший на окружающий мир и, в то же время вбиравший в себя элементы иноэтнических культур, – пишет Т.А. Гуриев. – Ж. Дюмезиль неоднократно отмечал сходство скандинавских и кавказских легенд и сказаний [24; 52, с. 127–129]. Т.А. Гуриева уточняет В.И. Абаев: «Хотя скифское происхождение осетин, несомненно, из грузинских летописей можно узнать о некоторых событиях, установить некоторые даты из истории их более близких предков, алан .... Все, что сколько-нибудь точно известно об этих «европейских иранцах», относится к двум крайним точкам исто-

рического пути длиною в два с половиной тысячелетия. И чудо, что в таких условиях все еще можно распознать столько «пережитков». Но это чудо неоспоримо: по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов» [4, с. 153]. Синонимичную позицию высказал другой известный исследователь фольклора Кавказа В.Ф. Миллер: «Можно считать доказанной и общепризнанной истиной, – писал он – что маленькая народность осетин представляет собою последних потомков большого иранского племени, которое в средние века известно было как аланы, в древние – как сарматы, или понтийские скифы» [32, с. 34]. Он отмечает: «В настоящее время, когда только начинают обнародовать народные эпические сказания кавказских горцев, еще рано ставить вопрос, у кого из этих народов они возникли впервые и в какое время распространились среди других народов» [31, с. 11]. Т.А. Гуриев, развивая гипотезу В.И. Абаева о монгольском влиянии на развитие осетинского языка, предположил, что в XIII–XIV вв. предки осетин заимствовали известную генеалогическую легенду о происхождении «золотого рода» Чингисхана, а с этой легендой в древний скифско-аланский эпос вошли имена монгольских героев.

Основные герои Нартиады находятся в родственных отношениях, образующих четыре поколения и три рода (фамилии), которые составляют четыре центральных и множество побочных циклов («генеалогическая циклизация»).

1) Начало нартов (Уархаг и его сыновья, Хсар и Хсартаг) – в основе сказания об Ахсаре и Ахсартаге лежит тотемический миф о происхождении племени от волка (аналогично легенде о Ромуле и Реме). Нарты произошли от дочери водного божества Дзерассы (Шасаны или Сасаны), о чем они «вспоминают» практически всегда, но «герои мифов, боги, полубоги в ходе эволюции эпических сюжетов превращаются в бытовых героев» [34, с. 205].

2) «Заземление», очеловечивание мифических, сверхчеловеческих мотивов и героев, бытовые мотивы превалируют над мифологическими, происходит философское наполнение эпоса. Главные герои – Урузмаг и Сатана, муж и жена. Миф о них можно отнести к теогоническим, антропогоническим и этногоническим мифам [3, Кн. I, с. 25]: «С точки зрения социальной типологии аланская Сатана – родная сестра сарматской царицы Амаги (Полней), скифской Тамирис (Геродот), массагетской Зарины (Ктесий)» [3, Кн. I, с. 25]. Ей вполне соответствует ее муж Урузмаг. Образ идеальной пары – Сатаны и Урузмага присутствует во всех циклах.

3) На смену герою-колдуну приходит герой-воин, герой-богатырь Сослан, который потом превращается в «культурного героя» [30].

4) Батраз – богатырь без колдовских ухищрений, идеал мужчины: несокрушимая сила, отвага, презрение и ярость к врагам и насильникам, в нем бушуют космические силы, а на его жизни, рождении и смерти лежит печать чудесного, что приближает его к титанам-богатырям, к кавказско-

му Амирану, к греческому Прометею. В Батразе прослеживается «правда истории», смерть язычества под давлением христианства. Она прочитывается и в мотиве кровной мести.

Интересны циклы Сырдона – хитроумного, музыканта-«менестреля» Ацамаза, а также сюжеты, посвященные другим героям: Тотразу, Арахцау, Сауай, Сыбалц, Айсаной. Здесь описывается борьба с великанами, походы за добычей и приключения на охоте, сражения между нартовскими фамилиями и отдельными героями, события на почве кровной мести и соревнования героев за женщину («добывание жен»), путешествия в загробный мир (в цикле Сослана), борьба с небожителями (в цикле Батраза) и т. д. Сырдон, «нарты фыдбыльыз» (зло нартов) – оборотень и трикстер, который умеет постоять за себя и добиться своего. В нем мало героического: весь юмор эпоса реализуется через образ Сырдона. Сравнивая трикстеров Нартиады (Сырдона и др.) с аналогичными персонажами других эпосов (Локи, Брикри, Кеу и др.) обнаруживается много схожих сюжетных явлений. Однако в Нартиаде Сырдон – носитель юмористического начала, что не типично ни для ирландских саг, ни для скандинавских эдд, ни для Нибелунгов [3, с. 69].

В образе Сырдона исследователи видят родство с греческим Одиссеем, скандинавским Локи, ирландским Брикриу. В работе А. Кристоля отмечается, что и Одиссея, и Нартиада содержат одинаковые описания героев: наследование определённого социального сословия по отцу; важность материнской линии, с присущей женщине хитростью и магией; проживание на краю мира в тайном жилище; способность к перевоплощению в других людей или животных; двоякое отношение к ним других героев и т. д. [26, с. 149–159]. Однако при всех возможных параллелях, при всех совпадениях, по образному выражению В. Цагараева «образ Сырдона ухитряется выскользнуть от исследователя с иронической улыбкой на своем многоликом лице» [47, с. 254]. Нартовский эпос схож и с некоторыми русскими былинами [39, с. 126–127]. Внимательному исследователю очевидна типологическая идентичность Садко и Сырдона.

Анализ осетинских нартовских сказаний позволил Ж. Дюмезилю утверждать, что Локи скопирован с Сырдона [24, с. 126], а посредниками «передачи» образа являются скифо-аланские племена. Что касается Одиссеи и Нартиады, то В.И. Абаев полагал, что между ними имеется «общая фольклорная основа» [3, Кн. I, с. 328]. Вместе с тем, в кавказских национальных вариантах нартовского эпоса образ Сырдона и его аналогов представлен слабо или отсутствует (Сырдон-Ширдон – Ширтка-Шертуко-Ширтан-Батако-Шертуко) [10, с. 365–366; 24, с. 116–118]. Его практически нет в кабардинской версии эпоса. Таким образом, «истоки эпоса ведут к легендам северо-иранских племен, скифов, сарматов и алан» [2, с. 79].

История переселения и взаимодействия народов Кавказа, Европы и Азии отражается в Нартиаде и на уровне, связанном с религиозными процессами в данном регионе. Интересен в этом смысле «богоборческий мотив», представленный в эпосе. Ж. Дюмезиль и В.И. Абаев, полагали, что

он отражает борьбу христианства с язычеством: «Борьба и смерть Батраза, борьба и смерть Сослана, наконец, гибель нартов – это, быть может, поэтическое отображение борьбы старого, примитивного языческого натурализма с новым христианским культом» [3, с. 204; 20]. Приход христианства в начале X в. обозначил закат эпической традиции, ее вытеснение на периферию. Е.М. Мелетинский рассматривает отказ поклоняться «новым богам» как проявление «противоречивого отношения к христианизации, какое, вероятно, существовало в Алании» [30, с. 165]. Однако исследователи пишут и о том, что молитвословия, обращенные к Мады Майрам, Уац-Никколе и Тутыру, говорят о том, что «христианское догматическое учение достаточно гармонично вписалось в сакральную сферу осетинского народа» [19, с. 249].

Об исторических связях некоторых народов Кавказа с тюрко-монгольским миром по фольклорным материалам пишет Т.А. Гуриев: «Аланы в XIII–XIV вв. заимствовали монгольскую генеалогическую легенду о происхождении «золотого» рода Чингисхана. Основные, наиболее «сильные» мотивы той легенды вошли в древний эпос алан/осетин» [14, с. 7]. Это, например, история о рождении Шатаны, дочери Дзерассы, которая является «женщиной небесного происхождения, хотя «злые и глупые» считают ее «незаконнорожденной» [14, с. 9]. Теснейшая связь осетинской и тюркской культуры очевидна при анализе Нартиады и в том, что некоторые, в том числе «корневые» сюжеты Нартиады восходят к сюжетам «татаро-монгольским» и, исчезая у многих иных народов Кавказа, сохраняются у тюрков данного и других регионов [49; 51; 53].

Ученые до сих пор спорят о времени и месте формирования нартского эпоса народов Кавказа. Очевидно, что за многие века развития его национальные версии приобрели специфические этнокультурные особенности. Эпос народов Кавказа оставил многочисленные свидетельства их связью с другими народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. Религия. Фольклор. Владикавказ: «Ир», 1990. Т. 1. С. 142–242.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Известия Северо-Осетинского НИИ; Т. X. Вып. 1. Дзауджикау: Сев.-Осет. гос. изд-во, 1945. С. 23–142.
3. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. Кн. I, II, III. 435+499+179с.
4. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 608 с.
5. Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Дагестанский НЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2004. 425 с.

6. Ах(ф)риев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. 1872. 872, № 27–35, 39, 42, 43, 45–49; 1873, № 3, 21, 22, 24–26.

7. Васильев А. Memory Studies: Единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // НЛО. 2012. Вып. 117. С. 461–480.

8. Вернадский В.Г. История России. Древняя Русь. М.: Аграф, 2000. 480 с.

9. Воробьева О.В. Историческая память и профессиональная историография // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 240–250.

10. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т.1. / Сост., науч. ред. К.Г. Дзугаев. Цхинвал: Ирыстон, Дом печати, 2010. 814 с.

11. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыгейское отделение, 1987. 406 с.

12. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 491 с.

13. Грисар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура / Сост. и пер. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. С. 45–67.

14. Гуриев Т. А. Об одном спорном вопросе в Нартиаде // IV Миллеровские чтения с международным участием. Материалы научной конференции 11–12 ноября 2014 г. / Под ред. З.В. Кануковой. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 3–9.

15. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. Орджоникидзе: Ир, 1971. 168 с.

16. Гуриев Т.А. Памятник особого рода: язык. Владикавказ: Госкомиздат РСО, 1995. 31 с.

17. Гуриев Т.А. Проблемы Нартиады. Учеб. пособ. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1982. 35 с.

18. Гуриев Т.А. Сборник избранных работ. Владикавказ, Издательство СОГУ, 2010. 295 с.

19. Гурциева О.А. Христианские черты в традиционных осетинских молитвах // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2005. Вып. 6. С. 227–251.

20. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1993. 208с.

21. Далгат У.Б. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г., Орджоникидзе / Ред. В.И. Абаев и др. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. С. 154–174.

22. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975. 347 с.

23. Джиоева Г.Х., Цаллагова З.Б. Этнопедагогика осетинской семьи // Воспитательная работа в образовательных учреждениях: опыт и перспективы. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. С. 108–115.

24. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. 276 с.; Владикавказ: Наука, 2001. 278 с.

25. Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 2009. 471 с.

26. Кристолю А. Сырдон и Одисей // Эпос и мифология осетин и мировая культура / Сост. и пер. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. С. 67–78.

27. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Е.И. Крупнов, Ш.Д. Инал-Ипа, Б.А. Калоев и др. М.: Наука, 1969. С. 15–29.

28. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос / Отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1985. 223 с.

29. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 111–336.

30. Мелетинский М.Е. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 464 с.

31. Миллер В.Ф. Осетинские этюды // Ученые записки императорского Московского университета. Ч.1. М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. 164 с.

32. Миллер В. Ф. В горах Кавказа. Владикавказ: Алания, 1998. 520 с.

33. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, Дрофа, 2008. 1392 с. Т. 2: К – Я. 719 с.

34. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. Выпуск 3. 266 с.

35. Плаева З.К. Цикл Ацамаза в осетинском нартском эпосе (в сопоставлении с другими национальными версиями «Нартиады») // IV Всероссийские Миллеровские чтения. Материалы научной конференции 11–12 ноября 2014 г. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (СОИГСИ), 2014. Т. IV. С. 28–35.

36. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.

37. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) Препринт WP6/2003/07. Серия WP6 Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

38. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

39. Тадевосян Т. Архетипы морского царя и подводного царства в русской былинке Садко и в осетинском нартском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 12–29.

40. Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: Изд.-полиграфический центр СОИГСИ РАН и РСО-А, 2014. 210 с.

41. Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 344 с.

42. Гуаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского университета (СОГУ), 2001. 315 с.

43. Услар П.К. Письмо к А.П. Берже от 3 июня 1864 г. // Услар П.К. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 7–10.

44. Фидарова Р. Я., Кайтова И. А. Поиски первоначал бытия в нартском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпрета-

ции: сб. научных трудов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. Выпуск 3. С. 200–211.

45. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы, 1992. 274 с.

46. Хейердал Т. Лиллиестрем П. В погоне за Одним. По следам нашего прошлого. М.: Менеджер, 2008. 430 с.

47. Цагараев В. Золотая яблоня нартов: история, мифология, искусство, семантика. Владикавказ: Республиканское издательско-полигр. Предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. 300 с.

48. Чибиров Л.А. Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. научных трудов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. Выпуск 3. С. 84–89.

49. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. СПб.: Новое Литературное Обозрение, 2006. 699 с.

50. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, Verso, 2016. 256 p.

51. Colarusso J. Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz, and Ubykhs. Princeton, Princeton University Press. XXIV, 552 p.

52. Dumezil G. Le livre des Heros. Legendes sur les Nartes. Paris, Gallimard, 1965/1989. 264 p.

53. Tavkul U. Nartlar. Karacay-Malkar Mitolojisinin Destan kahramanlari. Ankara, Turk Dil Kurumu yayinlari, 2011. 280 p.

Сведения об авторе: Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (248023, ул. Разина, 22/48, Калуга, Российская Федерация); mariam_rav@mail.ru

NARTIADA AS A HISTORICAL SOURCE

M.R. Arpentyeva

K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University

Kaluga, Russian Federation

mariam_rav@mail.ru

The article examines the main manifestations (forms) and ideas (values) of the epic folklore of Issetians and other peoples of Caucasus, and also “Nartiade” as its key epic. Based on the analysis of the given folklore source, some aspects of ethnic-cultural connections of the Caucasus region with other civilizations, including the Turkic world, have been indicated.

Keywords: Ossetians, peoples of Caucasus, Celts, Sarmatians, Turks, folklore, historical memory, epic, fairy tales, Nartiada, nart

For citation: Arpentyeva M.R. Nartiada as a Historical Source. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 29–42. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.29-42

REFERENCES

1. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin [The Nart Epic of Ossetians]. *Izbrannyye trudy. Religiya. Fol'klor* [Selected works. Religion. Folklore]. Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, vol. 1, pp. 142–242. (In Russian)
2. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin [The Nart Epic of Ossetians]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo NII* [Bulletin of the North Ossetian Scientific Research Institute]. Vol. 10, Issue. 1. Dzauzhikau, Northern Oset. State Publ. House, 1945, pp. 23–142. (In Russian)
3. Abaev V.I. Nartovskiy epos osetin [The Nart Epic of Ossetians]. *Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos* [Narts. The Ossetian Heroic Epic]. Moscow, Nauka Publ., Chief Editorial Board of Oriental Literature, 1990, Vol. 1, 2, 3. 435 p. + 499 p. + 179 p. (In Russian)
4. Abaev V.I. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [The Ossetian Language and Folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1949. 608 p. (In Russian)
5. Adzhiev A.M. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo kumykov* [Oral Folk Art of Kumyks]. Makhachkala, Dagestan Research Center of RAS, G. Tsadasy Institute of Language, Literature and Art., 2004. 425 p. (In Russian)
6. Akh(f)riev Ch. Etnograficheskiy ocherk ingushskogo naroda s prilozheniyem yego skazok i predaniy [Ethnographic sketch of the Ingush people with the application of their fairy tales and legends]. *Terskiye vedomosti – Terskiye Journal*, 1872, No. 27–35, 39, 42, 43, 45–49; 1873, No. 3, 21, 22, 24–26. (In Russian)
7. Vasiliev A. Memory Studies: Yedinstvo paradigmny – mnogoobrazniye ob'yektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: Unity of the Paradigm – Diversity of Objects (A review of English-language books on the history of memory)]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie – New Literary Review*, 2012. Issue 117, pp. 461–480. (In Russian)
8. Vernadskiy V.G. *Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus'* [Russian History. Ancient Rus]. Moscow, Agraf Publ, 2000. 480 p. (In Russian)
9. Vorobyeva O.V. Istoricheskaya pamyat' i professional'naya istoriografiya [Historical Memory and Professional Historiography]. *Prepodavatel' 21 vek – Teacher 21st Century*, 2015, no. 4, pp. 240–250. (In Russian)
10. Gagloyti Y.S. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Comp., ed. K.G. Dzugaev. Tskhinval, Iryston, Press House, 2010. 814 p. (In Russian)
11. Gadagatl A.M. *Geroicheskiy epos «Narty» adygskiikh (cherkesskiikh) narodov* [The Heroic Epic “Narty” of the Adyghe (Circassian) Peoples]. Maikop, Krasnodar. Book Publ. House: Adyghe Department, 1987. 406 p. (In Russian)
12. Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2002. 491 p. (In Russian)

13. Grisar J. Motiv mecha, broshennogo v ozero: smert' Artura i smert' Batradza [The motive of the sword thrown into the lake: the death of Arthur and the death of Batradza]. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* [Epic and Mythology of Ossetians and World Culture]. Compl. T. Kambolov. Vladikavkaz, K.L. Khetagurova SOGU Publ., 2012. pp. 45–67. (In Russian)

14. Guriev T.A. Ob odnom spornom voprose v Nartiade [On a Controversial Issue in Nartiade]. *IV Millerovskiy chteniya s mezhdunarodnym uchastiyem. Materialy nauchnoy konferentsii 11–12 noyabrya 2014 g.* [The 4th Miller Readings with international participation. Materials of the research conference held November 11–12, 2014]. Ed. Z.V. Kanukovoy. Vladikavkaz, IPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A, 2014, pp. 3–9. (In Russian)

15. Guriev T.A. *K probleme genezisa osetinskogo nartskogo eposa* [On the Issue of the Genesis of the Ossetian Nart Epic]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1971. 168 p. (In Russian)

16. Guriev T.A. *Pamyatnik osobogo roda: yazyk* [A Particular Kind of Monument: Language]. Vladikavkaz, Goskomizdat of the RNO, 1995. 31 p. (In Russian)

17. Guriev T.A. *Problemy Nartiady. Ucheb. posob* [Problems of the Nartiad. Study Guide]. Ordzhonikidze, K.L. Khetagurova North Ossetian State University, 1982. 35 p. (In Russian)

18. Guriev T.A. *Sbornik izbrannykh rabot* [Collection of Selected Works]. Vladikavkaz, SOGU Publ., 2010. 295 p. (In Russian)

19. Gurtsieva O. Khristianskiye cherty v traditsionnykh osetinskikh molitvakh [Christian Features in traditional Ossetian Prayers]. *Vestnik Instituta tsivilizatsii – Bulletin of the Institute of Civilization*. Vladikavkaz, 2005, Issue 6, pp. 227–251. (In Russian)

20. Gutov A.M. *Poetika i tipologiya adygskego nartskogo eposa* [Poetics and Typology of the Adyghe Nart Epic]. Moscow, Nauka Publ., Eastern Literature Publ., 1993. 208 p. (In Russian)

21. Dalgat U.B. K voprosu o nartskom epose u narodov Dagestana [On the Issue of the Nart Epic Among the Peoples of Dagestan]. *Nartskiy epos: Materialy soveshchaniya 19 – 20 oktyabrya 1956 g., Ordzhonikidze* [Nart Epic: Proceedings of the meeting 19 – 20 October, 1956, Ordzhonikidze]. Ed. V.I. Abaev et al. Ordzhonikidze, North Ossetian Publ. House, 1957, pp. 154–174. (In Russian)

22. Darkevich V.P. *Svetskoye iskusstvo Vizantii* [Secular Art of Byzantium]. Moscow, Art Publ., 1975. 347 p. (In Russian)

23. Dzhioeva G.K., Tsallagova Z.B. Etnopedagogika osetinskoy sem'i [Ethnopedagogics of the Ossetian Family]. *Vospitatel'naya rabota v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: opyt i perspektivy* [Educational Work in Educational Institutions: Experience and Perspectives]. Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 2011. pp. 108–115. (In Russian)

24. Dumezil Zh. *Osetinskiy epos i mifologiya* [Ossetian Epic and Mythology]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 276 p., Vladikavkaz, Nauka Publ., 2001. 278 p. (In Russian)

25. Kaloyev B.A. *Osetiny (Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye)* [Ossetians (Historical and ethnographic research)]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 471 p. (In Russian)

26. Kristol A. Syrdon i Odisey [Syrdon and Odyssey]. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura* [Epic and Mythology of Ossetians and World Culture]. Comp.

T. Kambolova. Vladikavkaz, K.L. Khetagurova SOGU Publ., 2012. pp. 67–78. (In Russian)

27. Krupnov E.I. O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartского ерса u narodov Kavkaza [On the Time of Formation of the Nartian Epic Main Nucleus in the Peoples of the Caucasus]. Krupnov E.I., Inal-Ipa Sh. D., Kaloyev B.A., et al. *Skazaniya o nartakh – ерs narodov Kavkaza* [Tales of the Narts – the Epic of the Peoples of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1969. pp. 15–29. (In Russian)

28. Kumakhov M.A., Kumakhov Z.Yu. *Yazyk adygского fol'klora. Nartский ерs* [The Language of Adyghe Folklore. The Nart Epic]. Ed. M.M. Gukhman. Moscow, Nauka Publ., 1985. 223 p. (In Russian)

29. Levi-Strauss K. Nepriuchennaya mysl' [The Untamed Thought]. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive Thinking]. Moscow, Republic Publ., 1994. pp. 111–336. (In Russian)

30. Meletinsky M.E. *Proiskhozhdeniye geroicheskogo ерsa: ranniye formy i arkhaiskiye pamyatniki* [The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2004. 464 p. (In Russian)

31. Miller V.F. Osetinskiye etyudy [Osetian Etudes]. *Uchenyye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Scientific Notes of the Imperial University of Moscow]. Vol. 1. Moscow, Imp. Moscow. University Publ., 1881. 164 p. (In Russian)

32. Miller V.F. *V gorakh Kavkaza* [In the Caucasus Mountains]. Vladikavkaz, Alania, 1998. 520 p. (In Russian)

33. *Mify narodov mira. Entsiklopediya*: In 2 Vol. [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: In 2 volumes]. Ch. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Soviet Encyclopaedia Publ., Drofa Publ., 2008. 1392 p. Vol. 2: K-Ya. 719 p. (In Russian)

34. *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Nartology in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations: Collection of research publications]. Vladikavkaz, IPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A Publ., 2015. Issue 3. 266 p. (In Russian)

35. Plaeva Z.K. Tsikl Atsamaza v osetinskom nartovskom ерse (v сопоставlenii s drugimi natsional'nymi versiyami «Nartiady») [The Atsamaz Cycle in the Ossetian Nart Epic (in comparison with other national versions of the "Nartiade")]. *IV Vserossiyskiye Millerovskiyе chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii 11–12 noyabrya 2014 g. Vladikavkaz* [4 All-Russian Miller Readings. Materials of the research conference held November 11–12, 2014 Vladikavkaz]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research (SOIGSI) Publ, 2014, vol. 4, pp. 28–35. (In Russian)

36. Propp V.Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 326 p. (In Russian)

37. Repina, L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskoye zametki)* Preprint WP6/2003/07 [Cultural Memory and Problems of Historiography (Historiographical notes). Preprint WP6/2003/07]. Seriya WP6 Gumanitarnyye issledovaniya IGITI [Series WP6 Humanitarian research IGITI]. Moscow, State University Higher School of Economics Publ., 2003. 44 p. (In Russian)

38. Rostovtsev E.A., Sosnitsky D.A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii [Research Directions of Historical Memory in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*. Seriya 2: Istoriya. 2014, no. 2, pp. 106–126. (In Russian)

39. Tadevosyan T. Arkhetipy morskogo tsarya i podvodnogo tsarstva v russkoy byline Sadko i v osetinskom nartskom epose [Archetypes of the Sea King and the Underwater Kingdom in the Russian Epic Sadko and in the Ossetian Nart Epic]. *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii. Sbornik nauchnykh trudov* [Nartology in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations. Collection of research papers]. Vladikavkaz, IPO SOIGSI Publ., 2012, pp. 12–29. (In Russian)
40. Takazov F.M. *Mifologicheskiye arkhetipy modeli mira v osetinskoj kosmogonii* [Mythological Archetypes of the World Model in Ossetian Cosmogony]. Vladikavkaz, Publ. Center SOIGSI RAS and RNO-A, 2014. 210 p. (In Russian)
41. Treskov I.V. *Fol'klornyye svyazi Severnogo Kavkaza* [Folklore Connections of the North Caucasus]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Book Publ., 1963. 344 p. (In Russian)
42. Tuallagov A.A. *Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin* [The Scythian-Sarmatian World and the Nartian Epos of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian University (SOGU) Publ. House, 2001. 315p. (In Russian)
43. Uslar P.K. Pis'mo k A.P. Berzhe ot 3 iyunya 1864 g. [Letter to A.P. Berger from June 3, 1864]. Uslar P.K. *Etnografiya Kavkaza. II. Chechenskiy yazyk* [Ethnography of the Caucasus. II. The Chechen Language]. Tiflis, 1888, pp. 7–10. (In Russian)
44. Fidarova R.Ya., Kaytova I.A. Poiski pervonachal bytiya v nartovskom epose osetin [The Search for the Origin of Being in the Nartian Epic of Ossetians]. *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Nartology in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations: Collection of research works]. Vladikavkaz, IPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A Publ., 2015. Issue 3, pp. 200–211. (In Russian)
45. Khalidova M.R. *Mifologicheskii i istoricheskii epos narodov Dagestana* [Mythological and Historical Epic of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan Research Center of the RAS, G. Tsadas Institute of Language, Literature and Art Publ., 1992. 274 p. (In Russian)
46. Heyerdahl T. Lillistram P. *V pogone za Odinom. Po sledam nashego proshlogo* [In Pursuit of Odin. In the Footsteps of Our Past]. Moscow, Manager Publ., 2008. 430 p. (In Russian)
47. Tsagaraev V. *Zolotaya yablonya nartov: istoriya, mifologiya, iskusstvo, semantika* [Golden Apple Nart: History, Mythology, Art, Semantics]. Vladikavkaz, V.A. Gassiev Republican Publishing and Polygraph Enterprise, 2000. 300 p. (In Russian)
48. Chibirov L.A. *Istoricheskaya osnova paralleley osetinskikh skazaniy o nartakh i skandinavskikh sag* [Historical Background of Parallels of Ossetian Legends about Sledges and Scandinavian Sagas]. *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii: sb. nauchnykh trudov* [Nartology in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations: Collection of Scientific Works]. Vladikavkaz, IPI SOIGSI VSC RAS and RNO-A Publ., 2015. Issue 3. pp. 84–89. (In Russian)
49. Shnirel'man V. A. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans. Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. St. Petersburg, New Literary Review Publ., 2006. 699 p. (In Russian)
50. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York, Verso Publ., 2016. 256 p. (In English)

51. Colarusso J. *Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz, and Ubykhs*. Princeton, Princeton University Press. XXIV, 552 p. (In English)

52. Dumezil G. *Le livre des Heros. Legendes sur les Nartes* [The Book of Heros. Legends on the Nartes]. Paris, Gallimard, 1965/1989. 264 p. (In French)

53. Tavkul U. *Nartlar. Karacay-Malkar Mitolojisinin Destan kahramanlari* [Nart's. Legendary Heroes of Karacay-Malkar Mythology]. Ankara, Turkish Language Institute Publ., 2011. 280p. (In Turkish)

About author: Mariam R. Arpentieva is a Doctor of Science (Psychology), Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Professor of the Department of Development and Education Psychology, K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University (22/48, Razina St., Kaluga 248023, Russian Federation); mariam_rav@mail.ru

МИГРАЦИИ И РАССЕЛЕНИЕ ГАГАУЗОВ В XX–XXI ВВ.***И.А. Субботина***

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии наук
Москва, Российская Федерация
irinalsu@yandex.ru*

На протяжении последнего десятилетия существования СССР и 25-летнего отрезка истории независимых государств на постсоветском пространстве важнейшей чертой трансформации расселения гагаузов являлась устойчивая, с нарастающей динамикой тенденция рассредоточения этноса, возрастание численности тех, кто живет вне традиционного ареала расселения в Буджаке, увеличение дисперсности расселения.

Основным фактором изменения географии расселения гагаузов следует признать центробежный характер миграций, доминирующим направлением которых до недавнего времени являлся российский вектор.

В сложнейших условиях действия деструктивных факторов – социально-экономического кризиса в Молдавии в целом и в Гагаузии, в частности, безработицы, нищеты и социального расслоения общества – гагаузское население, чтобы адаптироваться к новым требованиям социальной среды, выбрало для себя активную миграционную стратегию, позволяющую избежать обнищания, компенсировать резкое падение доходов, наконец, просто физически выжить.

Многолетние трудовые миграции гагаузов, постепенно перерастающие в окончательную эмиграцию, все возрастающий уровень потенциальной миграции, в том числе женского населения, характерные для образованной молодежи миграционные настроения, усиливающиеся ориентации на временный или безвозвратный отъезд из Молдавии – все это создает в условиях начавшегося кризиса воспроизводственных процессов серьезную угрозу снижения демографического, социального и интеллектуального потенциала гагаузского общества (особенно опасную своими последствиями для малочисленных народов), разрушения этнокультурной идентичности его представителей, «распыления» этноса.

Ключевые слова: гагаузы, миграции, расселение, мотивы миграции, Молдавия, Россия, Гагаузия

Для цитирования: Субботина И.А. Миграции и расселение гагаузов в XX–XXI вв. // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 43–68. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.43-68

«От Буджака до высей Ала-Тоо...»

С.С. Курогло

Родословное древо

В конце 1980-х гг., когда не только Советский Союз, но и весь мир узнал о существовании народа со странным, как казалось многим, названием «гагаузы» – этнической группе, которая, несмотря на свою малочисленность, громко и мужественно заявила о себе, о праве самой решать свою судьбу, в Академии наук Молдавской ССР был создан Отдел гагаузоведения, в ту пору возглавляемый известным гагаузским этнографом С.С. Курогло. И хотя исследованию гагаузского населения Молдавии, его истории, этногенезу, традиционной культуре и быту было посвящено немало научных трудов, однако проблемы современной жизни данного этноса во многом оставались вне поля зрения ученых Молдавии, хотя актуальность не вызвала сомнений. В числе таких значимых проблем можно назвать особенности протекания этнодемографических и этносоциальных процессов у гагаузов. Данная тема привлекла внимание московских этносоциологов еще в период 1980-х гг., когда началась активная борьба данной этнической группы за самоопределение. В 1989–1990 гг. коллектив этносоциологов Института этнографии АН СССР (И.А.Гришаев, Л.В. Остапенко, С.С. Савоскул, И.А. Субботина) совместно с коллегами из Отдела гагаузоведения Академии наук МССР (рук. С.С. Курогло) провели первое масштабное этнодемографическое и этносоциологическое исследование среди гагаузского населения Молдавии, Украины и Северного Кавказа, важным аспектом которого стал анализ их демографического развития во второй половине XX в., в том числе проблем миграции. Демографическая часть исследования осуществлена по программе и методике, разработанной автором статьи, и ее анализ нашел отражение в коллективной монографии «Этносоциальные проблемы гагаузов» [26].

Спустя 15 лет, в октябре-ноябре 2004 г. на территории юга Молдавии, теперь уже Гагаузского автономно-территориального образования (ГАТО), автором проведено повторное этнодемографическое исследование гагаузов независимой Республики Молдова (РМ).

Оба исследования, 1989–1990 гг. и 2004 г., осуществлены по единой программе, сопоставимой методике, представительны для всего гагаузского населения Республики Молдова. Кроме того, они были привязаны ко времени проведения переписей населения: последней Всесоюзной 1989 г. и первой в независимой Республике Молдова 2004 г., которые проходили в разных этнополитических условиях: одно в союзной республике Молдавии, другое – в независимом государстве, в составе которого существовало Гагаузское автономно-территориальное образование (ГАТО).

Объект изучения – сельское и городское взрослое (от 16 лет и старше) гагаузское население. Общая численность выборочной совокупности опрошенных составила в первом исследовании 1070 человек, во втором – 670.

Результаты третьего авторского этнодемографического исследования, проведенного в Молдавии в 2015 г. по аналогичной программе (выборка составила 650 чел.), так и не увидели свет: все материалы опроса гагаузского населения были конфискованы Комитетом национальной безопасности Республики Молдова и не возвращены автору.

В статье, предложенной вниманию читателей, помимо материалов названных этнодемографических исследований, использованы данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и переписей населения России 2002 и 2010 гг. о численности и расселении гагаузов, а также материалы переписей населения Республики Молдова 2004 и 2014 гг. об изменении ее национального состава и численности в ней гагаузского населения.

Целью работы является анализ трансформации расселения гагаузов в Российской империи, СССР и на постсоветском пространстве, роли в этом процессе миграций, изменений в направленности и структуре миграционных потоков и причинной обусловленности миграций представителей изучаемого этноса.

До настоящего времени проблемам пространственного размещения гагаузов в современном мире, в том числе и вопросам их расселения в СССР, а затем и на постсоветском пространстве, миграциям гагаузов практически не уделялось внимания в научной литературе. Эти «белые пятна» стали заполняться относительно недавно, отчасти в связи с появлением работ А.В. Шабашова, в которых делаются попытки очертить картину современного расселения гагаузов в Буджаке [25], и благодаря первым работам автора данной статьи, посвященным расселению этноса на пространстве бывшего Советского Союза [19–22].

В предлагаемой работе впервые дается анализ динамики расселения гагаузов в вековой исторической ретроспективе. Автор попытался на основе обширного материала переписей населения показать общие тенденции и этапы пространственной эволюции этнической группы, изменение системы ее расселения в СССР и на постсоветском пространстве, проследить специфику и общие закономерности развития. Это дает возможность судить об особенностях протекания процессов расселения на разных территориях, их динамике и о характерных чертах урбанизационных процессов у гагаузского населения.

История расселения в Буджаке (XVIII–XIX вв.)

До переселения на территорию Южной Бессарабии (Буджака) основная часть гагаузов проживала в Северо-Восточной Болгарии. Во второй половине XVIII – XIX вв. они вместе с болгарами и небольшим числом представителей других народов Балканского полуострова православного вероисповедания (греками, албанцами, сербами и др.), спасаясь от национального гнета и религиозных гонений со стороны турок, переселились в

Россию, в Буджак. Полное отсутствие достоверных сведений о происхождении и истории гагаузов можно объяснить тем, что в официальных документах и литературе данную этническую группу отождествляли с болгарскими, что мешает точному определению их численности. Вместе с болгарскими гагаузы фигурировали под общим названием «болгарские (или задунайские) колонисты». Попытки установить количество гагаузов без болгар имели место в научной литературе середины XIX в. (П. Кеппен), в статистических материалах точные сведения об их численности появляются только в 1905 г., когда были опубликованы материалы переписи 1897 г.

В.А. Мошков – известный исследователь культуры и быта гагаузов, считал, что они начали переселяться в Бессарабию в конце XVIII в. Данные, приведенные П. Кеппеном, содержат иную дату – 1807 г. [5, с. 196]. Более поздние исследователи выделяют в переселении гагаузов в Южную Бессарабию два, три и даже пять этапов. Например, утверждается, что основными на территорию Буджака следует считать три этапа: 1750–1791 гг., 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Еще два этапа – 1853–1856 гг., 1877–1878 гг., связаны уже не с внешними миграционными потоками из Болгарии в Россию, а с внутренней миграцией гагаузов на территорию России, возникшей в результате Крымской (1853–1856 гг.) и русско-турецкой (1877–1878 гг.) войн.

Массовое переселение гагаузов 1750–1791 гг. носило стихийный характер. Администрация края фактически не принимала участия в решении проблем переселенцев (около 2 тысяч человек) – так называемых «старых задунайских переселенцев», большинство или меньшинство (по оценкам разных исследователей) которых составляли гагаузы, селившиеся в бывших ногайских и татарских селениях или вблизи них. До окончательного выселения ногайцев в Крым и Приазовье в 1807 г. гагаузы селились в буджакской степи совместно с ногайцами [17, с. 15]. Этим объясняется ногайское происхождение большинства названий гагаузских сел.

Более подготовленно и планомерно шло массовое переселение гагаузов в 1806–1812 гг. Указы Екатерины II и Александра I заложили законодательную базу по условиям вселения и обустройства в России иностранных колонистов (в том числе гагаузских), их прав, привилегий и льгот: освобождение от податей на 10 лет, выделение в потомственное владение земельных участков площадью 50–60 десятин, освобождение от военной службы, свобода вероисповедания. Обозначенные привилегии дополнялись особым социальным статусом колонистов. Гагаузские переселенцы, в отличие от основной части российских крепостных крестьян, составляли категорию свободных земледельцев, которые селились на государственных землях.

В течение 1806–1812 гг. из-за Дуная переселилось приблизительно 20 тыс. семей, в большинстве своем гагаузских. Это подтверждается исследованиями советских болгаристов, утверждавших, что именно в первые десятилетия XIX в. из северо-восточной Болгарии ушла большая часть местного гагаузского населения [3, с. 52–53].

Третий этап переселений, приходившийся на период русско-турецкой войны 1828–1829 гг., не привел к существенному увеличению численности новых гагаузских поселений. Это объясняется, во-первых, тем, что в этот период прибывали в основном болгары, которые селились в имеющихся болгарских поселениях, во-вторых, отсутствием в Буджаке достаточного фонда свободных государственных земель [27].

Исследования показали, что в конце XVIII – начале XIX вв. гагаузы, бывшие в большинстве своем выходцами из сел Варненского, Провадийского, Новопазарского и Шуменского округов, из городов Варна, Каварна, Балчик, т. е. равнинных земледельческих районов Подунавья [3], расселились более чем в 63 селениях Буджака, в основном в Бендерском, Измаильском, Гречанском и Кодрском цынутах. Из них 43 селения были с абсолютным большинством гагаузского населения, 14 – со смешанным гагаузско-болгарским и 7 – со смешанным гагаузско-молдавским. В 1819 г. осуществлено административное деление «болгарских колоний» и созданы 4 округа – Прутский, Кагульский, Измаильский и Буджакский, в которые вошли 36 сел Бендерского и Измаильского цынутов, где было расселены гагаузы. Остальные 27 сел, в которых они проживали, остались за пределами данных округов. В результате одна часть гагаузских жителей Гречанского и Кодрского цынутов переселилась во вновь созданные округа, с окраин Буджака в центр, а другая осталась на прежних местах проживания и к концу XIX – началу XX вв. ассимилировалась [15, с. 106]. Это привело к постепенному сжатию первоначальной территории расселения гагаузов.

После 1856 г. часть гагаузских сел оказалась на территории Молдавского княжества (Чишмикиой, Балбока, Этулия, Конгаз, Томай и др.). Гагаузы, проживавшие в городах Болграде, Измаиле, Рени, разделили судьбу других жителей «Бессарабского участка» – территории, отторгнутой от России по Парижскому мирному договору, определившему результаты Крымской войны. По этому же договору в течение трех лет разрешалось обратное переселение из Подунавья на территорию Бессарабской области, Херсонской и Екатериноградской губерний, а в 1860 г. районом отселения была определена и Таврическая губерния, включавшая в себя Крымский полуостров, Приазовье и часть нижнего Поднепровья. В нерегулируемую правительством миграцию оказались втянуты десятки тысяч жителей Подунавья, «исход» приобрел характер лавинообразного порыва, дороги были заполнены беженцами [24, с. 96]. Из 49 тыс. колонистов (в числе которых были и гагаузы), оказавшихся в Подунавье, 30 тыс. покинули его. Из этого числа 27 тыс. человек осели в Таврической губернии. Именно к этому времени относится появление здесь гагаузов. Очевиден процесс расширения территории их расселения, но за счет нарушения ранее целостного водворения колонистов, в том числе гагаузов – их раздробили на три части (одна – в Бессарабской области, другая – в Подунавье, третья – в Таврической губернии). Разделенные географически и политически, но единые духовно, гагаузы оказа-

лись в напряженной социально-этнической ситуации, что оставило глубокий след в их исторической памяти [24, с. 107].

В 1878 г. население Подунавья вновь приняло российское подданство. И хотя гагаузам удалось восстановить нарушенные связи (в пределах Буджака), колонии на территории Таврии так и остались отделенными [24, с. 107].

*Изменение численности в Бессарабии
в конце XIX – первой половине XX вв.*

В конце XIX в. гагаузы внесены в официальный перечень народов России. Во время переписи населения 1897 г. численность бессарабских гагаузов зафиксирована в категории православного населения, говорящего на турецком языке. Согласно данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в конце XIX в. на территории Бессарабской губернии проживало 55,8 тыс. гагаузов¹. Эта цифра свидетельствовала о двукратном увеличении их численности, в сравнении с серединой XIX в., когда число гагаузов Южной Бессарабии, по разным оценкам, составляло от 22 до 28 тыс. человек, проживавших в 22 селах с однородным гагаузским населением и 6 селах со смешанным, в состав которого они входили [5, с. 196].

Гагаузское население, в массе своей крестьянское, было слабо урбанизировано. Среди всех этнических групп, населявших Бессарабию в конце XIX в., у гагаузов наблюдался самый низкий удельный вес горожан. Самыми высокоурбанизированными являлись поляки (52,6%), евреи (47,8%) и русские (46,0%). В группе «аутсайдеров» (гагаузы, немцы, молдаване, цыгане) гагаузы имели самый низкий удельный вес городского населения, не достигавший 1%, в то время как у болгар, вместе с которыми гагаузы переселились в Бессарабию в составе задунайских колонистов, этот показатель был почти в 20 раз выше (11,2%). Даже у цыган доля городского населения составляла 5,2%.

К концу XIX – началу XX вв. относится новый этап расширения территории расселения гагаузов. В результате аграрного перенаселения и обезземеливания часть их была вынуждена переселиться из Буджака на Северный Кавказ (в Кабардино-Балкарию и Северную Осетию), в Сибирь (Тюменскую обл.), в Узбекистан (Ташкентскую обл.), Киргизию (пригороды Бишкека) и Казахстан (Семипалатинскую, Актюбинскую, Целиноградскую, Кустанайскую, Восточно-Казахстанскую, Павлодарскую обл.) [1].

Социальные потрясения начала XX в. – Первая мировая война, революция, а затем и гражданская война, оккупация Бессарабии королевской Румынией, привели к изменениям в численности и национальном составе

---

¹ Представление о численности гагаузов, живших в конце XIX в. за пределами Бессарабии, из материалов переписи получить невозможно, т.к. признак «национальность» переписными листами не учитывался. Главным признаком, по которому велась разработка этнических характеристик населения, был язык.

населения. Точные данные о количестве жителей Бессарабии в первые три десятилетия XX в. отсутствуют. Румынские источники, опубликовавшие в 1920–1930-х гг., из которых можно было бы почерпнуть сведения о населении, страдали тенденциозностью. Как свидетельствуют материалы переписи населения, гагаузское население региона за период 1897–1930 гг. увеличилось лишь на 42,3 тыс. человек или в 1,8 раза [28, с. 26]. Определяющую роль в произошедших изменениях сыграли прежде всего снизившиеся параметры естественного прироста гагаузов, вследствие сократившейся рождаемости и возросшей смертности населения, а также их масштабные миграции в 1920–1930-е гг., в т. ч. в далекие Бразилию, Аргентину, Канаду.

28 июня 1940 г. Бессарабия освобождается от оккупации Румынии и воссоединяется с СССР. Это был лишь короткий период времени для Молдавии – между оккупацией королевской Румынией и оккупацией республики фашистскими захватчиками, которая привела к огромным человеческим жертвам. В августе 1941 г. оккупационные власти проводят в созданной провинции Бессарабии перепись населения. По ее данным абсолютная численность гагаузов составила 115,7 тыс. человек. По сравнению с 1930 г., их число в регионе за 11 лет выросло всего на 17,6 тыс. человек или на 15% [5, с. 40].

Изменения в расселении в СССР

Во второй половине XX – начале XXI вв. в СССР, а затем и на постсоветском пространстве картина расселения гагаузов, оставаясь в целом достаточно устойчивой и стабильной, претерпевает определенные изменения. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали, что к середине XX в. на территории Советского Союза насчитывалось 123,8 тыс. гагаузов. Основная их часть (77,4%) компактно проживала на юге Молдавии, 22,6% или 28 тыс. человек являлись жителями других республик Советского Союза. Среди них наибольшей численностью выделялась Украина (23,5 тыс. чел.), главным образом, Одесская обл., соседствующая с южными районами Молдавии, заселенными гагаузами. Таким образом, в молдавско-украинском ареале расселения насчитывалось 119,4 тыс. гагаузов или 96,4% всего гагаузского населения СССР. На долю РСФСР в 1959 г. приходилось лишь 2,4% численности гагаузов страны или 3 тыс. человек. Небольшое число гагаузов (от 1 до 3 сотен) проживало в Казахстане, Грузии, Туркмении, Азербайджане, десятками человек измерялась их численность в Узбекистане и Белоруссии (табл. 1).

В период с 1950 по 1979 гг. карта расселения гагаузов оставалась достаточно стабильной: по-прежнему чуть более трех процентов (3,3%) их численности приходилось на территории, находящиеся вне молдавско-украинского ареала расселения, и по-прежнему, 17% гагаузов в стране проживало на Украине, остальные – в Молдавии.

Расселение гагаузов в СССР*

Республики	1959 г.		1979 г.		1989 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Украина	23530	19	29398	17	31967	16,2
Молдавия	95856	77,4	138000	79,7	153458	77,6
Белоруссия	20	0	158	0,1	189	0,1
Латвия	–	–	44	0	140	0,1
Литва	3	0	8	0	53	0
Эстония	7	0	41	0	69	0
Грузия	247	0,2	119	0,1	206	0,1
Армения	3	0	12	0	9	0
Азербайджан	143	0,1	137	0,1	105	0,1
Казахстан	784	0,6	752	0,4	978	0,5
Киргизия	7	0	20	0	32	0
Туркмения	172	0,1	187	0,1	283	0,1
Узбекистан	29	0	111	0,1	190	0,1
Таджикистан	8	0	16	0	38	0
Россия	3012	2,4	4176	2,4	10040	5,1
СССР	123821	100	173179	100	197757	100

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг. [16].

В последнее десятилетие Советского Союза (1979–1989 гг.) в картине пространственного размещения гагаузов произошли существенные изменения, наметились тенденции к расширению территории, деконцентрации населения: компактность расселения в Молдавии заметно снизилась. Уменьшилась доля гагаузов, живущих на Украине. Одновременно с этим существенно заметной стала их численность в РСФСР (10 тыс. человек), составив 5,1% от числа всех гагаузов СССР. Таким образом, численность изучаемого этноса за пределами молдавско-украинского ареала расселения росла в этот период чрезвычайно высокими темпами, в два раза превосходящими темпы роста численности в Молдавии и на Украине. Это свидетельствовало о значительном повышении миграционных перемещений гагаузов за пределы основного этнического ядра расселения, в первую очередь, в РСФСР. Именно в это десятилетие, накануне распада СССР, резко усилились центробежные тенденции в миграциях гагаузов.

Хотя система расселения признается инерционной, подверженной медленным изменениям, в рассматриваемый период (1979–1989 гг.) важнейшей чертой трансформации пространственного размещения стало расширение, увеличение дисперсности расселения: практически на всех территориях союзных республик шел прирост гагаузского населения (см. подробнее [22]). Несмотря на то, что абсолютные величины этого прироста

та были невелики, четко проявлялась тенденция усиления рассредоточения этноса, «распыления» гагаузов по территории СССР, что вело как к расширению возможностей для межэтнического взаимодействия, межэтнических контактов на разных уровнях, так и могло способствовать усилению ассимиляционных процессов и смене этнической идентичности представителей изучаемой этнической группы.

*Изменения в расселении на постсоветском пространстве.
Гагаузы в Молдавии*

1991 г., расколовший Советский Союз на 15 независимых государств, разделил и разорвал гагаузский народ, проживавший в разных республиках, но в единой стране, на части, которые оказались разделены не только расстояниями, но и государственными границами. Даже те гагаузы, что проживали прежде в Молдавской ССР, оказались жителями двух ее составляющих – Правобережной Молдавии и Левобережной ее части, провозгласившей себя независимым государством – Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР). По оценкам специалистов, из общей численности гагаузов Молдавии в 1989 г. в 153,5 тыс. чел. чуть более 3% оказались жителями ПМР.

По результатам проведенной в 2004 г. первой в короткой истории независимой Республики Молдова переписи населения, число ее постоянных жителей составило 3388 тыс. чел., что на 208 тыс. меньше, чем в 1989 г., а к 2014 г. численность населения республики сократилась до 2805 тыс. чел. [14]. Таким образом, численность населения Республики Молдова в постсоветский период снизилось почти на 800 тыс. человек. Такое значительное сокращение обусловлено как низким естественным приростом населения, так и, главным образом, его миграционным оттоком. Как считали специалисты еще в начале XXI в., для восстановления демографической ситуации население Молдавии должно было бы увеличиться в течение ближайшего десятилетия на 1 миллион человек, иначе республике грозил демографический кризис. Но вместо миллионного прироста РМ потеряла еще более полумиллиона человек.

Численность гагаузов в Молдавии за 1989–2004 гг. (по сопоставимым территориям) практически не изменилась: убыль составила менее 1% [12, с. 301, 326]. Отсутствие прироста их численности объяснялось как снижением показателей естественного воспроизводства, так и чрезвычайно активными миграционными перемещениями за пределы страны. Десятилетие спустя (к 2014 г.) это привело к существенному сокращению абсолютной численности гагаузского населения, составившему свыше 20 тыс. человек. Таким образом, за постсоветский период число гагаузов в РМ уменьшилось с 148,7 тыс. до 126, тыс. чел. или на 15,3%. Это реальная демографическая угроза малочисленному этносу, теряющему в миграциях самую активную в репродуктивном отношении часть населения.

Дифференциация темпов прироста (убыли) населения разных национальностей в постсоветской Молдавии привела к изменению ее этнического состава: если в 1989 г. молдаване и румыны в республике (без территории ПМР) составляли в совокупности 70%, то к 2014 г. – 80,7%. Это свидетельствует о значительном усилении моноэтничности страны в период ее независимости.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории, которая впоследствии стала Гагаузским АТО, проживало 127735 гагаузов, или 85,9% всех их представителей Молдавии (без учета территории ПМР). К 2004 г. численность здесь возросла до 127 835 человек или на 0,1% по сравнению с 1989 г. Такой незначительный прирост численности гагаузского населения обусловлен как падением уровня рождаемости у них, так и массовым миграционным оттоком за пределы Гагаузии и за границы РМ в целом.

Наряду с общим сокращением абсолютной численности гагаузов в Молдавии, к 2014 г. их концентрация, сосредоточение в пределах Гагаузии усилились, расселение в стране вступило в «стадию сжатия»: 89,2% общего числа гагаузов РМ живет в пределах Гагаузского автономно-территориального образования и лишь 10,8% дисперсно проживают на остальной территории Республики Молдова, главным образом в Кишиневе.

В результате происходящих в ГАТО процессов изменения численности населяющих ее национальностей, трансформировался и этнический состав населения Гагаузии: за 1989–2014 гг. она стала более мононациональной, повторяя тенденции усиления моноэтничности Молдавии в целом. Если в 1989 г. гагаузы составляли в ней 78,4%, то к 2014 г. их доля возросла на 5,1% и достигла 83,5%. Соответственно удельный вес населения других национальностей снизился. Это сокращение было более заметным у русских и украинцев.

Гагаузы в России

Россия является третьей страной на постсоветском пространстве, после Молдавии и Украины, где численность гагаузов весьма значительна. Если в 1959 г. в России проживало 3 тыс. гагаузов, то в 2010 г. – 13,7 тыс. В середине XX в. наибольшей концентрацией гагаузского населения выделялись области и республики, входящие в Южный Федеральный округ. В них сосредоточено свыше четверти (25,7%) российских гагаузов, при этом самой большой численностью обладала Ростовская обл. (0,5 тыс. чел.), Северо-Осетинская АССР (0,2 тыс. чел.) и Чечено-Ингушская АССР (0,1 тыс. чел.). Гагаузы Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии сконцентрированы на небольшой территории, которая частью входила в состав этих трех республик в местах их пограничья. По мнению местных исследователей, гагаузы появились в этих краях в 1920–1930-х гг. Но автору удалось найти в Государственном архиве Кабардино-Балкарии материалы, свидетельствующие о том, что впервые гагаузы поя-

вились на Северном Кавказе в конце XIX в., переселившись из Бессарабии [23], купив в этих краях земли через Государственный крестьянский земельный банк. В 1918 г. их хозяйства были разорены и разграблены во время набегов горцев, и гагаузы вынуждены были переселиться в Семипалатинскую губернию, а в 1925 г. обратились с просьбой к руководству КБР разрешить им «вернуться на Родину», т.е. на Северный Кавказ.

Помимо южных районов России перепись 1959 г. зафиксировала существенную численность гагаузов в Челябинской (0,4 тыс. чел.) и Курганской (0,1 тыс. чел.) областях. Это были остатки спецпоселенцев, депортированных с юга Молдавии в 1949 г.: названные области РФ входили в число районов размещения этого контингента спецпоселенцев. В остальных областях и республиках России гагаузов или не было вовсе, или их численность была ничтожно малой.

Последнее перед развалом СССР десятилетие (1979–1989 гг.) стало «девятым валом» гагаузской миграции, увеличив численность гагаузов в России в 2,5 раза – с 4,2 до 10 тыс. чел. География их расселения в России существенно расширилась. Особенно быстрыми темпами росла абсолютная численность гагаузов на Дальнем Востоке (в 6,2 раза): в Хабаровском крае (более чем в 20 раз), Якутии (в 6 раз), в Приморском крае (в 4 раза), Амурской обл. (в 3 раза). Столь значительный рост числа на Дальнем Востоке привел к тому, что этот регион обогнал по численности и удельному весу южный регион традиционного расселения гагаузов в России, заняв третье место после Центрального и Уральского округов (соответственно 20,9%, 18,1% и 16,9% всех гагаузов России).

Почти двадцать лет спустя после распада Советского Союза, к 2010 г., численность гагаузов в постоянном населении РФ выросла до 13,7 тыс. чел. или на 37%, по сравнению с 1989 г. Но темпы роста гагаузского населения постсоветского периода были в 6 раз ниже темпов 1979–1989 гг.

К 2010 г. картина размещения гагаузов по территории России несколько изменилась: по-прежнему самым большим «гагаузским потенциалом» выделялись Центральный и Уральский ФО, при этом основные очаги их повышенной концентрации поменялись местами. Основным местом сосредоточения гагаузского населения стали Москва и особенно Московская область, на территории которых было сконцентрировано 19,2% российских гагаузов или 2,6 тыс. человек, потеснив на второе место Тюменскую область, включавшую и Ханты-Мансийский, и Ямало-Ненецкий АО: удельный вес гагаузов, проживавших на этих территориях, снизился с 21,1 до 18,5%.

Из остальных территорий России следует выделить географически близкую к Москве Калужскую область, в которой численность гагаузов возросла более чем в 2 раза (в сравнении с 2002 г.) – до 0,7 тыс. человек, сделав ее третьим очагом сосредоточения представителей данной этнической группы в России. Существенно (в 1,7 раза) возросла их численность в Белгородской и Смоленской областях, практически догнав Краснодарский край и Ростовскую область – районы традиционного расселения гагаузов в России.

Из всей численности постоянного гагаузского населения России большинство (71,1%) проживает в городской местности, что обусловлено направленностью миграционных потоков гагаузов в города РФ, предоставляющие мигрантам более широкие возможности трудоустройства, нежели села.

Довольно динамичные изменения картины расселения гагаузов в СССР и на постсоветском пространстве, особенно в период, начавшийся с 1980-х гг., отражают единство в этом процессе двух тенденций, повторяющих тенденции развития системы расселения гагаузов вековой давности, второй половины XIX – начала XX вв., времени начавшегося неблагополучия – иноземного гнета, обезземеливания, разорения, нищеты. Тогда происходило, с одной стороны, расширение ареала расселения гагаузов за пределы Буджака, когда самые сильные, отважные, предприимчивые уходили из родных мест, с обжитой земли в Приазовье, на Северный Кавказ, в Сибирь. С другой стороны, шел процесс сжатия территории, выражавшийся в переселении части гагаузов с окраин Буджака в его центр, процесс, напоминающий сжимающуюся в кулак раскрытую ладонь, когда «вместе» означало «сильнее, теплее, надежнее».

Столетие спустя, в конце XX – начале XXI вв., в кризисный период жизни, разрушающий привычный уклад, нарушающий устоявшиеся связи и отношения, вновь усиливаются процессы расширения области расселения гагаузов за счет интенсивных миграционных «выбросов», уменьшается компактность их размещения на территории Молдавии, что ведет к заметному «распылению» этноса. Эти процессы увеличения дисперсности расселения гагаузов в поздний советский период осуществлялись за счет преимущественно высокоурбанизированных полиэтничных территорий с преобладанием русского населения как в пределах Молдавии, так и за границами республики, главным образом, в России. В постсоветский период деконцентрация расселения гагаузов усиливается, главным образом за счет территорий, лежащих вне пределов РМ, прежде всего это Российская Федерация, а в последние годы и страны дальнего зарубежья. Активно идущие процессы расширения области расселения гагаузов, сопровождающиеся усилением урбанизационных векторов развития, могут привести к дальнейшему, характерному для высокоурбанизированных территорий увеличению межэтнических контактов, перспектив заключения межэтнических браков среди представителей данной этнической группы, к возможному усилению процессов ассимиляции, этнической трансформации и, как следствие, сокращению численности гагаузского этноса.

С другой стороны, одновременно с процессом расширения территории расселения гагаузов за пределы Молдавии, просходит усиление концентрации остающихся в РМ их представителей в пределах их автономно-территориального образования – Гагауз-Ери, увеличение моноэтничности населения Гагаузии, повышение удельного веса гагаузов в городах и большинстве сел автономии, что сопровождается явлениями деурбаниза-

ции. Кроме того, идет процесс усиления концентрации гагаузов Украины в пределах Одесской области. Таким образом, налицо вторая тенденция в трансформации их расселения – сжатие: гагаузы Молдавии и Украины ограничивают свое пространственное размещение территориями традиционного расселения в Буджаке.

Как показал анализ, в условиях начавшегося кризиса воспроизводственных процессов у гагаузов, на фоне двух доминирующих тенденций развития системы их расселения – расширения и сжатия – ярко проявились и две другие: повышение урбанизационной составляющей в расселении за пределами Молдавии и деурбанизация, рурализация системы расселения гагаузов в Гагаузии, ведущая к сужению отраслевой сферы занятости жителей, обеднению социально-профессионального состава населения, понижению возможностей социальной мобильности, сокращению количества высокодоходных городских профессий и, как следствие, снижению уровня жизни людей. Одним из ведущих факторов, детерминирующих происходящие в расселении гагаузов перемены, наряду с трансформацией процессов рождаемости и ассимиляцией, следует признать миграцию.

Миграции

Предлагаемый вниманию читателей анализ – это попытка выявления сложившихся у гагаузов традиций миграции, в том числе и прежде всего трудовой, являющейся основным видом, начальным этапом миграционных перемещений данного этноса, зачастую перерастающей в безвозвратную миграцию; рассмотрения закономерностей и особенностей этого вида миграции в условиях Российской империи, СССР и в новых политических и социально-экономических реалиях Республики Молдова.

Традиции трудовой миграции

Традиции трудовой миграции гагаузов уходят своими корнями в далекое прошлое. Как писал И.И. Мещерюк, еще в начале XIX в. попечитель задунайских переселенцев (с 1821 г.) С. Малевинский в своих рапортах генералу И.Н. Инзову, бывшему в те годы главным попечителем иностранных поселенцев юга России, считал возможным отпускать переселенцев, нуждавшихся в заработках, не навсегда, а «по примеру прочих жителей» на определенные сроки, «хотя на год для приискания работы в каких-либо местах», куда сами пожелают [8, с. 263–268]. Таким образом, С. Малевинский предлагал посредством трудовой миграции использовать разоренных неурожаем переселенцев в качестве наемных рабочих с тем, чтобы дать им возможность восстановить свои хозяйства.

Но необходимо отметить, что отходничество в среде задунайских переселенцев, в частности у гагаузов в первой половине XIX в., видимо, не носило массового характера. Это объяснялось тем, что при переселении в Буджак колонисты получали обширные земельные участки, освобождение на 50 лет от податей и налогов и множество других льгот. Хозяйства заду-

найских переселенцев были в большинстве своем самодостаточны и довольно прибыльны. Отходничество в гагаузских селах в первой половине XIX в. чаще практиковалось среди немногочисленного слоя бедных крестьян или в годы, когда земледельческие хозяйства гагаузов терпели неурожай вследствие засухи, частых в те годы губительных налетов саранчи или других природных или житейских катастроф.

Известный исследователь культуры и быта гагаузов, В.А. Мошков, писал: «...это очень способный, энергичный и трудолюбивый народ, который легко сам себе найдет новый заработок даже и в том случае, если, вследствие естественного прироста населения, обеднеет в земельном отношении» [9, с. 12]. Говоря современным языком, гагаузам уже в те годы была свойственна активная адаптивная стратегия, благодаря которой и в сложных условиях аграрного перенаселения юга Бессарабии конца XIX – начала XX вв. они, осуществляя дальние и ближние трудовые миграции, спасали себя и свои семьи от голода и нищеты.

Позднее, уже в XX в., когда территория юга Бессарабии оказалась в составе королевской Румынии, традиция трудовой миграции у гагаузов проявилась с новой силой. «Хроническая безработица трети сельского самодостаточного населения породила массовую эмиграцию, в т. ч. в далекие Бразилию, Аргентину, Канаду. Наряду с этим в 1930-е гг. широко распространилось отходничество мужского населения гагаузских сел. Крестьяне нанимались работать в поместьях богачей Добруджи и в городах Румынии» [7, с. 16].

Во второй половине XX в., в 1970–1980 гг., в СССР весьма ощутимые масштабы приобрела сезонная межреспубликанская трудовая миграция. Это явление, особенно сильно развившееся в Армении, республиках Северного Кавказа, Западной Украине, Грузии, Азербайджане, в несколько меньшей степени было характерно и для Молдавии. Оно имело социально-экономические предпосылки, среди которых основную роль играло отсутствие постоянной подходящей работы в местах проживания. Отходничество в те годы, являясь определенным механизмом перераспределения трудовых ресурсов между трудоизбыточными и трудонедостаточными районами Советского Союза, в определенной мере заменяло собой дорогостоящее и неэффективное организованное перемещение рабочей силы. Кроме экономической функции отходничество выполняло и социальные функции: оно в определенной мере гасило социальную напряженность в районах исхода трудовых мигрантов и выступало средством самозащиты людей от безработицы при отсутствии защиты со стороны государства. Заработки сезонников являлись одним из источников, иногда главным, формирования доходов и роста уровня благосостояния семей мигрантов.

Но отходничество, наряду с положительным эффектом, содержало и ряд негативных социально-экономических последствий: во-первых, временный стихийный уход из села работников дезорганизовывал работу в хозяйстве; во-вторых, тяжелые условия труда и быта сезонных рабочих

сказывались на здоровье, повышении заболеваемости; в-третьих, длительное пребывание мигрантов вне дома, семьи вело к ослаблению нравственных устоев, фактическому двоеженству, распаду семей и т. п.

Миграции 1970–1980 гг.

Миграционная подвижность гагаузов в середине XX в. в целом была не высока. Это относилось как к их внутриреспубликанским, так и к межреспубликанским перемещениям. По данным переписи 1970 г. ежегодно около 3% гагаузов меняли место жительства, в то время как в целом по Молдавии этот показатель достигал 5,3%, а у молдаван и русских, населяющих республику, соответственно 5,1 и 6,2%.

В следующее десятилетие (1979–1989 гг.) в миграционной активности гагаузов произошли заметные сдвиги. Усиление их миграционной активности реализовалось в увеличении межреспубликанского миграционного обмена, в то время как масштабы миграции внутри республики даже сократились.

Сальдо межреспубликанской миграции гагаузов складывалось не в пользу Молдавии: на каждые 100 представителей данной этнической группы, выбывших из республики, приходился лишь 81 человек, возвращавшийся назад. Особенно велико было отрицательное сальдо межреспубликанской миграции у сельских гагаузов: на 100 человек, выехавших в другие республики, приходилось лишь 59 человек, возвращавшихся в села Молдавии.

Как показали материалы наших исследований, в 1989–1990 гг., из всего потока ежегодно выбывавших из городов и сел Молдавии гагаузов, составлявшего около 3 тыс. человек, примерно 40–45% были межреспубликанскими мигрантами, перемещавшимися за пределы Молдавии, главным образом в Россию: в Тюменскую область (45%), Якутию (8%), Амурскую и Тверскую обл. (6%) и др. Сельские мигранты -гагаузы (в силу сезонности работы на селе) в большей степени, чем городские, были ориентированы на перемещения в другие республики. Трудоизбыточность села, недостаточное развитие промышленного и образовательного комплекса в городах юга Молдавии, сложности с трудоустройством, заработком, повышением уровня образования являлись теми факторами, которые выталкивали гагаузов из республики.

Согласно данным нашего исследования конца 1980-х годов, мужское и женское гагаузское население характеризовалось существенными отличиями в своем миграционном поведении. У большинства европейских национальностей бывшего Советского Союза, в том числе и у соседей – болгар – практически не наблюдалось особых различий в миграционной активности между мужчинами и женщинами. Совершенно иная картина наблюдалась у гагаузов: если в целом в потоках миграции доля женщин составляла лишь около 43%, то в потоках межреспубликанских перемещений она едва достигала 30%, а в миграциях в Россию падала до 20%. На-

блюдавшиеся у гагаузов различия между миграционным поведением мужского и женского населения во многом сходны с миграционной картиной, характерной для титульных народов закавказских и среднеазиатских республик (за исключением Киргизии), где в потоках межреспубликанской миграции из села перевес доли мужчин был особенно велик у таджиков, азербайджанцев, туркмен и узбеков [18].

Вероятно, главными причинами, вызывавшими столь значительные различия в миграционном поведении гагаузских мужчин и женщин следует признать такие демографические факторы как возраст вступления в брак и традиции многодетности гагаузов. Не последнюю роль в миграциях играл такой социальный фактор как уровень образования. В 1980-х гг. все еще отчетливо прослеживались гендерные различия в уровнях образования у гагаузов. В-третьих, миграции гагаузов, особенно межреспубликанские, носили преимущественно трудовой характер, и здесь сказалась сохранявшаяся еще в гагаузском обществе к 90-м гг. XX в. традиционная роль мужчины – главного добытчика и кормильца семьи.

Межреспубликанские миграции гагаузов в 1980-е гг., особенно в Россию, носили почти исключительно трудовой характер. Гагаузы направлялись на север Европейской России (Коми республика, Псковская обл.), в Центрально-Нечерноземные области РФ (Калужская, Владимирская и др.), на Урал (Свердловская обл.), а также в восточные районы России (Тюменская обл., Якутия, Амурская обл. и Хабаровский край). Большинство отходников-гагаузов находило себе занятия в лесхозах и на лесозаготовках, что было связано как с низким уровнем их профессиональной подготовки, так и (что главное) с высокой заработной платой, которая являлась одним из основных движущих стимулов сезонных миграций у них.

Направленность трудовой миграции гагаузов в 1980-е гг. за пределы Молдавии, преимущественно в сторону России, постепенное перерастание временной трудовой миграции в безвозвратную привели к тому, что в последнее десятилетие существования Советского Союза (1979–1989 гг.) численность этноса за пределами молдавско-украинского ареала расселения росла небывало высокими темпами, в два раза превосходящими темпы роста их численности в Молдавии и на Украине. Это свидетельствовало о значительном повышении миграционных перемещений за пределы основного этнического ядра расселения, в первую очередь, в Россию, адаптация в которой облегчалась для гагаузов исторически сложившимся высоким уровнем владения русским языком и высокой степенью их комплиментарности по отношению к России, к русским. Именно в это десятилетие, накануне распада СССР, резко усилились центробежные тенденции в миграциях гагаузов. Именно тогда была заложена «резидентская» база системы взаимодействия и взаимопомощи гагаузов в России, облегчившая проникновение и приспособление на первых порах в стране трудовых мигрантов постсоветского времени – гагаузских гастарбайтеров.

Изменения в миграционном поведении в постсоветский период

Стремительные и масштабные миграционные перемещения в постсоветский период, обусловленные на первом этапе рядом факторов этнополитического характера, таких как образование новых суверенных государств на пространстве бывшего СССР, осложнение межнациональных отношений, локальные национальные конфликты и войны, новая языковая ситуация, связанная с сужением сферы использования русского языка и т. п., испытывали воздействие новых факторов социально-экономического порядка, в числе которых развитие рыночных отношений, предпринимательства, расширение или сокращение рынков труда и связанных с этим новых масштабов безработицы, массовое обнищание населения, резкое социально-имущественное расслоение общества. Становление независимой Республики Молдова проходило в условиях глубокого политического и экономического кризиса, развала хозяйственных связей, спада производства, роста безработицы, инфляции и, как следствие, снижения уровня жизни, социального и имущественного расслоения населения.

Материалы первой в независимой Республике Молдова переписи населения 2004 г. дали возможность получить некоторое представление о масштабах международной трудовой миграции ее населения. В численности постоянного населения Молдавии равной 3383332 человек было учтено и временно отсутствующее население, выехавшее за пределы страны, численность которого составила на момент переписи 273056 человек или 8,1%. Количество временно отсутствующих на территории Гагаузии на момент проведения переписи составило 16,9 тыс. человек или 10,9% от численности всех постоянных жителей региона, причем уровень миграционной активности сельских жителей существенно выше, чем у горожан.

Материалы этнодемографического исследования автора 2004 г., подтвердившие и детализировавшие данные переписи населения, давшие возможность продемонстрировать «этническое» лицо миграции, показали, что в каждой третьей гагаузской семье один или более ее членов работал за границей, причем в селах Гагаузии это явление встречалось немного чаще, чем в городах. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что примерно 17–20% гагаузов трудоспособного возраста или каждый пятый трудоспособный гагауз (или гагаузка) работал на момент опроса за пределами Республики Молдова.

Каково было соотношение мужчин и женщин среди уезжающих на заработки гагаузов? Как свидетельствуют материалы нашего исследования, мужчины по-прежнему гораздо активнее, чем женщины, участвуют в трудовых миграциях, составляя около 2/3 гастарбайтеров, но в постсоветский период участие гагаузских женщин в международных трудовых миграциях существенно возросло.

Данные этнодемографического исследования автора свидетельствовали, что 56% всех гастарбайтеров-гагаузов работали в РФ, причем чуть

менее половины из них (свыше 40%) находили себе занятие в Москве и Московской области. Турция значительно уступала России по числу работающих в ней гагаузов: их число в этой стране было примерно в полтора раза ниже. Особенностью направленности потоков миграции в ту или иную страну являлась большая ориентированность на Турцию сельских гагаузов, нежели городских. Сельские гагаузы чаще, чем горожане, уезжали на заработки на Украину, которая являлась третьей после России и Турции страной их трудовой миграции.

Основными сферами приложения труда гагаузов в сегодняшней России являются такие отрасли хозяйства как строительство, транспорт, лесозаготовки, нефте- и газодобыча, сфера обслуживания. Как уже отмечалось в литературе, «в других странах, например, в Турции, гагаузские гастарбайтеры находят себе работу главным образом в сфере обслуживания, работая домработницами, с одновременным выполнением некоторых обязанностей, кроме уборки домов и квартир, приготовления пищи, ухода за больными, престарелыми и детьми» [4, с. 12]. Гагаузские рабочие задействованы в этой стране в строительстве, на транспорте, на сезонных сельскохозяйственных работах.

Чрезвычайно важным представляется показатель времени пребывания трудовых мигрантов вне Молдавии, вне Гагаузии, в определенной мере характеризующий и степень их адаптации в стране назначения и дающий возможность прогнозирования масштабов перерастания временной трудовой миграции в постоянную, безвозвратную. Лишь пятая часть мигрантов выезжала на срок менее года. Большинство мигрантов уезжали на сроки 1–2 года (24%) и 3–4 года (21%). Очень значительная часть отправлялась на заработки на длительный срок, годами живя без дома, семьи, лишь на короткий отпуск возвращаясь на родину. Так более трети трудовых мигрантов-гагаузов находились на заработках 5 и более лет. Каждый 12-ый мигрант-гагауз(ка) работал в другой стране более 10 лет.

Потенциальная миграция

Очень важно разграничивать эмиграцию, т.е. безвозвратную и временную трудовую миграцию. Еще более значимым представляется изучение не «вчерашней» и даже не «сегодняшней» трудовой миграции, а «завтрашнего дня», перспектив этого явления, т. е. потенциальной миграции. Только изучение феномена потенциальной миграции, как известно исследователям этого сложного социального явления, дает возможность оценить масштабы будущего гастарбайтерства, его возможные направления, структурные (этнические, демографические, социально-экономические) показатели потоков трудовых мигрантов, выявить миграционную мотивацию, в том числе мотивацию разных групп населения. Это может помочь в анализе, регулировании, принятии ряда мер по оптимизации миграции, в том числе трудовой в конкретном регионе.

Сопоставление материалов исследований автора 1989–1990 и 2004 гг. показало сколь значительно изменились миграционные намерения гагаузов за истекшие 15 лет. Если в конце 1980-х гг. более 70% респондентов (68% в городах и 74% в селах) не выражали никакого желания поехать поработать в другие регионы, то в 2004 г. их стало 30% в городе и 44% в сельской местности.

Более половины всех опрошенных в 2004 г. гагаузов (51%) хотели бы уехать из Молдавии на заработки или уже работали за границей, часть из них (29%) была ориентирована на то, чтобы вернуться через какое-то время назад, а практически каждый 5–6 опрошенный хотел бы устроиться за границей на постоянное жительство и не возвращаться в Гагаузию. В 1989–1990 гг. настроенных на временную трудовую миграцию было в 2,5 раза меньше, а эмиграционные настроения были характерны только для одного из 33 гагаузов. Полученные в ходе исследования 2004 г. материалы, касающиеся потенциальной миграции гагаузов, свидетельствовали об изменении структуры их миграционных ориентаций: если 15 лет назад те, кто ориентировался на окончательную миграцию, составляли лишь пятую часть всех потенциальных мигрантов, а абсолютное большинство (80%) ориентировалось на временный выезд, то в 2004 г. доля настроенных на безвозвратную миграцию возросла вдвое. Подобные явления заставляют еще серьезнее взглянуть на феномен гастарбайтерства и возможной дальнейшей безвозвратной эмиграции гагаузов, усиливающих дисперсность их расселения, разрушающих институт брака и семьи, этнокультурные традиции народа, угрожающих целостности и самому существованию этнической общности.

Доминирующим вектором и потенциальных миграционных устремлений гагаузов оставалась Россия, которая ближе гагаузскому населению в силу продолжительных исторически сложившихся контактов и совместного проживания, общего вероисповедания с большинством ее населения, а также широкого распространения и высокого уровня владения русским языком. Русский язык, русская культура, наконец, русский менталитет пока ближе гагаузам, чем турецкий. Русский язык – язык городских улиц Гагаузии, язык политики, образования. На нем преподаются почти все предметы в школах Гагаузии, Комратском университете.

Анализ структуры потоков потенциальной трудовой миграции гагаузов по возрасту, образованию, социально-профессиональному составу выявил следующее. Треть опрошенной молодежи (16–29 лет) нацелена на временную трудовую миграцию за пределы Молдавии, среди лиц в активном трудоспособном возрасте (30–49 лет) эта категория превышала 35% и даже среди пожилых гагаузов (старше 50 лет) доля выразивших желание поехать поработать в другую страну составляла 20%. Что касается образовательного уровня потенциальных трудовых мигрантов, то здесь просматривались следующие закономерности: самыми активно нацеленными на этот вид миграции у гагаузов-горожан – лица со средним специальным и высшим образованием (соответственно 56% и 46%), т.е. гагаузская интел-

лигенция, среди сельских гагаузов – лица со средним образованием. Анализ социально-профессионального состава потенциальных трудовых мигрантов, тесно связанного с их образовательной структурой, показал, что на работу за границей у горожан чаще ориентировались лица, занятые в Гагаузии умственным трудом в сфере образования и культуры, нежели рабочие (соответственно 56% и 32%), у сельских жителей – картина обратная: на трудовую миграцию за границу настроено 39% рабочих и лишь 18% интеллигенции.

Каковы же основные причины эмиграции населения из Молдовы? Что выталкивает сейчас представителей титульной нации, русских, гагаузов за пределы страны? Еще в начале 90-х гг. XX в., когда Молдавия в результате миграции теряла русское, украинское, гагаузское население, но наращивала потенциал титульной нации, преобладающими были этнически окрашенные миграционные мотивы, связанные с ухудшением межнациональных отношений, унижением национального достоинства русских, законами, ущемляющими права национальных меньшинств, сужением сферы использования русского языка, в том числе и в образовательных целях. К концу 1990-х гг., когда из Молдавии хлынули потоки трудовых мигрантов всех национальностей, включая титульную, в структуре мотивов потенциальной миграции преобладающей стала экономическая составляющая. В этот период уже практически не наблюдаются различия в мотивации миграции у представителей разных этносов республики: на первых местах среди представителей разных национальностей появились такие как «неустойчивое экономическое положение», «угроза безработицы», «тяжелое материальное положение» [10; 20–22]. Материалы исследования 2004 г. показали, что в структуре мотивов потенциальной миграции гагаузов более 90% занимали причины экономического порядка – безработица и низкая заработная плата.

Итак, анализ статистических материалов и данных двух авторских этнодемографических исследований показал следующее.

На протяжении последнего десятилетия существования СССР и 25-летнего отрезка истории независимых государств важнейшей чертой трансформации расселения гагаузов на постсоветском пространстве являлась устойчивая, с нарастающей динамикой тенденция рассредоточения гагаузского этноса. Основным фактором изменения географии его расселения следует признать центробежный характер миграций, доминирующим направлением которых до недавнего времени являлся российский вектор. В последние годы после открытия безвизового перемещения граждан Молдавии в страны Шенгенского соглашения поток гагаузской миграции на запад существенно возрос.

Временные трудовые миграции за пределы территории постоянного проживания для гагаузов явление традиционное, прошедшее несколько основных этапов в своем развитии, имевших свои пики и фазы роста, стагнации и упадка. По нашему мнению, территориальные перемещения

гагаузов конца 1970–1980 гг. были второй (после миграций гагаузов в 1930 гг. в Румынию, Бразилию, Канаду) волной массовой трудовой миграции, зачастую перераставшей в безвозвратную миграцию, которая привела к 2,5-кратному увеличению численности данного этноса в означенный период только в России, не говоря о других союзных республиках. Эта вторая волна миграции гагаузов накануне распада СССР оставила на территории России мигрантскую сеть, ускорившую и облегчившую возможности переезда, трудоустройства и адаптации в новых местах следующей, третьей волне мигрантов. Демографические последствия второй волны миграции были не сразу ощутимы для самой Молдавии, ибо воспроизводственные процессы у гагаузов не нарушались и определялись все еще достаточно высоким уровнем рождаемости. В 1979 г., например, коэффициент рождаемости у них составлял 23,8%, через десятилетие, в 1989 г., он был лишь немногим ниже – 22,3% [22, с. 41]. В 1979 г. годовой естественный прирост гагаузского населения Молдавии достигал 2,1 тысяч человек и к 1989 г. снизился, но незначительно. К началу XXI в. в результате воспроизводственных процессов у гагаузов произошли колоссальные изменения, которые, отчасти, были связаны с безвозвратными миграциями молодого поколения, главным образом мужчин брачного возраста, за пределы Молдавии в предыдущий период. К 2004 г. коэффициент рождаемости у них сократился, в сравнении с 1989 г., вдвое и составил 11,2%, а годовой естественный прирост уменьшился на два порядка, упав до 60 человек. Увеличение масштабов миграции, в первую очередь, трудовой, в 1990-е гг. при практически отсутствующем естественном приросте создало картину колоссального человеческого опустошения земли гагаузов.

В сложнейших условиях действия деструктивных факторов – социально-экономического кризиса в Молдавии в целом и в Гагаузии, в частности, безработицы, нищеты и социального расслоения общества – гагаузское население, чтобы адаптироваться к новым требованиям социальной среды, выбрало для себя активную миграционную стратегию, позволяющую избежать обнищания, компенсировать резкое падение доходов, наконец, просто физически выжить. Сегодня использование как легитимных, так и нелегитимных форм миграции позволяет гагаузам в условиях социальной и экономической нестабильности, затрудняющей возможность долгосрочных адаптивных стратегий, решать свои микроадаптивные проблемы. Результаты сопоставимых исследований, дающих возможность прогнозных оценок, свидетельствуют об изменении внутренней структуры потенциальной миграции гагаузов, усилении ориентаций с временной трудовой миграции на безвозвратную.

Многолетние трудовые миграции, постепенно перерастающие в окончательную эмиграцию, все возрастающий уровень потенциальной миграции, в том числе женского гагаузского населения, характерные для образованной гагаузской молодежи миграционные настроения, усиливающиеся ориентации на временный или безвозвратный отъезд из респуб-

лики, создают серьезную угрозу снижения демографического, социального и интеллектуального потенциала гагаузского общества (особенно опасную своими последствиями для малочисленных народов), разрушения этнокультурной идентичности данного этноса.

Сегодняшняя языковая компетенция гагаузов, свободное владение русским языком, особенно молодого, мобильного, образованного поколения у них – это тот фактор, который усиливает миграционные ориентации данной этнической группы на Россию не только как на расширяющийся временный рынок труда, но и место возможного постоянного жительства. В условиях продолжительного демографического кризиса в России, возрастающей потребности огромной страны в миграционном притоке населения, в трудовых ресурсах это создает серьезную опасность «распыления» гагаузского этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аманжолов А.С. О языке казахстанских гагаузов // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 156–167.
2. Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII– XIX вв. Кишинев: Академия наук республики Молдова, Институт национальных меньшинств, 1996. 252 с.
3. Бернштейн С.Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII– XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 42–59.
4. Губогло М.Н., Дубова Н.А. Временные трудовые мигранты: созидание и/или разрушение? // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М.: Старый сад, 2006. С. 87–132.
5. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев: Штиинца, 1979. 288 с.
6. Курогло С.С. Родословное древо. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 168 с.
7. Курогло С.С., Маруневич М.В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. Кишинев: Штиинца, 1983. 197 с.
8. Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1808–1856 гг.). Кишинев: Штиинца, 1970. 347 с.
9. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев: Tipograf Centrala, 2004. 550 с.
10. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М.: Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии, 1998. 228 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Бессарабская губ. Спб.: Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел. 1905, Т. 3. 254 с.
12. Перепись населения 2004. Статистический сборник. Кишинев: Statistica, 2006. Т.1. 492 с.
13. Перепись населения России 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения – 10.12.2014)

14. Перепись населения РМ 2014 г. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?idc=479&l=ru> (дата обращения – 10.12.2014).

15. (Каранастас) О.К. Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.) Кишинев–Комрат: Комратский государственный Университет, 2001. 132 с.

16. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562, оп. 336, ед. хр. 1566а–1566д, 3998–4185, 6174–6238.

17. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Спб.: Тип. Т. Неймана и К, 1848. 156 с.

18. Социально-культурный облик советских наций. М.: Наука, 1985. 454 с.

19. Субботина И.А. Динамика численности и расселения гагаузов в СССР (50–90-е годы XX в.) // Этносоциальные проблемы гагаузов. Опыт монографического описания. М.: Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии, 1993. С. 27–72.

20. Субботина И.А. Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии, 2005, № 180. 32 с.

21. Субботина И.А. Традиции трудовой миграции у гагаузов // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006, Т. 1. С. 72–118.

22. Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М.: Институт этнологии и антропологии, 2007. 280 с.

23. Субботина И.А. К истории появления гагаузов на Северном Кавказе // Курсом развивающейся Молдовы. М.: Старый сад, 2009, Т. 7. С. 232–245.

24. Топузлу Г.Н., Анцупов И.А. Очерки истории гагаузов в XIX в. Кишинев: Академия наук республики Молдова, Институт национальных меньшинств, 1993. 120 с.

25. Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002. 722 с.

26. Этносоциальные проблемы гагаузов. Опыт монографического описания. М.: Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии, 1993. 169 с.

27. Ярмоленко М.И. Расселение и обустройство гагаузов в Бессарабии (XIX – начало XX ст.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 2001.

28. Recensământul general al populației României. 1930. v. II, București, 1938.

Сведения об авторе: Субботина Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991, Ленинский проспект, 32А, Москва, Российская Федерация); irinalsu@yandex.ru

MIGRATIONS AND RESETTLEMENT OF THE GAGAUZ IN 20th–21st CENTURIES

I.A. Subbotina

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
irinalsu@yandex.ru*

For the last decade of the USSR era and the 25-years history of independent states on the post-soviet territory, the main feature of the Gagauz resettlement transformation was a steady tendency, with growing dynamics, for ethnos dispersion, growing number of Gagauz people who lived beyond the traditional geographical range in Budzhak, and increasing dispersion of their resettlement.

The major factor of the change in the geography of the Gagauz resettlement is the centrifugal nature of migrations, where the Russian vector has been their predominant destination until recently.

Under the influence of the most difficult destructive factors – the socio-economic crisis in Moldova generally and in Gagauzia in particular, unemployment, poverty, and social stratification of the population – the Gagauz population, in order to adapt to the new demands of the social medium, choose an active migration strategy for itself, which allowed them to avoid poverty, compensate for a dramatic decline in income, and to survive physically.

Labor migrations that had been taking for many years, finally turning into emigration, the growing level of potential migration, including that of female Gagauz population, migrational sentiment typical of educated Gagauz youth, increasing orientation at leaving the republic temporarily or permanently – all of these in the situation of the started crisis in reconstructive processes among the Gagauz population, creates a serious threat of lowering the demographic, social and intellectual potential of the Gagauz society (particularly, dangerous in its consequences for numerically insignificant peoples), the destruction of socio-cultural identity of the Gagauz people, and the dispersion of the Gagauz ethnos.

Keywords: the Gagauz, migrations, resettlement, migration motives, Moldova, Russia, Gagauzia

For citation: Subbotina I.A. Migrations and Resettlement of the Gagauz in 20th – 21st Centuries. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 43–68. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.43-68

REFERENCES

1. Amanzholov A.S. O yazyke kazakhstanskikh gagauzov [On the Language of the Gagauz of Kazakhstan]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions in Language Studies*. Moscow, 1960, no. 1, pp. 156–167. (In Russian)
2. Antsupov I.A. *Russkoye naseleniye Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ya v kontse XVIII –XIX vv.* [Russian Population in Bessarabia and the Left Bank Area of the Dniester in late 18th – early 19th Centuries]. Kishinev, the Moldavian

Republic Academy of Sciences, Institute of Ethnic Minorities Publ., 1996. 252 p. (In Russian)

3. Bernshteyn S.B. Osnovnye etapy pereseleniya bolgar v Rossiyu v XVIII–XIX vv. [Main Stages of Bulgarian Migration to Russia in 18th –19th centuries]. *Sovetskoe slavyanovedeniye – Soviet Slavic Studies*. Moscow, 1980, no. 1, pp. 42–59. (In Russian).

4. Guboglo M.N., Dubova N.A. Vremennye trudovye migranty: sozidaniye i/ili razrusheniye? [Temporary Labor Migrants: Creation and/or Destruction?] *Gastarbayterstvo. Faktory vytalkivaniya i prityazheniya* [Migrant Worker Phenomenon. Factors of Forcing in and Forcing Out]. Moscow, Saryi Sad Publ., 2006, pp. 87–132. (In Russian)

5. Zelenchuk V.S. *Naseleniye Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX veke*. [Population of Bessarabia and the Dniester Area in the 19th Century]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1979. (In Russian)

6. Kuroglo S.S. *Rodoslovnoye drevo* [Genealogical Tree]. Kishinev, Literatura Artisticae Publ., 1988. 168 p. (In Russian)

7. Kuroglo S.S., Marunovich M.V. *Sotsialisticheskiye preobrazovaniya v bytu i kulture gagauzskogo naseleniya MSSR* [Socialist Transformations in Daily Life and Culture of the Gagauz Population in the Moldavian Soviet Socialist Republic]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1983. 197 p. (In Russian)

8. Meshcheryuk I.I. *Sotsialnoye i ekonomicheskoye razvitiye bolgarskikh i gagauzskikh sel Yuzhnoy Bessarabii (1808–1856 gg.)* [Social and Economic Development of Bulgarian and Gagauz Villages in Southern Bessarabia (1808–1856)]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1970. 347 p. (In Russian)

9. Moshkov V.A. *Gagauzy Benderskogo uyezda (Etnograficheskiye ocherki i materialy)* [The Gagauz of Bendery Uyezd (Ethnographic Sketches and Materials)]. Kishinev, Tipograf Centrala, 2004. 550 p. (In Russian)

10. Ostapenko L.V., Subbotina I.A. *Russkiye v Moldavii: migratsiya ili adaptatsiya?* [Russians in Moldova: Migration or Adaptation?]. Moscow, IEA RAS Publ., 1998. 228 p. (In Russian)

11. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Bessarabskaya guberniya*. [First General Census of the Population in the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg, Central Committee for Statistics of the Ministry of Internal Affairs, 1905, vol. 3. 254 p. (In Russian)

12. *Perepis' naseleniya 2004. Statisticheskiy sbornik* [Census of the Population 2004. Collection of Statistics]. Kishinev, Statistica Publ., 2006. vol. 1. 492 p. (In Russian)

13. *Perepis' naseleniya Rossii 2010 g.* [Census of the Population 2010]. (In Russian) Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 15.05.2014)

14. *Perepis' naseleniya Respubliki Moldova. 2014 g.* [Census of the Population of Moldova Republic 2014]. (In Russian) Available at: <http://www.statistica.md/pageview.php?idc=479&l=ru> (accessed 25.09.2017)

15. Radova (Karanastas) O.K. *Gagauzy v sostave zadunayskikh pereselentsev i ikh poseleniya v Budzhake (konets XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.)* [The Gagauz as Part of Trans-Danubian Emigrants and their Settlements in Budzhak (end of 18th – beginning of 19th Centuries)]. Kishinev-Komrat, Komrat State University Publ., 2001. 132 p. (In Russian)

16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive for Economics]. F. 1562, op. 336, ed. khr. 1566a–1566d, 3998–4185, 6174–6238. (In Russian)

17. Skalkovskiy A.A. *Bolgarskiye kolonii v Bessarabii i Novorossiyskom krae* [Bulgarian Colonies in Bessarabia and Novorossiisk Region]. St. Petersburg, T. Neiman and Co Print. House, 1848. 156 p. (In Russian)

18. *Sotsialno-kulturniy oblik sovetskikh natsiy* [Socio-Cultural Image of Soviet Nations]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 454 p. (In Russian)

19. Subbotina I.A. Dinamika chislennosti i rasseleniye gagauzov v SSSR (50–90-e gody XX veka) [Dynamics in the Number and Resettlement of the Gagauz in the USSR (50–90s of 20th Century)]. *Etnosotsialnye problemy gagauzov. Opyt monograficheskogo opisaniy* [Ethnosocial Problems of the Gagauz. Attempt at Monographic Description]. Moscow, IEA RAS Publ., 1993. pp. 27–72. (In Russian)

20. Subbotina I.A. *Gagauzy: transformatsiya rasseleniya i sovremennyye migratsyonnyye processy. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [The Gagauz: Transformation of Resettlement and Contemporary Migration Processes. Studies in Applied and Necessitous Ethnology]. Moscow, IEA RAS Publ., 2005, no. 180. 32 p. (In Russian)

21. Subbotina I.A. Traditsii trudovoy migratsii u gagauzov [Traditions of Labor Migration among the Gagauz]. *Kursom izmenyayushcheysya Moldovy* [The Way of Changing Moldova]. Moscow, Staryi Sad Publ., 2006, vol.1. pp. 72–118. (In Russian)

22. Subbotina I.A. *Gagauzy: rasseleniye, migatsiya, adaptatsiya* [The Gagauz: Resettlement, Migration, Adaptation]. Moscow, IEA RAS Publ., 2007. 280 p. (In Russian)

23. Subbotina I.A. K istorii poyavleniya gagauzov na Severnom Kavkaze. [To the History of the Gagauz Emerging in North Caucasus]. *Kursom razvivayushcheysya Moldovi* [The Way of Developing Moldova]. Moscow, Staryi Sad Publ., 2009, vol.7. pp. 232–245. (In Russian)

24. Topuzlu G.N., Antsupov I.A. *Ocherki istorii gagauzov v XIX v.* [Sketches of the Gagauz History in the 19th Century]. Kishinev, Moldavian Republic Academy of Sciences, Institute of Ethnic Minorities Publ., 1993. 120 p. (In Russian)

25. Shabashov A.V. *Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdeniye naroda* [The Gagauz: the System for Kinship Terms and Ethnogenesis]. Odessa, Astroprint Publ., 2002. 722 p. (In Russian)

26. *Etnosotsialnye problemy gagauzov. Opyt monograficheskogo opisaniya* [Ethnosocial Problems of the Gagauz. Attempt at Monographic Description]. Moscow, IEA RAS Publ., 1993. 169 p. (In Russian)

27. Yarmolenko M.I. *Rasseleniye i obustroystvo gagauzov v Bessarabii (XIX – nachalo XX st.)*. Avtoref. Diss. Kand. ist. nauk. [Resettlement and Living Arrangement of the Gagauz in Bessarabia (19th – beginning of the 20th Centuries). Abstract of Candidate History Sciences Diss.]. Lviv, 2001. (In Russian)

28. *Recensămîntul general al populației Romîniel.1930* [General Census of the Romanian Population.1930]. Bucharest, 1938, v. 2. (In Romanian)

About the author: Irina A. Subbotina is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32A, Leninski Prospect, Moscow 119991, Russian Federation); irinalsu@yandex.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 739.2+7.04+7.033.3

DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

ТАТАРСКОЕ ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО: О ПРОЯВЛЕНИЯХ ТАТАРО-РУССКОЙ СИНКРЕТИЧНОСТИ В РЕМЕСЛЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Л.Н. Дони́на, С.В. Су́лова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lis.art@mail.ru, sv_suslova@mail.ru*

Публикация посвящена выявлению и археолого-этнографической интерпретации технико-технологических особенностей татарского ювелирного искусства. Казань являлась одним из наиболее крупных в Российской империи ювелирных центров, отличающимся особенностями технико-технологических и орнаментальных приемов ювелирного дела, формально-морфологическим содержанием ювелирных изделий. Татарские ювелиры владели практически всеми технологическими процессами, но особого мастерства достигли в искусстве филигрании и чеканки. В историографии сложилось убеждение, что так называемая бугорчатая филигрань является «самобытной и уникальной техникой, не получившей распространения в ювелирном деле других народов» (Татарская энциклопедия, с. 468). Однако последние исследования (РФФИ, проект № 13-06-97056) показали, что она бытовала и в ювелирном искусстве некоторых народов европейской части Евразии, начиная с XI в. Аналоги казанско-татарской бугорчатой филигрании XVIII – первой половины XIX вв. впервые выявлены в русской (культовой) и европейской (светской) традициях ювелирного искусства.

Оригинальной разновидностью татарской чеканки является чеканка, обозначенная исследователями (Ф.Х. Валеев) как высокорельефная. На изделиях, выполненных в этой технике, выявлено присутствие (слияние) региональных традиций, характерных для татарского и русского искусства. Проявления синкретичности, наблюдаемые в ряде технологий производства татарских ювелирных изделий, обусловлены, вероятно, и существованием русских ювелирных центров в Казани, в Казанском Поволжье в целом (как правило, при монастырях), в том числе и крупного кустарного промысла в селе Рыбная Слобода.

Ключевые слова: ажурная, бугорчатая филигрань, татарские, русские серебряники, чеканка насечкой, ювелирные технологии

Для цитирования: Дони́на Л.Н., Су́лова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях

Казанского Поволжья // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 69–80.
DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

Изучение этнокультурного взаимодействия народов, длительное время проживающих в одних историко-географических условиях, является одним из приоритетных направлений этнологических исследований в России. Особенно это актуально при изучении этнокультурных контактов русских и татар – двух самых крупных по численности этносов Российской Федерации. Взаимное проникновение и освоение элементов бытовых национальных культур этих народов не раз отмечали российские ученые.

Тюрко-татарский компонент был значительным в традиционной русской культуре. В народной одежде это отдельные типы мужских и женских головных уборов: мужская тюбетейка – *тахья* или *скуфья* (тюрк. *такья*), мужская зимняя шапка – *бурк* или *татарка* (тюрк. *кома бурэк*), женский *белевый калпак* (тюрк. *ак калфак*); обуви – *ичеготы*, *ичеги*, *чедыги* (тюрк. *ичиги*, *читек*). В декоративно-прикладном искусстве тюрко-татарскими заимствованиями можно считать технику тамбурного шва, закладную технику ткачества [19; 1, с. 45]. В работах известных российских ученых Н.И. Костомарова [7], М.Г. Рабиновича [16], Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой [10] тюрко-татарские заимствования связывались с золотоордынским периодом русской истории. Золотая Орда – самое крупное государство Евразии, в рамках которого впервые были объединены пространства будущей Российской империи и населяющие их этносы.

Русский компонент в традиционной культуре и декоративно-прикладном искусстве татар также очевиден. Русским заимствованием является распространение у татар браной техники ткачества, что связывается исследователями с расселением в XVI в. в Казанском Поволжье русских [2, с. 13]. Сравнительно поздним заимствованием является и распространение русских ткацких станов – *урыс ыстаны* с развитой рамой и деревянными блоками [3, с. 112; 17, с. 48]. К русскому влиянию исследователи относят использование, особенно окско-сурскими мишарями, строчевых вышивок – «цветной перевити» [13, с. 219]. В подобной технике в середине XIX в. украшались концы татарских полотенец, женские головные покрывала – *таштары*, а также мужские и женские рубахи [24, с. 289]. Русский след просматривается в технике мишарского и крышенского золотного шитья. Это влияние особенно было заметным на традиционной одежде крышен: в традиционных женских (*сурэжэ* у крышен; *сорока* у русских) и мужских головных уборах, в покрое верхней одежды «борчатка», в способах декоративного оформления костюма. Все эти влияния и заимствования не случайны. Известно, что еще в XII–XIII вв., в период подъема городов и ремесленного производства, несмотря на политические противоречия и войны, предки татар – волжские булгары активно торговали с русскими княжествами. Русские ремесленники жили и работали в Булгарии. Эти связи продолжались в течение всего золотоордынского периода и

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

усилились после присоединения Казанского ханства к Московскому государству. В период формирования имперской культуры традиционное искусство закономерно развивалось в рамках общероссийских художественных тенденций.

В настоящей публикации впервые исследуется влияние русского ювелирного искусства на формирование технологических традиций ювелирного дела казанских татар, что выразилось в специфической синкретичности этого искусства в Казанском Поволжье.

В XVIII – первой половине XIX вв. Казань являлась одним из наиболее крупных в Российской империи ювелирных центров, отличающимся этнорегиональными особенностями технико-технологических и орнаментальных приемов ювелирного дела, формально-морфологическим содержанием ювелирных изделий. В основном изготавливались украшения для национального женского костюма, которые вплоть до начала XX в. составляли самый мощный пласт в традиционном ювелирном искусстве большинства тюркских народов Евразии. Татарские ювелиры владели практически всеми технологическими процессами ювелирного дела, но особого мастерства достигли в искусстве филигрании и чеканки.

Филигрань. Казань – единственный ювелирный центр Поволжья, где высокого уровня развития получило искусство филигрании. Особого совершенства она достигла у татар в XVIII–XIX вв. Проблема генезиса татарской филигрании интересовала многих известных исследователей, которые указывали на ее особый характер и связывали с различными художественными традициями.

Особого внимания заслуживают работы М.Г. Крамаровского, считающего очевидной идею «генетической преемственности казанской скани как одной из ветвей *джучидской* художественной школы, поскольку обе они развивались в рамках одного типа филигрании – спирального» [8, с. 278] (рис. 1*). В целом же механизм освоения технологий был очень сложным, не одномоментным, и проследить развитие технологии татарской филигрании весьма проблематично по причине условности датировок ювелирных изделий и крайне спорной атрибуции артефактов периода Казанского ханства.

В татарской ювелирной традиции получили развитие два вида филигрании: *ажурная (жепкыр)* и *бугорчатая (куперткан жепкыр)*. В XIX в. казанская школа ажурной филигрании, так же, как и Московская [22, с. 11, 15, 16], развивалась на фоне широкого распространения технологии ажурной скани в Евразии. Технологические закономерности филигрании определяют общность стилистического развития и усреднённые технологии. Чтобы отнести филигрантные изделия к той или иной технологической школе и тем более выявить их специфические особенности необходимо определить технико-технологические параметры основного элемента –

---

* См. рис. 1–20 к статье на цветной вклейке.

проволоки. С этой целью была осуществлена макросъёмка татарской филиграни из коллекций драгоценных металлов Национального музея РТ. Технологические параметры казанско-татарской филиграни в данном аспекте до настоящего времени не изучались.

Исследование морфологии витя проволоки показало, что изделия татарских мастеров отличаются рядом специфических признаков, важнейшим из которых является использование вальцованной канители в качестве средства ажурной орнаментации. Вальцованная канитель преимущественно имеет пропорции 0,5x1,5мм и особый, филигранный эффект (профиль «зерна» на ребре), который может сохраняться лишь при технике плотной спиральной (канительной) навивки. Для достижения подобного рельефа и пропорций ленты использовался стержень в три раза объемнее навиваемой на него проволоки (рис. 2). Эти параметры преобладают, что указывает на специфику и стабильность технологической традиции и позволяет говорить об особой школе казанско-татарской филиграни.

Однако особый интерес в контексте настоящей публикации представляет собой *бугорчатая (рельефная) филигрань*. Ювелирные изделия носили элитарный характер. Например, оригинальные воротниковые застёжки *яка чылбыры* нередко представляли собой шедевры ювелирного искусства. Технология бугорчатой филиграни во многом сходна с ажурной. Принципиальная разница заключается в том, что её орнамент строился из плотных бугорков (конусов) в 4–5 оборотов, возвышающихся чуть выше каркаса. Для завитков использовалась аналогичная вальцованная канитель, только иных пропорций: 0,3–0,4x1,0–1,3. В зависимости от высоты бугорков различают низкую (рис. 3, 4) и высокую (рис. 5, 6) бугорчатую филигрань.

В историографии сложилось убеждение, что бугорчатая филигрань является «самобытной и уникальной техникой, не получившей распространения в ювелирном деле других народов» [20, с. 468]. Однако наши исследования последних лет (РФФИ, проект № 13-06-97056) дают основание утверждать, что она бытовала и в ювелирном искусстве ряда народов европейской части Евразии. Кроме того, выявлено два технико-технологических способа её изготовления:

- *бугорчатая накладная* (на металлической основе);
- *бугорчатая ажурная* (без основы).

В русской ювелирной традиции использование бугорчатой скани прослеживается значительно раньше, чем у казанско-татарских мастеров. В научный оборот введены четыре уникальных предмета, определяющим элементом декора которых служат «тугие сканые конусы, размещённые между кастами» [11; 18, с. 199–220]. Изделия отнесены исследователями ко времени великокняжеской Москвы XIV–XV вв. Это маленькие золотые *венец* и *гривенка (цата)* с иконы «Богоматерь Боголюбская» из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (рис. 7); *венец* с иконы «Богоматерь Барловская» (рис. 8) и часть массивного золотого иконного оче-

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

ля, найденных в 1931 г. на месте Чудова монастыря. Самый ранний из этих предметов – очелье (рис. 9).

Его форма, подобная узкому полумесяцу, генетически связывается с очельями (или диадемами) домонгольских кладов. Всю поверхность очелья вокруг гнёзд с самоцветами покрывают довольно высокие (до полусантиметра) сканные конусы, в большинстве своём замкнутые, со сжатым концом. Такие же конусы – на гривенке «Богоматери Боголюбской», тогда как на её венце они завершаются достаточно крупной зернью. На венце иконы «Богоматерь Барловская» конусы имеют отверстия; некоторые из них завершены зернью. Исследователи считают, что данные предметы принадлежат к древнейшим образцам московской скани и воспроизводят декоративный приём западноевропейских ювелиров. Европейские аналоги имеют чётко определённую хронологию в пределах конца X – середины XI вв. [18, с. 211] (рис. 10). В этих изделиях также прослеживается стилистическая близость и с предметами Рязанского клада [11, с. 109] (рис. 11). Весьма любопытно, что бугорчатая филигрань без основы, аналогичная казанско-татарской, бытовала в светской традиции западноевропейских стран (Италия, Франция), в тот же период, что и у казанских татар (рис. 12).

Чеканка. Большое развитие в ювелирном деле казанских татар получила чеканка – *чуку*. В 1652–1653 гг. в Москву по указу царя Алексея Михайловича из разных городов России созывали лучших серебряников для изготовления чеканных серебряных с позолотой окладов для иконостаса Успенского собора Московского Кремля. Приехали и из Казани пять мастеров-чеканщиков. В поданной ими челобитной указывалось, что в Казани остались еще «лучшие мастера... к государеву делу годны и большие дела им за обычаем» [21].

Наибольшее распространение в XVIII–XIX вв. получила *чеканка способом насечки*, являющаяся маркером татарской ювелирной традиции. Она нередко ошибочно трактуется как гравировка, потому что визуально практически от нее не отличается. Такие изделия, преимущественно бляхи и амулетницы, выполненные из тонкого листового металла, отличают низкорельефный орнамент, сохраняющий гладкую поверхность, на фактурном зерне фоне (рис. 13). Считается, что подобный орнамент «на просторах Евразии широко распространился с монголами» [9, с. 54]. Специфический комплекс – «технология-орнамент», характерный для татарской чеканки, сложился на основе совокупности технических приёмов и эстетических предпочтений, свойственных для совершенно особой синкретической золотоордынской культуры конца XIII – начала XIV вв.

Традиции татарской чеканки необходимо понимать также и в контексте исламского искусства, в котором понятие «пластичности» всегда было связано не с моделированием объёма, предполагающим трёхмерные характеристики, а с художественным преобразованием плоскости в двухмерной трактовке форм. Интересно, что в Москве и в других русских городах Поволжья (Ярославле, Нижнем Новгороде, Костроме), традиционно

являющихся крупными ювелирными центрами, основное место занимала высокорельефная чеканка.

В ряду чеканных изделий татарских мастеров широко представлены (Российский этнографический музей, Национальный музей Республики Татарстан) бляхи, необыкновенно сложные в изготовлении, имеющие до пяти и более уровней замкового рельефа. Они использовались в качестве составных (нашивных) элементов национальных украшений, обычно нагрудных перевязей *хасита*. Бляхи выполнялись способом литья по восковой модели. При их изготовлении, вероятно, были задействованы профессиональные скульпторы для изготовления моделей из воска. Художественное завершение отлитой заготовки – детализация, корректировка и проработка рельефа – производилось чеканками только с лицевой стороны и соотносилось с типичными для татарской чеканки признаками: гладкий рельеф и зерневый фон. Изнаночная сторона сохраняла фактуру литейной поверхности

Бляхи обильно украшались прозрачными гранёными самоцветами и выглядели монументально (рис. 14, 15, 16). В основе их образного решения лежит малохарактерный для татаро-мусульманской ювелирной традиции барочно-рокайльный стиль, нашедший преломление в оформлении окладов на православных иконах, изготовленных русскими серебряниками (рис. 17), в том числе и Казанского Поволжья (рис. 18). При обработке литеевой поверхности и чеканной орнаментации окладов икон русские мастера нередко применяют «татарскую чеканку насечкой», что говорит об уникальном слиянии двух региональных традиций Казанского Поволжья – некой татаро-русской синкретичности.

Синкретичность наблюдается и при историко-этнографическом анализе некоторых типов татарских украшений, особенно серег. Так, в XIX – начале XX вв. у татар были широко распространены старинные типы русских сережек XVI–XVII вв. Это серьги в виде одного, двух или трех металлических стерженьков с нанизанными на них камнями или бусинами, которые соответственно известны под названием «одинец», «двойчатка», «тройчатка», а также серьги «голубцы», украшенные силуэтом двух птиц на подтреугольном щитке с подвесками [12, с. 728; 4, 107].

Широко бытовали у татарок и известные русские серьги XVIII–XIX вв. Это небольшие сережки в виде веточки; довольно крупные серьги, сплошь усыпанные бисером или речным жемчугом в виде цветочной корзиночки или круга; серьги, напоминающие желудь с листочками, а также в виде банта с каплевидной, полый внутри подвеской (рис. 19).

Перечисленные ранние типы русских сережек настолько широко вошли в быт татар, что воспринимались уже как свои, традиционные. Изготавливали их, вероятно, сами татарские ювелиры. Так, на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. бисерные серьги, согласно коллекционной описи (Национальный музей Республики Татарстан, колл. № 201–42), бесспорно, русские, были представлены как образцы татарских ювелирных украшений.

К статье: *Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья*

Рис. 1. Цепь из медальонов. Золотая Орда. Вторая половина XIII – XIV вв. Симферопольский клад. ГИМ, экспозиция 2015 г.

Рис. 2. Бляха. Ажурная филигрань. Серебро, позолота, канитель, стекло, малахит. НМ РТ, инв. № 10198-20

Рис. 3. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, опал, аметист. НМ РТ, инв. № 10221-62

Рис. 4. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, хрусталь, бирюза. НМ РТ, инв. № 10221-41

Рис. 5. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, аметисты.
НМ РТ, инв. № 10221-446

Рис. 6. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, аквамарин, бирюза. НМ РТ, инв. № 10198-25

Рис. 7. Гривенка (цата) с тремя восьмилепестковыми подвесками с иконы «Богоматерь Умилиение?». Конец XIV – начало XV вв. Накладная бугорчатая филигрань. Золото, изумруды, гранаты, яхонты, рубины, хрусталь, скань. Музей-заповедник «Московский Кремль». Источник: Коварская С.Я., Костина И.Д., Шакурова Е.В. Русское золото XIV – начала XX века из фондов государственных музеев московского кремля. Альбом. М.: Советская Россия, 1987. С. 10; Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 207, рис. 77

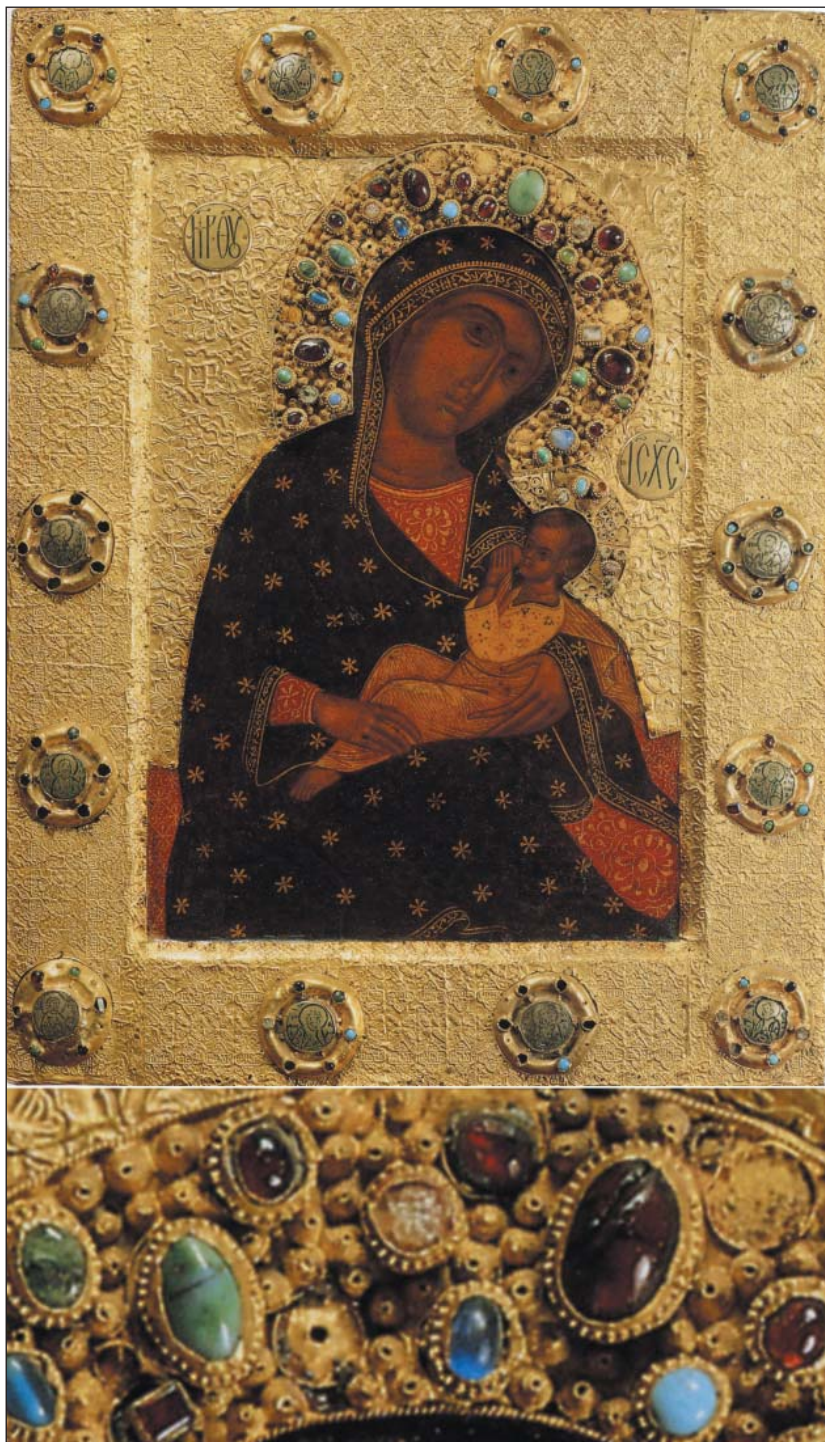
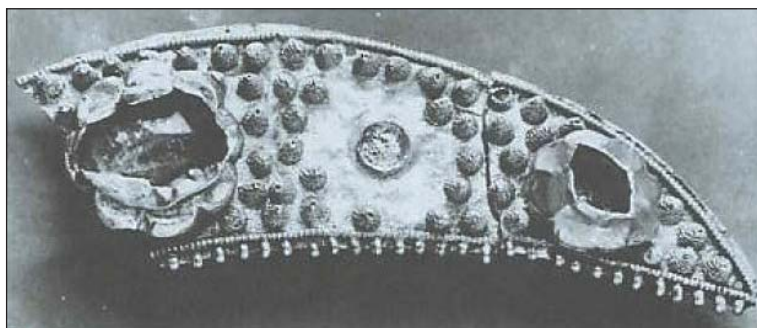
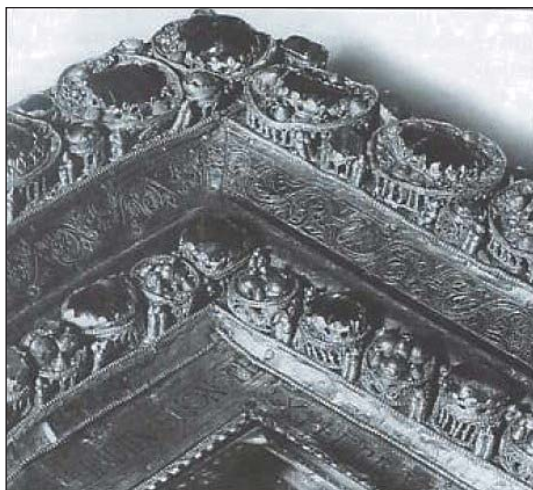

Рис. 8. Икона «Богоматерь Млекопитательница» (венц – накладная бугорчатая филигрань). XIV в. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Источник: <http://icons.pstgu.ru/icon/354> ;
Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 216, рис. 83

Рис. 9. Фрагмент очелья. XIV в. Накладная бугорчатая филигрань. Музей «Московский Кремль», инв. № МР-3692. Источник: Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 208, рис. 78

Рис. 10. Портативный алтарь Святого Креста (деталь). 1015–1120. Сокровищница резиденции. Мюнхен. Источник: Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 210, рис. 79

Рис. 11. Оправа креста. Византия. Первая половина XIII в. Золото, алмадины, стекло, кварц, цитрин, сердолик, скань, зернь. Клад с городища Старая Рязань. ГИМ, экспозиция 2015 г.

Рис. 12. Брошь. Италия (Венеция), конец XIX – начало XX вв. Бугорчатая филигрань. Золото, жемчуг, аметист, скань. ГИМ, экспозиция 2016 г.

Рис. 13. Бляха. Чеканка насечкой. Серебро, позолота, сердолик, бирюза, стекло. НМ РТ, инв. № 10221-129

Рис. 14. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, хрусталь, бирюза. НМ РТ, инв. № 10221-4

Рис. 15. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, хрусталь. НМ РТ, инв. № 10221-161

Рис. 16. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, дымчатый топаз, бирюза, хрусталь. НМ РТ, инв. № 10221-427

Рис. 17. Икона «Господь Вседержитель». Москва, XVII в. Оклад: золото, серебро, бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины, жемчуг, позолота, литьё, резьба, чеканка. ГИМ, экспозиция 2016 г.

Рис. 18. Богоматерь Казанская. Оклад: серебро, позолота, литьё, чеканка насечкой. ГМИИ РТ, инв. № И 449-1 КП 4214

Рис. 19. Серьги. Серебро, позолота, бирюза, жемчуг, бисер.
НМ РТ, инв. № 10201-9

Рис. 20. Серьги калачевидные. Серебро, позолота.
НМ РТ, инв. № 14-20

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

В XIX–XX вв. у татарок чрезвычайно широкое распространение получили русские «калачевидные» серьги в форме полый внутри лунницы – *калач сырғасы* (рис. 20). Известно, что массовое производство их было налажено в русском ювелирном центре – Красном селе Костромской губернии. В XX в. калачевидные серьги воспринимались татарами в качестве национальных. Они преобладали в комплексах головных украшений и мусульманок, и кряшенок, бытуют и по сей день.

Типы русских сережек так охотно были приняты татарами в арсенал своих традиционных, видимо, потому, что часть их по форме близка традиционным татарским образцам. Достаточно сравнить «одинец» или «двойчатку» с татарскими серьгами в форме знака вопроса, а «голубцы» с миндалевидными скаными серьгами *татар сырғасы*.

Проявления синкретичности, наблюдаемые в ряде технологий производства татарских ювелирных изделий, обусловлены, вероятно, и существованием после присоединения Казанского ханства к русскому государству русских ювелирных центров в Казани, в Казанском Поволжье в целом. Согласно сведениям «Писцовой книги по городу Казани с уездом в 1566–1568 гг.» в городе насчитывалось девятнадцать посадских серебряников. По «Переписной книге по Казани и Казанскому уезду 1646 года» в каменном и в деревянном городе и за городом были дворы митрополичьих слобожан, в том числе и серебряников, которые жили на посаде на тяглах на посадских местах дворами, а оброк платили митрополиту. В 1560-х гг. существовал большой Казанский торг, куда приезжали купцы «из Государевых верховских городов, и иноземцы, казанские жильцы и посадские люди», где существовали и отдельные «серебряные ряды» [15, с. 52, 53, 84, 104–106]. Лавки русских серебряников существовали в 1560-х гг. и в Свияжске, на что указывает «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565–1567 гг.» [6, с. 70].

Проявлениям татаро-русской синкретичности способствовало и существование в бывшей вотчине казанского архиепископа селе Рыбная Слобода крупного русского кустарного промысла. По сведениям С.А. Давыдовой, в 1891 г. в Рыбной Слободе серебряным промыслом занимались в 50 домах. Мастеров было 67 человек, наемных рабочих и учеников 22 человека, т.е. всего 89 серебряников, в 1895 г. уже насчитывалось до 140 ремесленников [5, с. 117]. По архивным данным 1910 г. в Слободе было 450 серебряников [14]. Основываясь на образцах продукции Заказанья с использованием «татарских» технологий, русские кустари копировали типы татарских украшений для продажи в Европейской и Азиатской России. При посредстве скупщиков продукция сбывалась на Нижегородской, Мензелинской и Ирбитской ярмарках, попадала в Западную Европу и Америку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авижанская С.А., Бикбулатова Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: Полиграфкомбинат. 1964. 260 с.
2. Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 1984. 188 с.
3. Воробьев Н.И. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Татгосиздат, 1953. 383 с.
4. Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
5. Давыдова С.А. Производство металлических изделий в Рыбной Слободе Лаишевского уезда Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. С.-Петербург: Типография В. Киришбаума, 1895. С. 117.
6. Ключевская Е.П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. Санкт-Петербург: Славия, 2009. 120 с.
7. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб.: в типографии К.Вульфа, 1860. 214 с.
8. Крамаровский М.Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июля 1999 года. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. С. 272–278.
9. Крамаровский М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв.): дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 61 с.
10. Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX – начало XX века) / Гл. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1967. С. 193–267.
11. Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» из собрания музеев Московского Кремля // Древнерусское искусство XIV–XV вв. / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1984. С. 101–113.
12. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. Труды института этнографии. Новая серия, том 31. М., 1956. С. 543–757.
13. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 247 с.
14. Национальный Архив РТ, ф. 359, оп. 1, д. 520, л. 121.
15. Покровский И.М. Казанский Архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. (В память 350-летия существования Казанской епархии 1555–1903 гг.). Казань: Центральная типография, 1906. 482 с.; Грамоты. С. I–XXX; Приложения. С. 1–264; Указатель. С. I–XVI.
16. Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 63–111.
17. Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала: Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 1996. 208 с.

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

18. Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.

19. Сулова С.В. О тюрко-татарских традициях в народной русской культуре // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Барнаул, 2012. С. 195–213.

20. Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АНРТ, 2002. Т. 1: А–В. 672 с.

21. Троицкий В.И. Казанские и свияжские серебряники XVII в. // Казанский музейный вестник. № 5–6. Казань: Первая государственная типография, 1920. С. 11–16.

22. Чавушьян Д.М. Технично-технологические и художественные особенности московской скани конца XVIII – начала XX вв.: дисс... канд. иск. наук. М., 2008. 137 с.

Сведения об авторах: Донина Лариса Николаевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lis.art@mail.ru

Сулова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

TATAR JEWELRY ART: QUESTION OF TATAR-RUSSIAN SYNCRETISM IN HANDICRAFT TRADITIONS OF KAZAN VOLGA REGION

L.N. Donina, S.V. Suslova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lis.art@mail.ru, sv_suslova@mail.ru*

The article is devoted to the identification and archaeological and ethnographic interpretation of technical and technological features of the Tatar jewelry art. Kazan was one of the largest jewelry centers in the Russian Empire, distinguished by the peculiarities of technical and technological and ornamental techniques of jewelry, formal and morphological content of jewelry. Tatar jewelers had a grip on almost all technological processes, but they acquired a special skill in the art of filigree and embossing. In historiography there was a belief that the so-called knobby filigree is “distinctive and unique appliances that have not received distribution in jewelry of other Nations” (Tatar encyclopedia, p. 468).

However, recent research (RFFI, project № 13-06–97056) showed that it was common in the jewelry of some of the peoples of the European part of Eurasia since the 11th century. Analogues of Kazan Tatar lumpy filigree of the 18th – the first half of the 19th centuries were revealed for the first time in Russian (religious) and European (secular) traditions of jewelry art.

Original kind Tatar coinage is the coinage identified by the researchers (F.H. Valeev) as a high-relief. On the products, which were made using this technique, presence (merger) of regional traditions characteristic of Tatar and Russian art have been revealed. Manifestations of syncretism, which are observed in a number of technologies of Tatar jewelry production, are probably due to the existence of numerous Russian jewelry centers in Kazan, the Kazan Volga region as a whole (usually in monasteries), including a large handicraft in the village of Rybnaya Sloboda.

Keywords: filigree, Tatar, Russian jewelers, embossing, jewelry technology

For citation: Donina L.N., Suslova S.V. Tatar Jewelry Art: Question of Tatar-Russian Syncretism in Handicraft Traditions of Kazan Volga Region. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 69–80. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

REFERENCES

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatova N.V., Kuzeev R.G. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Bashkir* [Decorative and Applied Arts of Bashkirs]. Ufa, Poligrafkombinat Publ., 1964. 260 p. (In Russian)
2. Valeev F.H. *Narodnoe dekorativnoe iskusstvo Tatarstana* [Folk Decorative Art of Tatarstan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984. 188 p. (In Russian)
3. Vorobyov N.I. *Kazanskie tatoryi. Etnograficheskoe issledovanie materialnoy kulturyi dooktyabrskogo perioda* [Kazan Tatar. Ethnographic Study of Material Culture of the pre-October Period]. Kazan, Tatgosizdat. Publ., 1953. 383 p. (In Russian)
4. Goldberg T., Mishukov F., Platonova N., Postnikova-Loseva M. *Russkoe zolotoe i serebryanoe delo XV–XX vv.* [Russian Gold and Silver Business of the 15th–20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 342 p. (In Russian)
5. Davyidova S.A. *Proizvodstvo metallicheskih izdeliy v Ryibnoy Slobode Laishevskogo uyezda Kazanskoy gubernii* [Production of Metal Products in the Fish Settlement of Laishevsky District of the Kazan Province]. *Otchetyi i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii* [Reports and Research on the Cottage Industry in Russia]. Vol. 3. St. Peterburg, V.Kirshbaum Printshop, 1895. 117 p. (In Russian)
6. Klyuchevskaya E.P. *Slovar kazanskih hudozhnikov. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [Dictionary of Kazan Artists. The Second half of the 16th – early 20th Centuries]. St. Peterburg, Slaviya Publ., 2009. 120 p. (In Russian)
7. Kostomarov N.I. *Ocherk domashney zhizni i nravov velikoruskogo naroda v XVI–XVII stoletiyah* [Essay on Home Life and Customs of the Great Russian People in the 16th – 17th Centuries]. St. Peterburg, K.Vulf Prinshop, 1860. 214 p. (In Russian)
8. Kramarovskiy M.G. *K istokam kazanskoy skani* [To the Origins of the Kazan Scan]. *Srednevekovaya Kazan: vzniknovenie i razvitie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kazan, 1–3 iyulya 1999 goda* [Medieval Kazan: Origin and Development. Materials of the International Scientific Conference. Kazan, July1–3, 1999]. Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, Master-Layn Publ., 2000, pp. 272–278. (In Russian)
9. Kramarovskiy M.G. *Vostok i Zapad v istorii i kulture Zolotoy Ordyyi (po materialam chingisidskoy torevtiki XIII–XV vv.)* [East and West in the History and Culture of the Golden Horde (according to materials kingisepsky torevtics of the 13th – 15th Centuries.) Dr. hist. sci. diss.] St. Peterburg, 2002. 61 p. (In Russian)

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

10. Lebedeva N.I., Maslova G.S. Russkaya kretyanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian Peasant Clothing of the 19th – early 20th Centuries]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. Zemledelie. Krestyanskoe zhilische. Krestyanskaya odezhda.* (Seredina XIX – nachalo XX veka) [Russian. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant Housing. Peasant Clothing. (Mid 19th – early 20th Centuries)]. Chief ed. S.P. Tolstov. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 193–267. (In Russian)

11. Martynova M.V. Oklad ikonyi «Bogomater Mlekopitatel'nitsa» iz sobraniya muzeev Moskovskogo Kremlya [The frame of the icon "our lady mammal" from the collection of the Moscow Kremlin museums] *Drevnerusskoe iskusstvo XIV–XV vv.* [Old Russian Art of the 14th – 15th Centuries]. Ed. by O.I. Podobedova. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 101–113. (In Russian)

12. Maslova G.S. Narodnaya odezhda russkih, ukrainsev i belorusov [National Clothes of Russians, Ukrainians and Belarusians]. *Vostochnoslavjanskiy etnograficheskiy sbornik. Trudyi instituta etnografii. Novaya seriya* [East Slavic Ethnographic Collection. Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Vol. 31. Moscow, 1956, pp. 543–757. (In Russian)

13. Muhamedova R.G. *Tataryi-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie.* [Tatars-Mishars. Historical and Ethnographic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 247 p. (In Russian)

14. Natsionalnyy Arkhiv RT [The National Archive of RT]. Fond 359, op. 1, d. 520, l. 121. (In Russian)

15. Pokrovskiy I.M. *Kazanskiy Arhiereyskiy dom, ego sredstva i shtaty, preimuschestvenno do 1764 goda. Tserkovno-arheologicheskoe, istoricheskoe i ekonomicheskoe issledovanie. (K pamyat 350-letiya suschestvovaniya Kazanskoj eparhii 1555–1903 gg.)* [Kazan Bishop's house, its funds and staff, mainly until 1764. Church-Archaeological, Historical and Economic Research. (In memory of the 350th anniversary of the Kazan Diocese in 1555–1903)]. Kazan, Tsentralnaya Prinshop Publ. 1906. 482 p.; Gramoty. pp. I–XXX; Prilozheniya. pp. 1–264; Ukazatel. pp. I–XVI. (In Russian)

16. Rabinovich M.G. Odezhda russkih XIII–XVII vv. [Russian Clothing of the 13th – 17th Centuries]. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropyi.* Materialyi k istoriko-etnograficheskomu atlasu [Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe. Materials to the Historical and Ethnographic Atlas]. Ed. by M.G. Rabinovich. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 63–111. (In Russian)

17. Safina F.Sh. *Tkachestvo tatar Povolzhya i Urala: Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda.* [Weaving of the Volga and Ural Tatars: Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Fen Publ., 1996. 208 p. (In Russian)

18. Sterligova I.A. *Dragotsennyiy ubor drevnerusskih ikon XI–XIV vekov. Proishozhdenie, simbolika, hudozhestvennyiy obraz.* [A Valuable Piece of Ancient Russian Icons of the 11th – 14th Centuries. Origin, Symbolism, Artistic Image]. Moscow, Progress-Traditsiya. Publ., 2000. 264 p. (In Russian)

19. Suslova S.V. O tyurko-tatarskih traditsiyah v narodnoy russkoy culture [On the Turko-Tatar Traditions in the Russian Folk Culture]. *Etnokulturnyye vzaimodeystviya v Evrazii: prostranstvennyie i istoricheskie konfiguratsii* [Ethno-Cultural Interactions in Eurasia: Spatial and Historical Configurations]. Barnaul, 2012, pp. 195–213. (In Russian)

20. *Tatarskaya entsiklopediya: V 5 t.* [Tatar Encyclopedia: in 5 volumes]. Kazan, AN RT Tatar Encyclopedia Institute Publ., 2002. Vol. 1: A–V. 672 p. (In Russian).

21. Troitskiy V.I. Kazanskie i sviyazhskie serebryaniki XVII v. [Kazan and Sviyazhsk Silversmiths of the 17th Century]. *Kazanskiy muzeynyiy vestnik* [Kazan Museum Bulletin]. No. 5–6. Kazan, First State Printshop Publ., 1920, pp. 11–16. (In Russian)

22. Chavushyan D.M. *Tehniko-tehnologicheskie i hudozhestvennyie osobennosti moskovskoy skani kontsa XVIII – nachala XX vv.* [Technical, Technological and Artistic Features of the Moscow Scan of the late 18th – early 20th Centuries. Dr. hist. sci. diss.] Moscow. 2008. 137 p. (In Russian)

About the authors: Larisa N. Donina is a Candidate of Science (Art History), Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russian Federation); lis.art@mail.ru

Svetlana V. Suslova is a Candidate of Science (History), Advanced Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.:
ТАТАРЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Г.Э. Рафикова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
grafikova@mail.ru*

В литературе России первой половины XIX в. широкое распространение получает жанр путевых заметок. Он представляет собой отчет путешественника о людях, городах и странах, который он видел во время поездок. Для исследователя-этнографа дорожные впечатления интересны возможными описаниями быта, традиций и обычаев многочисленных народов, проживавших на территории Российской империи. Нами для изучения отобраны путевые заметки, в которых приводятся описания татар Казанской губернии первой половины XIX в. Всего выявлено три источника: «Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851, 1852, 1853 и 1854 г.» К.Г. Евлентьева, глава сочинения П.Томаса «Souvenirs de Russie» и повесть В.А. Соллогуба «Тарантас: путевые впечатления». Исследование обстоятельств создания этих произведений и биографий авторов позволило определить уровень достоверности письменного отображения впечатлений путешествовавших о татарском населении губернии. В статье приводятся отрывки из указанных произведений о татарах.

Ключевые слова: история, этнография, Казанская губерния, первая половина XIX в., путевые заметки, К.Г. Евлентьев, В.А. Соллогуб, П. Томас

Для цитирования: Рафикова Г.Э. Путевые заметки первой половины XIX в.: татары Казанской губернии глазами путешественников // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 81–89. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.81-89

Путевые заметки – один из жанров художественной литературы, получивший широкое распространение в России в XIX в. Историки по праву включают в число нарративных источников, наряду с воспоминаниями, дневниками, очерками и мемуарами, произведения, создаваемые на стыке литературы, истории, философии и естествознания. Для исследователя, как и для рядового читателя, путевые заметки – это не только произведение, центральным стержнем сюжета которого является путешествие, но и возможность соприкоснуться с жизнью, обычаями, нравами людей, с которыми встречаются путешественники. Как правило, автор описывает не выдуманные географические объекты и события, они имеют конкретную привязку к местности, достоверные названия и время. Это является самой

привлекательной частью подобных произведений, так как читатель через прочитанное соприкасается с конкретным историческим событием, местностью, получает фактологическую информацию о землях, народах, социальных слоях населения, с которым встречался путешественник. Путевые заметки, если они не написаны в научно-исследовательском плане, часто носят характер художественного произведения, в котором художественность ему придают персонажи – как правило, выдуманные или собираемые, созданные несколькими реальными путешественниками, а также сценки, диалоги, размышления. Все это в совокупности воплощается в столь оригинальном и разноплановом произведении как путевые заметки.

К путевым заметкам, как виду нарративных источников, необходимо подходить критически. Исследователь должен оценить степень собственного доверия к автору, что зачастую не просто. Здесь необходимо учитывать целый ряд прямых и косвенных факторов. Во-первых, личность автора путевых заметок, его социальное происхождение и/или профессиональную деятельность (дворянин, чиновник, помещик, купец и др.). Во-вторых, имело ли место путешествие в действительности, и сохранились ли иные свидетельства этого события, которые могут подтвердить его факт. Немаловажную роль играет и цель путешествия, которая может объяснить вероятность посещения тех или иных мест, а также маршрут.

Путевые заметки особенно ценны в этнографическом плане. Путешественники, как правило, старались записать все то, что произвело на них особое впечатление. Проезжая по губерниям и местностям с нерусским населением, на путешествующих большое впечатление производили местные народы с их многообразием языков, обычаев, нравов и быта, отличного от русской части территории России.

Наш интерес привлекли три произведения, которые объединяет маршрут путешествия, пролегающий через Казанскую губернию и области с татарским населением, а также даты путешествий и издание произведений (первая половина XIX в.). Это «Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851, 1852, 1853 и 1854 г.» К.Г. Евлентьева, глава сочинения П.Томаса «Souvenirs de Russie» (Epinal, 1844), опубликованная в переводе с французского В.Н. Андерсоном в 1906 г. под названием «Путешествие Проспера Томаса в 1842 году от Москвы до Казани» и повесть В.А. Соллогуба «Тарантас: путевые впечатления» 1845 г. К указанным произведениям уместно было бы добавить сочинение К.Ф. Фукса¹ «Поездка из Казани к

---

¹ Карл Федорович Фукс (1776–1846) – врач, естествоиспытатель, краевед, этнограф, профессор и ректор Казанского университета. Его считают первым исследователем культуры и быта казанских татар. Этнографические статьи начал печатать в 1814 г. Особым предметом интереса К.Ф. Фукса были народности, проживавшие в Казанской и близлежащих губерниях. Итогом его многолетних исследований обычаев, обрядов и быта татар стала книга «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» (1844).

мордве в 1839 г.» [13, с. 92], но мы оставим его в стороне, так как его автор – профессиональный этнограф, и данные путевые заметки являются, несмотря на название, в полной мере этнографическим трудом. Учитывая разноплановость исследуемых сочинений, а также состав авторов, рассмотрим их по отдельности, стараясь не проводить аналогий и не делать обобщенных выводов. Структурно анализ будет опираться на биографии авторов, на основе которых возможно оценить степень доверия к их произведениям и вероятность осуществления описанного путешествия.

Константин Григорьевич Евлентьев (1824–1885) – краевед, археолог, преподаватель русского языка. Известно, что он родился в Самарской губернии, начинал учиться в оренбургской гимназии, но закончил учебу во 2-й казанской мужской гимназии. Карьеру начинал с должности учителя подготовительного класса при Ставропольском уездном училище, которую занял в 1853 г. В 1854 г. переехал в Казань, где был приглашен преподавателем Казанского приходского училища в Ягодной слободе. Испытывая некоторый научный интерес к жизни нерусского населения губернии, он предпринял несколько поездок, результатом которых стал ряд работ, связанных с жизнью казанских татар. Именно за них он в 1854 г. был избран членом Казанского экономического общества [6, с. 206–214].

На момент публикации в 1906 г. В.Н. Андерсоном² перевода фрагмента произведения Проспера Томаса «Souvenirs de Russe» – «Путешествие Проспера Томаса в 1842 году от Москвы до Казани» – личность автора окончательно не была установлена. В.Н. Андерсон считал ошибочным мнение Н.Ф. Катанова, отождествлявшего Проспера Томаса с Иваном Григорьевичем Томасом, профессором всеобщей истории, географии и статистики в Казанском университете в 1810–1819 гг. [4]. Основная ошибка, по его мнению, происходила потому, что Проспер Томас обозначил себя в произведении профессором Казанского университета, что стало поводом искать его среди преподавательского состава. Сопоставив биографию И.Г. Томаса с возможным путешествием и фактом того, что тот был немцем, а автор произведения «ярым» французом, В.Н. Андерсон приходит к выводу, что мнение Н.Ф. Катанова ошибочно. Однако ответить самостоятельно на вопрос об авторстве Андерсон он не смог [1, 2]. Ныне личность автора установлена вполне достоверно. Имя известно в большей степени благодаря писателю Л.Н. Толстому. Автора звали Проспер Шарль Антуан Тома (1812–1880), в России он пользовался именем Проспер Антонович Сен-Тома. Проспер Тома прибыл в Россию в 1835 г., надеясь получить

---

² Вальтер Артур Александр Андерсон (1885–1962) – профессор по кафедре западноевропейской литературы Казанского университета (1916–1918 гг.), на момент написания работы студент историко-филологического факультета Казанского университета (биографию см. подробнее: Рафикова Г., Ибрагимова Г. Биографика Казанского университета: Андерсоны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 134–142).

должность гувернера и учителя французского языка в хорошем доме. В дом к Толстым он попал в 1837 г. и вошел в историю как прототип гувернера Сен-Жерома в толстовском «Детстве» и «Отрочестве». Описанное Проспером Тома путешествие действительно имело место. В ноябре 1841 г. дети Толстых переехали в Казань к опекунке П.Н. Юшковой. 2 января 1842 г. вслед за ними отправился в Казань и гувернер, о которой по его собственному выражению «давно мечтал», и где планировал «служить преподавателем Казанского университета». Но задержался он здесь ненадолго. Весной 1842 г., переболев дважды эндемической лихорадкой, Проспер Тома вернулся во Францию. За столь короткое время пребывания в Казани он завел интересные знакомства в Казанском университете, в том числе и с К.Фуксом, с которым даже побывал на чувашской свадьбе [7]. В 1844 г. во французском городе Эпиналь Проспер Тома выпустил небольшую книгу воспоминаний о пребывании в России «Русский сувенир» (105 с.), главу из которой перевел В.Н. Андерсон.

В.А. Соллогуб (1813–1882) – прозаик, поэт, драматург, мемуарист, но не профессиональный литератор. Сочетал литературную деятельность с государственной службой в Министерстве внутренних дел, статский советник [9]. Как известно, повесть «Тарантас» была написана им и опубликована в 1845 г. под впечатлением от путешествия в Казань, которое он совершил вместе с князем Г.Г. Гагариным³ в 1839 г. Относительно даты путешествия сведения расходятся. Сам Соллогуб в автобиографическом письме М.Ф. де-Пулле писал, что поехал с молодым Гагариным в Симбирскую деревню через Казань в 1835 г. [11, с. 648], уточняя дату словами «если не ошибаюсь». Именно эта фраза Соллогуба и иные сведения позволяют усомниться в дате путешествия. Известно, что Гагариным принадлежали владения в Свияжском уезде Казанской губернии (Лабышка, Варварьино, Новосергово, Теньки и Буртасы). Ими владел Сергей Сергеевич Гагарин (1795–1852), кузен отца Григория Григорьевича – Ивана Григорьевича (1782–1837). В монографии А.Савинова «Григорий Григорьевич Гагарин» автор предположил, что поездка в 1839 г. Г.Г. Гагарина была связана с наследственным делом после смерти отца [10, с. 13]. Эта дата видится нам более правдоподобной. Иван Григорьевич скончался в 1837 г., а поскольку наследственные дела тянулись годами, вполне вероятно, что совместная поездка В.А. Соллогуба и Г.Г. Гагарина была осуществлена лишь в 1839 г., а не в 1835 г.

Таким образом, анализ биографий авторов прямо указывает на то, что произведения были написаны в результате действительно имевших место путешествий. Обратимся к описаниям татар, оставленных путешественниками.

---

³ Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893) – князь, дипломат, художник, генерал-майор, тайный советник, вице-президент Императорской Академии художеств (1859–1872).

К.Г. Евлантьев приводит описание татар Уфимско-Бугульминского почтового тракта: «Местные татары живут очень скудно. Восточная лень и плохое рачение служат главной тому причиной. Они неопрятны: чистоты не наблюдается у них ни в одежде, ни в кушанье. Татарин еще не вовсе отвык от восточной неги. Это доказывает множество перин и подушек, которые вы встретите в каждом у них доме. Поэтому он не очень трудолюбив и к тяжким трудам не может привыкнуть. Пристрастны к чаю, на чай он тратит последнюю копейку. Самовар у татарина, как бы он ни был беден, необходимая вещь в домашнем быту его. Татары пьют чай часто без сахара. В случае недостатка чая, его заменяют какою-нибудь душистою травою. К вину пристрастия не имеют. Многоженство у здешних татар редко. Впрочем, это происходит не от бедности, а от убеждения, что с одной женой скорее можно ужиться, чем со многими. Женский пол у них робок, и в отношении к мужьям татарки услужливы и покорны. Они любят пестрые наряды и все вообще белятся и румянятся. Татары расторопны, любопытны, сметливы и словоохотны. К вере своей усердны и привержены до фанатизма. Пищу татар составляют: салма, хлеб, конина и говядина или баранина. Домашний скот водят тот же, что и русские: коз, овец, баранов, рогатый, лошадей; из птиц: гусей, кур, уток и индеек. Но в избу не пускают ни скот, ни птицу. Система земледелия у них ныне трехпольная. Пчеловодство находится в довольно хорошем состоянии. Некоторые из татар содержат постоянные дворы и занимаются гоньбою лошадей по найму и извозом. Татары способны к торговле, они торгуют чаем, сахаром, кожами, рухлядью, а некоторые из них азиатскими бумажными и шелковыми товарами. Они отчаянно торгуются и, быстро понижая цену на товар, успешно сбывают его покупателям» [3, с. 20–21].

Проспер Томас, наиболее вероятно, оставил описание казанских татар, так как не сохранилось иных сведений о его поездках в более отдаленные от города места: «Татары, подчиненные России, мусульмане; они свободно исповедуют свою веру и почти пользуются полной автономией; только высшая власть – русские; одним словом, правительство постаралось сделать их иго возможно более легким; поэтому со дня взятия Казани они не предприняли ни одной попытки, чтобы возвратить себе свою независимость. Своим трудолюбием, предприимчивостью и силою татарин земледелец значительно превосходит окружающих его чуваш, черемис и даже русских. Татарские лошади отличны и славятся по всей России. По качеству лошадей, по интеллигентности и спокойному нраву ямщиков можно очень скоро заметить, что имеешь дело уже не с русскими. Татарские купцы самые деятельные посредники русской торговли с Азией. Единство их происхождения, часто даже языка, костюма и религии со многими соседними народами Азиатской России делает их в этом отношении очень ценными для правительства» [1, с. 5–6; 2, с. 168–169].

Наиболее сложное для анализа произведение «Тарантас» В.А. Соллогуба. Написанное в жанре художественного произведения, оно описывает

путешествие двух случайных попутчиков – казанского помещика Василия Ивановича и обедневшего молодого помещика, славянофила Ивана Васильевича. Посвященная встрече с татарами глава называется «Восток» и начинается с возгласа главного героя при въезде в Казань: «Казань... Татары... Восток! Иоанн Грозный... бирюза, мыло, халаты... Казанское царство... Преддверие Азии. Наконец, я в Казани...» [12, с. 124]. Эти фразы во многом определяют ассоциации, которые прочно закрепились в сознании жителей Центральной России и столичных городов Санкт-Петербурга и Москвы, на которые, по всей видимости, влияли описания города из уст других путешествовавших ранее. В одном из рассуждений молодого главного героя содержится описание степени влияния Востока на Россию: «Нравственное, торговое и политическое» [12, с. 127] и его сравнение с Западом. Среди отличительных восточных черт России главный герой выделяет гостеприимство, патриархальность народного быта, господство чувственной стороны и святость убеждений, но в то же время Восток в его глазах – это источник лени, отвращение к успехам человечества, нерадение к возложенным обязанностям и тонкая хитрость, сравнимая с плутовством. Последнее утверждение получает свое подтверждение в сцене встречи Ивана Васильевича с татарскими торговцами, продававшими халаты и бирюзу: «...Комната наполнилась татарами в чибитейках, с выразительными лицами, с товарами подмышкой. Все говорили вместе, все кланялись и улыбались; каждый хватался сперва за суконный или кумачный кафтан, вытаскивал из-за пазухи желтенькие сложенные бумаги и потом, бросившись на пол, начинал развязывать узлы с халатами и разными тканями» [12, с. 129]. Далее следует сцена торговли, в результате которой главный герой был обманут татарами, продавшими товар втридорога.

Кроме содержательной части произведения наиболее интересными для исследователей являются литографии иллюстраций «Тарантаса». По утверждению Соллогуба, первоначальные рисунки, с которых были написаны литографии, принадлежат Г.Г. Гагарину, и сделаны они во время путешествия, т. е. с натуры. Соллогуб свидетельствует, что на написание произведения его вдохновили именно зарисовки Г.Г. Гагарина [11, с. 648; 4, с. 49], который обозначен в издании «Тарантаса» единственным автором иллюстраций. Но некоторые исследователи творчества писателя придерживаются иного мнения, приписывая авторство части из них художнику А.А. Агину. На наш взгляд, наиболее обоснованную версию выдвинул К.С. Кузьминский, который на основе анализа содержания сюжетов, художественного почерка, техники исполнения и литографирования определил, что Г.Г. Гагарину принадлежат только те картинки, которые изображают предметы быта, этнографические сюжеты и виды [5, с. 51], авторство других можно подвергнуть сомнению. В нашем случае к ним относится изображение группы татар. Можно смело утверждать, что оно принадлежит Г.Г. Гагарину, написано с натуры, и с этнографической точностью запечатлело их лица и одежду. Таким образом, наш современник благода-

ря «Тарантасу» получает для обозрения достоверное изображение казанских татар конца 1830-х гг.

Все приведенные в качестве источника произведения, объединенные одним жанром путевых заметок, вполне могут быть отнесены к нарративу, и все они достойны внимания специалистов – историков и этнографов. Несмотря на разноплановость сочинений в них отображены впечатления путешественников от татарского населения Казанской губернии первой половины XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон В. Путешествие Пр.Томаса в 1842 году от Москвы до Казани. Казань: типо-литография императорского казанского университета, 1906. 21 с.
2. Андерсон В. Путешествие Пр.Томаса в 1842 году от Москвы до Казани // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1906. Т. 22. Вып. 3. С. 164–184.
3. Евлентьев К.Г. Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851, 1852, 1853, 1854 гг. // Записки Казанского экономического общества. 1854. Ч. 3. Кн. 10. С. 19–25.
4. Катанов Н.Ф. Сказание иностранцев о Казани. I. Prosper Thomas – П. Томас, II. A. Legrelle – Ф. Легрель // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1903. Т. 19. Вып. 5–6. С. 277–285.
5. Кузьминский К.С. Запутанный вопрос (об иллюстрациях к «Тарантасу» Соллогуба) // Среди коллекционеров. 1922. № 1. С. 48–53.
6. Медников М.М. Константин Григорьевич Евлентьев // Псков. № 22. 2005. С. 206–214.
7. Полосина А.Н. Сен-Тома – первый гувернер Л.Н.Толстого: прототип и образ (по неизвестным материалам). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-otolstom/molodoj-tolstoj-sbornik/polosina-sen-toma-pervyj-guverner-tolstogo.htm> (дата обращения – 23.04.2018).
8. Рафикова Г., Ибрагимова Г. Биографика Казанского университета: Андерсоны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 134–142.
9. Соллогуб В.А. Биография. URL: <http://sollogub.lit-info.ru> (дата обращения – 22.05.2018).
10. Савинов А. Григорий Григорьевич Гагарин. 1810–1893. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1951. 30 с.
11. Соллогуб В.А. Воспоминания / ред., предисл., прим. С.П.Шестерикова, вст. ст. П.К.Грубера. М.-Л.: тип. «Ленингр. Правда», 1931. 652 с.
12. Соллогуб В.А. Тарантас: путевые впечатления. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 149 с.
13. Фукс К.Ф. Поездка из Казани к мордве в 1839 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. Ч. 34. № 10. С. 85–118.

Сведения об авторе: Рафикова Гульнара Эрнстовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (420015, ул. Пушкина, 56, Казань, Российская Федерация); grafikova@mail.ru

TRAVEL NOTES OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: TATARS OF KAZAN PROVINCE THROUGH THE EYES OF TRAVELERS

G.E. Rafikova

*Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
grafikova@mail.ru*

The genre of travel notes is widely used in literature of Russia in the first half of the nineteenth century. It is a traveler's report about people, cities and countries which he had met during the trip. Road impressions appeal to an ethnographer with possible descriptions of everyday life, traditions and customs of the numerous peoples who used to live on the territory of the Russian Empire. The travel notes that have been selected for the given research describe the Tatars of the Kazan Province of the first half of the 19th century. Three sources have been identified: "Travel Notes from Trips to the Trans-Volga in 1851, 1852, 1853 and 1854" by K.G.Evlentev, a chapter from P.Tomas's work "Souvenirs of Russia," and the novel by V.A.Sollogub "Tarantas: Travel Impressions." The article contains excerpts from the listed works about Tatars.

Keywords: history, ethnography, Kazan Province of the first half of the 19th century, travel notes, K.G.Evlentev, V.A.Sollogub, P.Tomas

For citation: Khakimov R.S. Question of the Lower Border of Historical Studies in Terms of Data-DNA Genealogy. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 81–89. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.81-89

REFERENCES

1. Anderson V. *Puteshestvie Pr.Tomasa v 1842 godu ot Moskvy do Kazani* [Travel Pr.Tomas in 1842 from Moscow to Kazan]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial Kazan University, 1906. 21 p. (In Russian)
2. Anderson V. *Puteshestvie Pr.Tomasa v 1842 godu ot Moskvy do Kazani* [Travel Pr.Tomas in 1842 from Moscow to Kazan] Kazan, News of the Society of archeology, history and Ethnography at the Imperial Kazan University, 1906, vol. 22, no. 3, pp. 164–184. (In Russian)
3. Evlentev K.G. *Putevye zametki iz poezdok po Zavolzh'yu v 1851, 1852, 1853, 1854 gg* [Travel notes from a trip on Volga in 1851, 1852, 1853, 1854] Kazan, Notes of the Kazan economic society, 1854, vol. 3, no. 10, pp. 19–25. (In Russian)
4. Katanov N.F. *Skazanie inostrantsev o Kazani. I. Prosper Thomas – P.Tomas, II. A. Legrelle – F. Legrel* [Legend of foreigners about Kazan. I. Prosper Thomas, II. A. Legrelle] Kazan, News of the Society of archeology, history and Ethnography at the Imperial Kazan University, 1903. vol. 19, no. 5–6, pp. 277–285.

5. Kuzminskij K.S. *Zaputannyj vopros (ob illyustracijah k «Tarantasu» Solloguba)* [Kuzminski K.S. A confusing issue (an illustration of Sollogub's «Tarantas»)]. 1922, no. 1, pp. 48–53. (In Russian)
6. Mednikov M.M. *Konstantin Grigorevich Evlentev* [Konstantin Grigorevich Evlentev]. Pskov. 2005, no. 22, pp. 206–214. (In Russian)
7. Polosina A.N. *Sen-Toma – pervyj guverner L.N. Tolstogo: prototip i obraz (po neizvestnym materialam)* [St. Thomas – L.N. Tolstoy's first tutor: the prototype and the image (for unknown content)] (In Russian.) Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoj/kritika-o-tolstom/molodoj-tolstoj-sbornik/polosina-sen-toma-pervyj-guverner-tolstogo.htm> (accessed 23.04.2018)
8. Rafikova G., Ibragimova G. *Biografika Kazanskogo universiteta: Andersony* [The Biography of Kazan University: Anderson]. 2016, no. 1–2, pp.134–142. (In Russian)
9. Sollogub V.A. *Biografiya* [The Biography]. (In Russian.) Available at: <http://sollogub.lit-info.ru> (accessed 22.05.2018)
10. Savinov A. *Grigorij Grigorevich Gagarin 1810–1893* [Grigorij Grigorevich Gagarin 1810–1893]. Moscow, State. publishing house «Art», 1951, 30 p. (In Russian)
11. Sollogub V.A. *Vospominaniya* [The Memory]. Leningrad, Leningradskaya Pravda Publ., 1931. 652 p. (In Russian)
12. Sollogub V.A. *Tarantas: putevye vpechatleniya* [Tarantas: the travel experiences]. Moscow, State publishing house of fiction, 1955. 149 p. (In Russian)
13. Fuks K.F. *Poezdka iz Kazani k mordve v 1839 g.* [A trip from Kazan to Mordva in 1839]. 1839, part 34, no. 10, pp. 85–118. (In Russian)

About the author: Gulnara E. Rafikova is a Candidat of Science (History), Advanced Research Fellow, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (56, Pushkin St., Kazan 420015, Russian Federation); grafikova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГАГАУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Л.В. Остапенко

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии наук
Москва, Российская Федерация
lost_82@bk.ru*

Важную роль в социально-культурном развитии народа играет интеллигенция. Особенности ее формирования, масштабов и состава обусловлены множеством разнообразных условий и факторов и заметно варьируют в этнорегиональном ракурсе. Гагаузы – представители тюрко-татарской группы, живущие на территории Молдавии, в течение длительного времени находились в условиях мало благоприятных для образовательного и социального роста. Складывание гагаузской интеллигенции проходило достаточно сложно и неоднозначно. Наиболее важными особенностями этого процесса можно назвать низкие «стартовые позиции» и медленные темпы формирования и развития данной социальной группы у гагаузов как в досоветский период, так и в течение первых десятилетий после вхождения Молдавии в состав СССР. Долгое время доля интеллигенции среди них оставалась в той или иной мере ниже, чем у представителей других основных национальностей республики. Ее профессионально-отраслевой состав отличался узостью, а образовательный уровень был невысоким. Только к концу 1980-х гг. темпы роста гагаузской интеллигенции начали нарастать, расширился ее состав. Но особых успехов в этом отношении гагаузы добились лишь в постсоветский период, в том числе благодаря созданию автономии Гагауз-Ери и образованию Комратского университета. За сравнительно короткий (в исторических масштабах) срок произошла радикальная перестройка социально-профессионального и отраслевого состава народа, а представители его интеллигенции не только заняли высокие позиции во всей республиканской элите, но и внесли значимый вклад в укрепление этнического самосознания гагаузов, развитие их языка и культуры.

Ключевые слова: гагаузы, интеллигенция, социально-профессиональный состав, профессиональные ориентации, уровень образования, этническое самосознание

Для цитирования: Остапенко Л.В. Особенности формирования и развития гагаузской интеллигенции (конец XIX – начало XXI вв.) // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 90–112. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.90-112

Ключевую роль в социально-культурном развитии народа, в формировании его этнического самосознания, чувства этнической общности и солидарности, в формулировании и отстаивании интересов и прав, выра-

ботке основ национальной идеологии и т. п. играет его интеллектуальная элита – интеллигенция. Это особый социальный слой людей, профессионально занимающихся умственным преимущественно сложным трудом, генерирующих, воспроизводящих и развивающих культурные ценности, способствующих просвещению и прогрессу общества. Массовость и состав интеллигенции детерминированы множеством разнообразных условий и факторов и заметно варьируют в этнорегиональном разрезе.

Вопросам комплектования отрядов интеллигенции в составе тех или иных народов посвящен немалый круг исследований. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы, анализирующие путь становления и воспроизводства интеллигенции у этнических общностей, сравнительно позже других вступивших в активную фазу социально-экономического и культурного развития, процесс складывания социально-профессиональной структуры, которых имеет определенные особенности. Это относится, в частности, к гагаузам, издавна живущим на территории современной Молдовы в окружении народов не только более многочисленных, но и отличающихся в социально-экономическом и этнокультурном плане.

Основной территорией проживания гагаузов был и остается южный регион Молдавии, характеризующийся сельскохозяйственной направленностью экономики, отсутствием крупных городов и многопрофильных промышленных центров, что определило на долгие годы особенности социально-профессионального и отраслевого состава гагаузского населения и затруднило процесс формирования гагаузской интеллигенции в массовом масштабе.

На рубеже XIX–XX вв. гагаузы Бессарабии, входившей тогда в состав Российского государства, отличались самым высоким на данной территории уровнем занятости в сельскохозяйственном производстве, в котором среди них работало 94,5%, имеющих занятия. Это было обусловлено практически стопроцентным проживанием гагаузов в сельской местности и, соответственно, крайне слабым их участием во внесельскохозяйственных отраслях, развитых в то время преимущественно в городах. В фабрично-заводской промышленности, на транспорте и предприятиях связи трудилось чуть более 2% гагаузского населения, еще около 2% – в торговле и обслуживании, в том числе в качестве прислуги и поденщиков. Буквально единицами насчитывались гагаузы, занятые в управлении, вооруженных силах, просвещении, медицине, науке, культуре, искусстве вместе взятых [8, с. 158–215].

Социальные позиции гагаузов выглядели в те годы довольно скромными и не только из-за особенностей их расселения и трудовой специфики. Политика царского правительства четко классифицировала людей по этническому и религиозному признакам. Гагаузы в этой классификации занимали далеко не первые позиции, которые отводились представителям славянских народов и, прежде всего, русским. В качестве этнического меньшинства, принадлежащего к тюрко-татарской группе, гагаузы, хотя и

были православными, не имели в тот период особых перспектив социального роста. В той или иной мере они отставали по социально-культурным показателям не только от местных русских и украинцев, но и от молдаван и болгар, хотя среди последних подавляющее большинство также проживало в селе и трудилось в сельском хозяйстве. Например, доля работников преимущественно умственного труда в составе гагаузов выглядела вдвое ниже, чем у молдаван, в 4 раза меньше, по сравнению с болгарами и почти в 10 – в сравнении с русскими [8, с. 158–215].

Тем не менее, уровень материального достатка многих гагаузских семей был не ниже, чем у представителей других национальностей. Благодаря трудолюбию, хозяйственности, деловитости, а также сравнительно высокому уровню грамотности, гагаузы имели довольно крепкие крестьянские хозяйства. Не зря известный исследователь гагаузов В. Мошков характеризовал их как народ способный, энергичный и трудолюбивый [5, с. 8].

При еще сравнительно слабой включенности в сферу умственного труда гагаузы отличались высокой степенью духовности, набожности. В те годы из их среды вышло немало людей духовного звания, пастырей, просветителей. К ним принадлежали, например, представители семьи Чакир. «Более тридцати священнослужителей вышли из рода Чакир. Незаметные сельские священники, бережно несущие прихожанам свет Христовой любви, чередовались с высокообразованными деятелями культуры» [1, с. 27–28]. Протоирей Михаил Чакир был широко известен своей педагогической, научной и культурной деятельностью, занимался вопросами развития гагаузского языка, изысканиями в области этнографии и т. п., а его сын стал драматургом. В. Мошков отмечал, что в частности из города Комрат «...выходит в нашу русскую интеллигенцию немало состоятельных гагаузов, которых можно встретить в настоящее время не только среди местного духовенства и народных учителей, но даже и среди офицеров нашей армии» [5, с. 8].

За время пребывания Бессарабии в составе Румынии социально-экономическое положение гагаузов ухудшилось. Подавляющее их большинство, как и раньше, было представлено сельскохозяйственным населением. Экономическая слабость самой Румынии и ущемление культурно-языковых интересов этнических меньшинств привели к тому, что немало гагаузских крестьянских хозяйств разорилось, а часть гагаузов эмигрировала за пределы страны.

К моменту присоединения Бессарабии к Советскому Союзу гагаузы отставали от многих других народов по степени включенности экономическую и культурную среду. При этом начальный этап вхождения Молдавии в Союз был омрачен для гагаузов, как и для многих других народов, тяжелыми потерями, которые они понесли во время коллективизации и борьбы с кулачеством, когда гагаузские семьи, в том числе наиболее успешных, грамотных, крепких хозяев, репрессированы, отправлены в Сибирь.

Став колхозниками, бывшие крестьяне на первых порах мало изменили свой образ жизни и характер труда. Такое положение во многом обуславливалось как экономическими и политическими, так и этнокультурными факторами. Несмотря на декларируемое советской властью равенство народов и шансов их социально-культурного роста, возможности продвинуться у гагаузов оставались менее благоприятными, чем, например, у молдаван, которым, как титульному народу предоставлялись определенные льготы. В первые десятилетия советской власти молдаване довольно активно пополняли ряды не только индустриальных рабочих, но и работников управления, здравоохранения, просвещения, культуры. Участие в этих видах занятий, в свою очередь, обеспечивало им дальнейшее массовое воспроизводство отрядов собственной интеллигенции.

У гагаузов подобных преимуществ не было. К тому же развитие южных районов Молдавии, в которых преимущественно проживали гагаузы, шло менее быстрыми темпами, чем центральных и северных, где создавались новые предприятия крупной индустрии, расширялись культурные и образовательные центры, совершенствовалась инфраструктура городов и т. д. Гагаузские территории, согласно хозяйственной специализации регионов, оставались зонами сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности, в основном пищевой.

В конце 1950-х гг. в сельском хозяйстве все еще трудилось более 80% гагаузов, в то время как в среднем по республике – 73%, а по СССР – 40%. Доля индустриальных кадров среди них не достигала и 10%. В машиностроении и металлообработке была занята лишь пятая часть гагаузов, а в среднем по Молдавии – уже более трети. Непропорционально низким было участие гагаузов и в составе персонала предприятий транспорта и связи, и только в строительстве их представительство отличалось достаточной массовостью [2. Рассчитано автором].

Помимо сельского хозяйства и строительства, во всех прочих отраслевых группах представленность гагаузов оставалась в той или иной мере пониженной, включая такие сферы, как торговля и обслуживание. Особенно слабо они были вовлечены в отрасли, в которых требовался преимущественно умственный, в том числе квалифицированный труд. Это относилось к тем профессиям, которые у многих титульных народов в годы советской власти пополнялись довольно интенсивно – врачи, учителя, культурно-просветительные работники, специалисты сельского хозяйства. В конце 1950-х гг. на 10 000 занятого населения у гагаузов в городах приходилось всего 3 учителя, в сельской местности – 11, а, например, у молдаван соответственно 51 и 35, у русских – 91 и 82. Относительная численность работников здравоохранения среди гагаузов была втрое ниже, чем в среднем по республике, а культуры и искусства – в 8 раз [2. Рассчитано автором].

В те годы многие гагаузы были вынуждены довольствоваться услугами ряда специалистов (врачей, учителей, юристов и т. п.) иной этнической принадлежности. Но в условиях широкого распространения в Молда-

вии русского языка и сравнительно хорошего знания его гагаузами это не создавало для них особых трудностей, хотя и несколько тормозило процесс формирования собственных педагогических, медицинских, управленческих кадров. Тем не менее, рост массовой интеллигенции и у гагаузов постепенно набирал обороты. В 1950–60-е гг. основная часть гагаузской интеллигенции была представлена именно работниками медицины, образования и сельскохозяйственными специалистами, правда в основном с дипломами техникумов, училищ или специальных курсов. Технические профессии, требующие сравнительно высокого образования, длительного и сложного обучения, оказались для гагаузов не только менее доступны, но и менее востребованы из-за особенностей их поселенческой структуры и хозяйственной специализации. По относительной численности инженерно-технических работников они отставали от молдаван в три раза, от русских – в 13 раз, а по относительному числу научных работников – соответственно в 6 и в 8 раз [2. Рассчитано автором].

Определенным тормозом развития гагаузской интеллигенции послужило и недостаточно активное привлечение гагаузов к участию в управлении, носившее эпизодический характер. По данным переписи 1959 г. численность государственных чиновников в расчете на 10 000 занятого гагаузского населения составляла в городской местности 6 человек, а в сельской – 9, в то время как у молдаван соответственно 23 и 10, у русских – 63 и 37 [2. Рассчитано автором].

В социально-профессиональном составе гагаузов резко доминирующей выступала группа работников физического труда (95%), причем в основном мало – и неквалифицированного (более 70%), что в целом соответствовало отраслевой структуре работников гагаузской национальности с преобладанием тружеников сельского хозяйства. Доля специалистов и руководителей лишь немногим превышала 2%. Даже в городах в конце 1950-х гг. сфера умственного труда оставалась крайне узкой (менее 10%) [2. Рассчитано автором].

И это было вполне естественным явлением на фоне еще сравнительно невысокого образовательного уровня гагаузов. Дальше овладения чтением и письмом – важными навыками для успешного ведения крестьянского хозяйства, образование у многих гагаузов в тот период особо не продвигалось. Согласно переписи 1959 г. на 1000 гагаузов в возрасте от 10 лет и старше приходился всего 1 человек с высшим образованием, 6 – со средним специальным и столько же – с общим средним [6, с. 424]. Эти показатели были самыми низкими среди основных этнических общностей республики. Подобная ситуация во многом стала следствием того обстоятельства, что на территории преимущественного проживания гагаузов практически не было высших и средних специальных учебных заведений, кроме педагогического училища. Оставалась слабой и потребность в высококвалифицированных кадрах, подготовленных из среды гагаузского населения, во многом из-за медленных темпов развития в Гагаузии процессов урба-

низации и индустриализации, неразвитости местных городов, а также в результате более или менее достаточной обеспеченности районов преимущественного проживания гагаузов специалистами русской, украинской, еврейской и молдавской национальностей.

В большинстве регионов Молдавии именно в городах уже в 1950–1960-е гг. началось активное строительство новых индустриальных предприятий, учреждений науки и культуры, стала расширяться сфера медицинского и бытового обслуживания и т. п. Городское население, тем самым, получало все более широкие возможности для своего социально-культурного роста, необходимость которого усиливалась растущими народнохозяйственными запросами. В Гагаузии города оставались по существу большими деревнями, которые пополнялись преимущественно жителями соседних сел. В конце 1950-х гг. почти 40% городских гагаузов работало в сельскохозяйственном производстве, в индустрии – менее трети и лишь около 6% – в здравоохранении, просвещении, науке, культуре [2. Рассчитано автором].

Тем не менее роль гагаузской интеллигенции в жизни своего народа, да и республики в целом постоянно повышалась, особенно в сельской местности, где гагаузы жили в своей привычной среде, занимаясь традиционными видами деятельности, требовавшими не столько высокого профессионального образования, сколько трудового и жизненного опыта, усердия, навыков и сноровки. Из среды сельчан вышли многие представители пока еще немногочисленной гагаузской интеллигенции. Священников-просветителей сменили педагоги-литературы. Среди них – Николай Танасоглу, Василий Арабаджи, Владимир Касым, Иван Перчемли и др. Увеличивалось число представителей творческих профессий, которые были близки поэтической гагаузской душе – поэтов, художников, музыкантов.

Учитывая, что основная часть гагаузов проживала в селе, можно отметить, что развитие отрядов сельской интеллигенции играло принципиально важную роль, способствуя росту их этнического самосознания, чувства гордости за свой народ, его достижения, любви к земле своих предков и т. п.

С течением времени влияние начавшихся в Молдавии после ее присоединения к Союзу экономических и социально-культурных преобразований более заметно стали ощущать и гагаузы, хотя волна перемен достигла до них несколько позднее в силу различной интенсивности реформ в разных регионах республики. Процессы урбанизации и индустриализации способствовали росту среди них городского населения, расширению и укреплению «городских» отраслей хозяйства. Наиболее значимые изменения пришлись на 1970-е гг. К концу 1970-х гг., например, доля горожан выросла у гагаузов почти до 40%, а к концу 1980-х – до 44% [3. Рассчитано автором]. Весьма показательно, что в этом отношении гагаузам удалось опередить молдаван, среди которых процент городского населения не достигал и 40. Стал меняться и их отраслевой состав, начался более интен-

сивный рост студенческой молодежи и работников квалифицированного умственного труда.

В этот период темпы индустриализации в Молдавии выглядели довольно интенсивными как в городах, так и в сельской местности. В республике широко развернулось строительство, так называемых, аграрно-промышленных комплексов. Молдавия стала одним из зачинателей движения по агропромышленной и научной интеграции. Здесь быстрым темпами начали создаваться совхозы-техникумы, совхозы-заводы, научно-промышленные объединения, республиканские производственно-торговые подразделения и т. п., по уровню развития которых Молдавия заняла одну из лидирующих позиций в Союзе. С каждым годом в состав агропромышленных комплексов включалось все большее число хозяйствующих единиц. В этом отношении сельскохозяйственные районы преимущественного проживания гагаузов предоставляли весьма благоприятную почву. В городах Вулканешты, Комрате, Чадыр-Лунге, в сельских районах Гагаузии строились и расширялись ткацкие и табачные фабрики, предприятия пищевой промышленности и стройматериалов, винные и коньячные производства, создавались машиностроительные и металлургические заводы с повышенными запросами в квалифицированных кадрах рабочих и специалистов.

С течением времени гагаузы все основательней включались в процесс социально-экономического развития не только своей республики, но и страны в целом. Для них стали характерными те же тенденции, что для населения всего Союза, в том числе – дальнейшее падение удельного веса людей, обслуживающих сельское хозяйство, повышение относительной численности персонала индустриальных отраслей, рост высокообразованных, профессионально подготовленных кадров.

Идущие в Молдавии, в том числе на территории Гагаузии, социально-экономические и культурные преобразования вели к заметному расширению спектра занятий гагаузского населения. С точки зрения социально-культурного развития гагаузов, укрепления их этнического самосознания принципиальное значение имел рост в их составе работников просвещения, здравоохранения, науки, культуры. Правда, по сравнению с молдаванами и болгарами, имевшими примерно такие же «стартовые показатели», у них этот процесс несколько затянулся. Хотя за 30 лет (с 1959 по 1989 гг.) доля занятых в названных сферах увеличилась у гагаузов в несколько раз, она оставалась на уровне 11–13%, что было в той или иной мере ниже, чем у живущих рядом молдаван, русских, украинцев, евреев, болгар [3. Рассчитано автором]. Однако прогресс и в этом трудовом секторе выглядел весьма впечатляющим, если рассматривать динамику конкретных показателей. Например, в городах за данный период на 10 000 занятого гагаузского населения количество учителей выросло с 3 до 156, медицинских работников – с 11 до 49, деятелей литературы и искусства – с 15 до 31, научных работников – с 3 до 27 и т. д. [3. Рассчитано автором].

В сельской местности включение гагаузов в отрасли просвещения, здравоохранения и культуры носило менее массовый характер, нежели в городской, но было чрезвычайно значимым для всего гагаузского населения, так как сельчане продолжали численно доминировать. Важно, что в селе гагаузы не только не отставали от представителей других национальностей в социально-культурном росте, но и нередко по темпам развития опережали их. Например, доля работников здравоохранения, просвещения, культуры выросла у сельских гагаузов с 1959 по 1989 гг. – втрое, в то время как у молдаван лишь в 2 раза. Особенно заметных успехов достигли гагаузы-сельчане в области педагогической деятельности. По относительной численности педагогических кадров в сельской местности они почти догнали молдаван и болгар и опередили украинцев. Приведем еще несколько весьма красноречивых примеров. По сравнению с 1959 г., в 1989 г. численность работников культурно-просветительных учреждений на 10 000 занятого сельского населения повысилась у гагаузов с 3 до 36, сельскохозяйственных специалистов – с 9 до 80, а педагогических и медицинских работников (в совокупности) – с 76 до 328 человек (!) [2, 3. Рассчитано автором].

Внутри и за пределами Молдавии получили известность гагаузские поэты, писатели, ученые, художники, музыканты – Михаил Губоглу, Иван Фазлы, Дионис Танасоглу, Валентин Стефоглу, Николай Киоса, Николай Бабоглу, Николай Кьльчик, Дмитрий Карачобан, Гаврил Гайдаржи, Мария Маруневич, Иван Каварналы, Константин Василиоглу, Михаил Колса, Степан Курогло, Дмитрий Свастин, Михаил Губогло, которые навсегда вошли в историю гагаузского народа как его идеологическая, научная и художественная элита.

В то же время практически в течение всех лет до образования собственной автономии гагаузы отличались довольно слабым представительством в сфере управления, где преобладали молдаване, русские, украинцы и евреи. Несмотря на постепенное повышение их участия в управленческих структурах, даже в конце 1980-х гг. гагаузы оставались там сравнительно малочисленной группой. На 10 000 занятого населения у них приходилось всего 6 руководителей органов государственного управления, в то время как, например, у молдаван и русских – по 22, у украинцев – 25, а у болгар – 33 [3. Рассчитано автором]. Причем, доля гагаузов, как и прочих этнических меньшинств, в органах управления разного уровня заметно варьировала. Чем выше был статус власти, тем меньше в ее составе оказывалось работников гагаузской национальности. Так, например, среди всех депутатов Чадыр-Лунгского Совета депутатов трудящихся тринадцатого созыва (конец 1980-х гг.) гагаузы составляли около 40%. А среди 55 председателей рай- и горисполкомов республики был всего один гагауз, среди 27 руководителей министерств и госкомитетов, среди 80 заместителей министерств и председателей госкомитетов их не было вообще [6, с. 422].

Одновременно с изменениями в отраслевом составе гагаузов происходили перемены и в их социально-профессиональной структуре и образовательном уровне (табл. 1). За рассматриваемый 30-летний период относительная численность гагаузов, занятых профессиями умственного труда, увеличилась более чем втрое (до 20%), а специалистов и руководителей – в 7 раз (до 14%). Это были самые высокие темпы развития данной социально-профессиональной группы в сравнении со всеми другими этническими общностями Молдавии. За счет этого происходило сближение социально-профессионального состава жителей Молдавии разной этнической принадлежности.

Впечатляющих успехов сумели добиться городские гагаузы, среди которых доля работников интеллектуального труда выросла за исследуемый период с 5% до четверти. Если в конце 1950-х гг. в городах уровень занятости интеллектуальными профессиями у гагаузов был почти втрое ниже, чем у молдаван, и в 8 раз, – по сравнению с русскими, то через 30 лет эта разница снизилась соответственно до 1,3 и 2 раз. В сельской местности рост относительной численности работников квалифицированного умственного труда в гагаузском населении составил более 5 раз. Правда, и в конце 1980-х гг. она оставалась сравнительно невысокой – менее 10%.

Таблица 1*

Динамика социально-профессионального состава гагаузов 1959–1989 гг., %

Социально-профессиональные группы	город			село		
	1959	1979	1989	1959	1979	1989
Руководители	0,9	1,4	5,2	0,8	2,2	3
Специалисты высшей квалификации	0,7	7,1	8,7	0,5	4,6	4,9
Специалисты средней квалификации	0,8	4,2	4,8	0,5	1,5	1,9
Работники малоквалифицированного умственного труда	2,6	5,1	6,5	1,7	1,8	5,4
Работники квалифицированного физического труда	32	36,7	44,3	14,9	25,8	36
Работники мало- и неквалифицированного физического труда	63	45,5	30,5	81,6	64,1	48,8
Итого	100	100	100	100	100	100

* Таблица составлена на основе материалов Всесоюзных переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.

Рост отрядов национальной интеллигенции не стал бы возможным без соответствующего повышения уровня образования гагаузов. 1970-е гг. ознаменовались заметным прорывом в уровне образовательной подготовки гагаузской молодежи. По сравнению с 1959 г., в 1979 г. число людей со средним специальным образованием в расчете на 1000 человек в возрасте от 10 лет и старше выросло в 2,5 раза, а со средним общим – в 5. В 1989 г. среди городских гагаузов на 1000 населения приходилось уже 45 человек с высшим образованием и 140 со средним специальным, а среди сельчан – соответственно 23 и 84 [3. Рассчитано автором].

Столь стремительные темпы образовательного и социального роста гагаузов, тем не менее, еще не смогли полностью устранить влияние их низких «стартовых» показателей, а, главное, слабость социально-экономических потребностей в высококвалифицированных кадрах в районах преимущественного проживания гагаузского населения. Соответственно не удалось окончательно демонтировать и различия с представителями других этнических групп республики по относительной массовости сферы умственного труда, особенно ее квалифицированных отрядов.

Особенностью формирования гагаузской интеллигенции оставался крен в сторону специалистов и руководителей среднего звена. В конце 1980-х гг. гагаузская молодежь, большинство которой вышло из села, стала активно поступать в профессионально-технические учебные заведения и техникумы. Величина же студенческих отрядов даже на закате XX в. не отличалась у гагаузов особой масштабностью, что помимо других факторов было, как и раньше связано с недостаточной развитостью образовательной системы в районах их преимущественного проживания. В итоге, если относительная численность среди гагаузов людей со средним специальным образованием в конце 1980-х гг. оказалась почти такой же, как у молдаван, то с высшим – вдвое ниже. Многие профессии умственного труда, требующие высшего образования, были заняты у гагаузов людьми, не имевшими такового. По данным переписи 1989 г. общая численность гагаузов с дипломами вузов была вдвое ниже численности людей, занятых на должностях, требующих высшего образования [3. Рассчитано автором].

Подобная особенность была свойственная не только гагаузам, но и другим народам бывшего Союза, вступивших на путь интенсивного социально-экономического развития сравнительно позже других, и соответствовала политике центрального руководства страны по форсированному формированию у них «национальных кадров», темпы которого опережали рост образовательной подготовки представителей этих этнических общностей.

Интерес к высшему образованию у гагаузской молодежи в основном, как и раньше, ограничивался педагогической ориентацией. Например, среди молодежи, принятой на 1-й курс высших учебных заведений республики в 1989 г., увеличение доли гагаузов за два предыдущих года произошло только в педагогических институтах. В других высших учебных заведениях относительная численность их молодежи понизилась. Ни в одном из вузов

(кроме Кишиневского государственного педагогического института) гагаузы в конце 1980-х гг. не были представлены в соответствии со своей долей в населении республики. Особенно низким присутствием гагаузов отличались студенческие аудитории Кишиневского государственного университета, Политехнического института, Института искусств [6, с. 423]. Для того, чтобы гагаузы смогли добиться более пропорционального представительства в составе всей республиканской интеллигенции, было необходимо повышение их доли среди студенчества в несколько раз.

Соответственно сохранялись и особенности профессионально-отраслевого состава гагаузской интеллигенции. Комплектование собственной интеллектуальной элиты продолжалось в основном за счет сельскохозяйственных и педагогических кадров. В конце 1980-х гг. на представителей, так называемых, массовых профессий (учителей, врачей, культурно-просветительных работников) у гагаузов приходилось более 60% всех занятых квалифицированным умственным трудом.

Расширение отрядов производственной интеллигенции обеспечивалось в основном ростом числа сельскохозяйственных специалистов, преимущественно со средним специальным образованием. По относительной численности этой категории работников гагаузы почти приблизились к молдаванам и болгарам. Постепенно увеличивалась у них, прежде всего, в городах, и группа инженерно-технических работников. Однако в этом отношении гагаузы еще заметно отставали от представителей других этнических общностей республики.

Малочисленность собственных кадров интеллигенции, их некоторая профессиональная «однобокость» весьма серьезно осложняли жизнь всего гагаузского населения республики. Не имея достаточного представительства в органах власти, в науке и информационных структурах, гагаузы не могли оказывать существенного влияния на проводимую в Молдавии и в «собственном» регионе проживания экономическую и социальную политику, в том числе связанную с развитием своей этнической культуры и языка. Их представительство среди всей республиканской интеллигенции оставалось непропорционально низким.

Тем не менее, в целом можно отметить, что в последние годы перед суверенизацией Молдавии и переходом республики на новый путь политического и социально-экономического развития позиции гагаузов существенно повысились. По некоторым социально-культурным параметрам они достигли уровня других этнических общностей региона, особенно в сфере квалифицированного физического труда. Заметные позитивные процессы произошли в городском гагаузском населении, в составе которого существенно расширилась группа массовой интеллигенции. Определенное отставание гагаузов от молдаван, украинцев, русских, болгар выглядело более или менее значимым лишь в сфере высококвалифицированного умственного труда технической направленности.

Трансформационные процессы, начавшиеся после распада Союза, внесли значительные коррективы в условия жизни граждан всех постсоветских стран. На адаптацию гагаузов к новым реалиям в социально-экономической сфере влияли как позитивные, так и негативные факторы, их сопровождали как успехи, так и неудачи. Важнейшими событиями, изменившими судьбу значительной части гагаузского населения, помимо таких общих явлений, как экономический кризис, принесший снижение уровня жизни и безработицу, и переход к рыночной экономике, давший возможность предприимчивым людям заметно повысить свои социально-экономические позиции, выступали и более специфические. Среди последних можно назвать, прежде всего, два, оказавших на социально-экономическую жизнь гагаузов весьма неоднозначное влияние. С одной стороны, новая этноязыковая и кадровая политика в Молдавии, утвердившаяся после ее суверенизации, болезненно затронула права и интересы этнических меньшинств, к каковым принадлежали и гагаузы. С другой стороны, образование на территории преимущественного проживания гагаузов автономии Гагауз-Ери (1994 г.) способствовало заметному расширению их социально-культурных возможностей и заметно стимулировало процесс развития гагаузской интеллигенции.

В постсоветской Молдове, особенно в первые годы после распада Союза, на фоне существенного повышения роли языка и культуры титульного народа и в условиях новой кадровой политики, направленной на вытеснение из престижных сфер деятельности русскоязычных работников, сам факт принадлежности к этническому меньшинству мог спровоцировать ряд нежелательных последствий, включая увольнения с работы, затруднения в социальном росте, в получении специальности и т. п. Гагаузы, в основной массе плохо знавшие молдавский язык, стали все острее ощущать свою ущемленность в сферах труда и образования. Однако в отличие от представителей других нетитульных национальностей негативное влияние на них новой этнополитической ситуации в республике сказалось менее болезненно. Основной удар в этом отношении приняли на себя русские, бывшие для молдаван главными конкурентами в социально-политической и культурной областях. Гагаузы не представляли подобной угрозы, в том числе и из-за своей малочисленности. Это обстоятельство стало одной из причин того, что в суверенной Молдове была рассмотрена возможность создания территориально-культурной автономии Гагауз-Ери. Появление автономии дало региону гораздо больше независимости в решении многих местных хозяйственных проблем. Расширение рядов и усиление роли местного управленческого аппарата, повышение внимания к модернизации производственных отраслей, совершенствованию бытового и культурного обслуживания местного населения и т. п. способствовали росту квалифицированных кадров в регионе и уровня участия в них гагаузов. Знаменательным событием стало открытие в 1991 г. Комратского государственного университета, преподавание в котором велось на русском

языке, в отличие от большинства высших учебных заведений остальной Молдовы, перешедших на молдавский. В этих событиях ведущую роль сыграли представители гагаузской интеллигенции – общественные деятели, политики, руководители производства, научные и творческие работники. В результате процесс формирования гагаузской интеллигенции вышел на более высокий уровень и стал более массовым.

В то же время на территории Гагаузии остро ощущались последствия экономического кризиса. Низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, тяжелое положение в самом сельском хозяйстве, в том числе снижение обеспеченности крестьянских хозяйств сельскохозяйственной техникой, удобрениями, качественным посевным материалом и т. п., реструктуризация промышленных предприятий, сокращение финансирования бюджетной сферы отрицательно отразились на гагаузском населении.

Переплетение позитивных и негативных тенденций в жизни гагаузов обусловило и весьма неоднозначные процессы развития их социальной структуры. Прежде всего, как и многие граждане республики, они оказались подхвачены волной трудовой миграции, к чему их вынуждало резкое ухудшение экономического положения и обострение этнополитической ситуации в Молдове [10, с. 121]. В период с 1989 по 2004 гг. (согласно материалам соответствующих переписей населения) доля занятого городского населения среди всех гагаузов сократилась в 2,2 раза, а сельчан – в 1,7. Более высокие темпы снижения численности горожан способствовали изменению соотношения между городскими и сельскими жителями (имеется в виду занятое население). То преимущество, которое имели гагаузы перед молдаванами в конце 1980-х гг., обгоняя последних по доле горожан, перестало быть значимым: этот показатель снизился у первых с 44 до 37%, вторых – с 37 до 34% [9. Рассчитано автором].

На фоне заметного уменьшения абсолютной численности всего занятого гагаузского населения, особенно городского, менялась его отраслевая и социально-профессиональная структура. Векторы трансформации отраслевого состава гагаузов в целом соответствовали общим тенденциям, характерным для республики в целом – сокращение относительной численности индустриальных кадров, возвращение части гагаузского населения к сельскохозяйственному труду, значительный рост сферы услуг, в том числе торговли и обслуживания, упадок так называемых «бюджетных отраслей» из-за снижения государственного финансирования и т. п.

Однако и в этих условиях наблюдалось дальнейшее развитие и укрепление отрядов гагаузской интеллигенции. Принципиально важно, что на фоне начавшегося в республике процессе деиндустриализации, у гагаузов не пропал интерес к индустриальным видам трудовой деятельности. Это происходило во многом за счет того, что на их территории, как уже отмечалось выше, были довольно широко распространены агропромышленные комплексы, многие из которых сумели выжить в сложное перестроечное время и даже приспособиться к рыночной системе хозяйствования. В ре-

зультате – более широкое привлечение гагаузов в состав производственной интеллигенции, в том числе инженерно-технических работников, что раньше для почти полностью сельскохозяйственного гагаузского населения казалось утопичным. Если по относительной численности технических специалистов высшей квалификации гагаузы еще существенно уступали не только русским и украинцам, но и молдаванам, то по доле техников со средним специальным образованием они уже достигли таких же показателей как у молдаван.

Степень участия гагаузов в тех или иных профессионально-отраслевых группах работников умственного труда начала заметно повышаться (табл. 2). Все более весомую роль они стали играть среди сельскохозяйственной интеллигенции, чего также не было в прошлом. Об этом достаточно красноречиво говорят следующие цифры: в 2004 г. (по данным соответствующей переписи населения) по относительной численности агрономов гагаузов смогли опередить только болгары, а молдаване отставали от них почти втрое (соответственно 35 человек на 10 000 занятого сельского населения у гагаузов против 13 человек у молдаван) [9. Рассчитано автором].

Весьма активно включились гагаузы в развитие обслуживающих отраслей, значительный рост которых был таким же индикатором нового времени, как и упадок индустрии. В городах в сферах обслуживания, торговли и жилищно-коммунального хозяйства трудилась пятая часть всего занятого гагаузского населения, что было выше, чем у других этнических общностей республики (молдаван, румын, украинцев, русских, болгар). Важно отметить, что гагаузы лидировали по относительной численности не только продавцов, но и руководителей малых предприятий в оптовой и розничной торговле. Этот последний показатель вдвое превышал соответствующую величину у молдаван.

Все более заметным стало присутствие гагаузов и во многих других «городских» видах деятельности, требующих квалифицированного умственного труда, в том числе получивших развитие в новое время и сравнительно высоко оплачиваемых. Например, в составе специалистов в области финансово-банковской системы, работников в сфере коммерческой деятельности и операций с недвижимостью и т. п. Однако здесь относительное лидерство все же оставалось за русскими и румынами. Достаточно востребованными оказались гагаузы в тех государственных учреждениях, в которых при приеме на работу гласно или негласно учитывался этнический фактор, т. е. предпочтение отдавалось представителям местных этнических общностей. Например, их участие выглядело сравнительно высоким в составе служащих полиции, таможенников, пограничников, государственных инспекторов, хотя, конечно, численно доминировали здесь молдаване и румыны.

Таблица 2*

Представительство гагаузов в ряде профессионально-отраслевых групп интеллигенции, 1989 г., 2004 г., индексы участия**

Профессионально-отраслевые группы	1989	2004
Руководители органов власти	29	70
Хозяйственные руководители	57	98
ИТР	56	72
Специалисты сельского хозяйства	118	177
Врачи	42	53
Учителя	61	90
Преподаватели вузов	24	40
Юридический персонал	65	75
Работники литературы и печати	31	54
Работники искусства	43	83

* Таблица составлена по материалам переписей населения 1989, 2004 гг.

** Индекс участия равен частному от деления доли гагаузов в составе соответствующей категории работников на долю гагаузов в занятом населении, умноженному на 100. При показателе равном 100 можно говорить о пропорциональном представительстве гагаузов в том или ином занятии. Значения показателя выше или ниже 100 свидетельствуют о соответственно повышенном или пониженном их представительстве в данной группе работников.

Гагаузы сумели укрепить свои позиции и в сфере образования, медицине, науке, культуре. Создание автономии помогло выживанию в Гагаузии, так называемой, бюджетной сферы, практически лишившейся государственного финансирования. Процесс сокращения ее работников, особенно резко обозначившийся у русских и украинцев, в том числе из-за этноязыкового фактора, у гагаузов, большинство которых сосредотачивалось в своем территориальном образовании, где проводилась особая этноязыковая политика, и где русский язык сохранил свою роль, был гораздо менее заметен.

Весьма выдающихся успехов за постперестроечное время сумели добиться гагаузы в развитии собственных педагогических кадров. В городах численность специалистов в области просвещения на 10000 занятого гагаузского населения выросла за период 1989 – 2004 гг. в 1,3 раза достигнув 300 человек, а в селе она увеличилась почти вдвое, до 400 человек. В середине первого десятилетия нового века гагаузы с полным правом могли гордиться своими педагогическими кадрами, в составе которых, помимо школьных учителей, было немало преподавателей высших и средних специальных учебных заведений [9. Рассчитано автором].

Существенных достижений достигли гагаузы на стезе научной деятельности. Научные кадры, потерянные в первые годы реформирования,

стали постепенно восстанавливаться, в том числе благодаря деятельности отдела гагаузоведения Института культурного наследия Академии Наук Молдовы, а также Комратского университета. На базе последнего с середины первого десятилетия 2000-х гг. практически ежегодно начали проводиться международные научные конференции и симпозиумы, вдохновителем и организатором которых стал доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, гагауз по национальности М.Н. Губогло. В московских академических институтах успешно защищены кандидатские диссертации новой плеяды гагаузских научных деятелей, в том числе П. Пашалы, Л. Квиленковой, Д. Никогло и других, рассматривающих в своих трудах важнейшие вопросы истории и культуры гагаузского народа.

Гагаузы практически догнали молдаван по доле специалистов здравоохранения, хотя абсолютная численность медицинского персонала уменьшилась как в целом по республике, так и у них. Расширились у гагаузов и отряды работников юриспруденции, литературы и искусства. Например, численность юридического персонала (специалистов и руководителей) в расчете на 10000 занятого городского населения выросла у них за годы между переписями 1989 и 2004 гг. с 19 до 89 человек, а работников сферы искусства – с 23 до 46 [9. Рассчитано автором].

Представители творческой интеллигенции приложили немало сил и энергии для укрепления этнического самосознания своего народа, дальнейшего развития и совершенствования его языка и культуры. Этому служили картины гагаузских художников, стихи и проза гагаузских писателей и поэтов, музыкальные произведения композиторов. Огромный вклад в изучение истории гагаузского народа, в пропаганду его культуры и достижений внесли гагаузские ученые, в особенности М.В. Маруневич, С.С. Курогло, Г.А. Гайдаржи, Д.Ф. Гагауз и др.

Расширению отрядов гагаузской интеллигенции во многом способствовало совершенствование социально-культурной инфраструктуры городов и сел Гагауз-Ери, в которых росло число школ, клубов, музеев, библиотек, медицинских и бытовых учреждений.

Принципиально важным процессом для гагаузского народа стал рост участия его представителей в органах власти, в когорте хозяйственных руководителей, в чем значимую роль сыграло образование гагаузской автономии. Правда после суверенизации Молдовы многие ведущие посты в сфере республиканского управления оказались заняты молдаванами и румынами, но среди других этнических меньшинств позиции гагаузов, в отличие от прежних времен, оказались далеко не худшими. Так, например, в 2004 г. на 10000 занятого населения у гагаузов приходилось 24 представителя органов публичной власти. У болгар этот показатель был равен 28, украинцев – 29, русских – 23, молдаван – 35 [9. Рассчитано автором].

Должности хозяйственных руководителей также стали более доступными для гагаузов, особенно во внесударственной сфере. Начавшиеся

рыночные реформы, формирование частного сектора стимулировали гагаузское население к занятию предпринимательской деятельностью. В начале 2000-х гг. негосударственные предприятия уже преобладали в республике. Причем общее число предприятий малого бизнеса в Гагаузии оказалось выше, чем в соседних районах Южного региона Молдовы. По мнению П.М. Пашалы, «причинами этого являются не только традиционная предприимчивость местного населения, но и определенная поддержка предпринимательства органами местного публичного управления» [7, с. 36].

Массовые опросы населения Молдовы в постсоветское время показали сравнительно высокую адаптивность гагаузского населения к рыночной системе хозяйствования. Например, согласно итогам исследования, проведенного в Молдове в 2007 г. сотрудниками Института культурного наследия Академии наук Молдовы и Института этнологии и антропологии РАН среди городского населения, в пользу предпринимательской модели трудового поведения (желание работать не по найму, а на себя) высказалось около 40% гагаузов, в то время как среди молдаван, русских, украинцев – лишь чуть более четверти. Почти 60% гагаузов в той или иной мере положительно оценили переход Молдовы к рыночной экономике, почти пятая их часть принимала участие в какой-либо предпринимательской деятельности и более 40% были готовы в нее включиться.

Хотя еще далеко не во всех занятиях, появившихся после начала в Молдове рыночных реформ, гагаузы были представлены достаточно широко, важно, что они проявили весьма высокую активность в деле развития частной сферы деятельности (табл. 3), в том числе в качестве предпринимателей и руководителей. По доле руководителей малых предприятий гагаузы в середине первого десятилетия нового века уступали только румынам, обгоняя молдаван, русских, украинцев, болгар.

Опираясь на свой производственный опыт, проявляя необходимую в условиях рыночной экономики инициативу и смекалку, готовность идти на риск, гагаузы сумели возглавить значительное число малых предприятий не только в сельском хозяйстве, но и в отраслях промышленности, строительства, транспорта и связи, что можно назвать принципиально важным явлением, учитывая традиционную сельскохозяйственную ориентацию. В расчете на 10000 занятого городского населения численность руководителей малых предприятий индустриального профиля у гагаузов по данным переписи 2004 г. составила 55 человек (против 42 человек у молдаван и 49 у русских). В сферах торговли и бытового обслуживания гагаузы достигли еще более ярких успехов – соответственно 205 человек руководителей против 152 у молдаван и 184 у русских. Не остались в стороне от этой тенденции и сельские гагаузы, среди которых относительная численность руководителей небольших сельскохозяйственных производств оказалось вдвое выше по сравнению с молдаванами, в полтора раза – по сравнению с украинцами и в 1,3 раза – с русскими и болгарам [9. Рассчитано автором].

Участие гагаузов в составе работников ряда новых профессионально-отраслевых групп, характерных для рыночной экономики, все население, 2004 г.

Профессионально-отраслевые группы	В расчете на 10000 занятого населения в целом по республике (чел.)	В расчете на 10000 занятого гагаузского населения (чел.)	Индексы участия
Руководители малых (частных) предприятий в области промышленности, строительства, транспорта, связи)	21	31	157
Руководители малых (частных) предприятий в области сельского хозяйства	16	30	191
Руководители малых (частных) предприятий в области торговли, обслуживания и прочей коммерческой деятельности	82	114	148
Специалисты по предпринимательской деятельности, в том числе в сфере финансовой деятельности	127	86	68
Дилеры, брокеры, агенты по недвижимости и т.п.	11	5	48

* Таблица составлена по материалам переписи населения Республики Молдова 2004 г. Расчет индексов см. в сноске к табл. 2.

Как видно, те негативные явления, которые в переходный период затронули все народы бывшего Союза – экономический кризис, снижение уровня жизни, рост безработицы, сказавшись и на жизни гагаузов, все же не смогли затормозить их поступательный социально-культурный рост, который, напротив, в новых условиях получил дополнительные импульсы и стал более интенсивным. На первый взгляд может показаться, что достижения гагаузов во многих сферах деятельности в условиях капитализма оказались значительнее, чем за все годы советской власти. Но нельзя забывать, что без той базы, которая была заложена в советские годы, успехи гагаузов и в новое время вряд ли бы выглядели столь внушительными. Это относилось и к переменам в их образовательном и социально-профессиональном составе (табл. 4).

Таблица 4*

**Динамика образовательного уровня гагаузов.
Изменение числа людей с высшим и средним специальным образованием
в расчете на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше (чел.)**

Годы	Город		Село	
	Высшее образование	Среднее специальное образование	Высшее образование	Среднее специальное образование
1959	1	7	0	5
1979	7	21	3	11
1989	45	140	23	84
2004	89	99	40	76

* Таблица составлена по материалам переписей населения 1959, 1979, 1989, 2004 гг.

К середине первого десятилетия нового века уже почти 20% горожан и 12% сельчан имели высшее и среднее специальное образование. Если в 1970–80-е гг. среди гагаузов несколько более масштабно шло формирование группы людей со средним специальным образованием, то в годы перестройки, напротив, темпы роста выпускников техникумов снизились, а численность гагаузов с дипломами вузов существенно возросла. После суверенизации Молдовы и образования автономии Гагауз-Ери гагаузы сумели существенно расширить свои международные связи, в том числе с Турцией. На территории Гагаузии появились турецкие колледжи и гимназии, гагаузская молодежь получила возможность обучаться в высших и средних специальных учебных заведениях, как Турции, так и ряда других зарубежных стран. Все это, наряду с открытием Комратского Университета, значительно повысило шансы гагаузской молодежи получить высшее образование, способствовало росту ориентаций юношей и девушек на профессии квалифицированного умственного труда, расширило диапазон выбираемых ими специальностей.

Соответственно и в городе, и в селе повысилась доля работников умственного труда, в том числе специалистов и руководителей. Правда, число гагаузов, имеющих высшее образование, и в 2004 г. оставалось несколько ниже численности среди них людей, занятых на должностях, требующих подобного уровня подготовки. Можно говорить о сохраняющейся экономической потребности дальнейшего совершенствования образовательного уровня гагаузов, важности процесса пополнения отрядов их интеллигенции высококвалифицированными кадрами. И этот процесс уже активизировался.

К 2004 г. по сравнению с 1989 доля работников умственного труда выросла в городском гагаузском населении в 1,8 раза, причем преимущественно за счет повышения доли специалистов и руководителей [9. Рас-

считано автором]. Этот период стал переломным в развитии социально-профессионального состава, т. к. в городах теперь уже именно специалисты и руководители стали самой крупной по величине социальной стратой, составив более трети занятого гагаузского населения. Второе место утвердилось за квалифицированными рабочими (33%). В селе успехи гагаузов в развитии сферы квалифицированного труда выглядели не менее значимыми. Здесь резко доминировали представители квалифицированных профессий физического труда (60%), а группа специалистов и руководителей поднялась на второе место (20%). Неквалифицированный физический труд, столь широко распространенный среди гагаузского населения в прошлом, полностью сдал свои позиции, причем не только в городе, но и в селе. Заметно выросло представительство гагаузов в составе всей республиканской интеллигенции, хотя еще и не достигло их доли в занятом населении республики.

Благодаря быстрым темпам социально-культурного роста гагаузов в постсоветские годы, стали заметнее сокращаться различия в их отраслевом, социально-профессиональном составе и представителей других этнических групп республики. В то же время в городах гагаузы еще продолжали несколько отставать от молдаван, румын, русских, украинцев, болгар по ряду социально-экономических и культурных показателей (образовательному уровню, доле работников умственного труда, в том числе квалифицированного, занятости в отраслях науки, культуры, искусства, по относительной численности ИТР и т. п.).

Сельские же гагаузы в своем социально-культурном росте не только не уступали сельчанам других национальностей, но и нередко опережали их. По доле работников умственных профессий гагаузы, живущие в сельской местности, опередили не только молдаван, но и украинцев. А по относительной численности руководителей и специалистов средней квалификации – русских. По сравнению с представителями всех этнических групп (кроме румын), у сельских гагаузов была самая низкая доля работников мало- и неквалифицированного физического труда.

Подобные особенности социально-профессионального состава сельских гагаузов в известной степени были связаны с более массовой миграцией из села молдавской, русской и украинской молодежи, занятой квалифицированными профессиями.

В целом можно сказать, что на примере гагаузов можно увидеть, как за сравнительно короткий (в исторических масштабах) срок произошла радикальная перестройка социально-профессионального и отраслевого состава народа. Занятые еще в середине прошлого века преимущественно тяжелыми физическими работами в сельском хозяйстве, гагаузы стали людьми, владеющими широким диапазоном профессий и занятий в самых разных отраслях экономики, имеющими в своих рядах высококвалифицированных специалистов и руководителей производства, предпринимателей, преподавателей, ученых, правоведов, поэтов, художников, журнали-

стов и т. п. При этом важно отметить такую черту, присущую большинству гагаузской интеллигенции, как любовь к своей земле, своему краю и глубокое уважение к традиционному занятию своих предков – выращиванию сельскохозяйственной продукции, без которой немислима жизнь даже самых «образованных» и «социально продвинутых» народов.

Современная гагаузская элита в своем большинстве сохраняет тесную связь со своим народом, хранит преданность родному Буджаку и земле, давшей хлеб и приют многим поколениям гагаузов. Эти чувства не раз воспевал в своих стихах известный гагаузский поэт и этнограф С.С. Курогло. Вот строки из его стихотворения «Земля».

Мой прадед, воин и кочевник,
На миг оставивши седло,
Встал пред тобою на колени,
Поцеловал твое чело.
Мой дед, рассвета и заката
Нерасторжимо-кровный брат,
В обнимку жил с тобой когда-то
В обнимку умер, как солдат.
Отец в суровую годину
Под сердцем горсть земли носил,
Та горсть в огне хранила сына
И сыну придавала сил.
Земля, ты талисман, ты гений,
Ты – мать, перед которой встал
Я, убеленный, на колени
И в сотый раз поцеловал [4, с. 121].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгар С.С. Гагаузские судьбы. Кишинев, 2003. 192 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Молдавская ССР. РГАЭ. Фонд 1562, опись 336, ед.хр. 1944.
3. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Молдавская ССР. РГАЭ. Фонд 1562, опись 336, ед. хр.7455.
4. Куроглу С. Родословное дерево. Кишинев. 1988. 165 с.
5. Мошков В. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 1–89.
6. Остапенко Л.В. Особенности отраслевой и социально-профессиональной структуры // Гагаузы / Отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. М.: Наука. 2011. С. 413–436.
7. Пашалы П.М. Панорама социально-экономического развития Гагаузии в первом постсоветском десятилетии // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2006. С. 15–36.

Остапенко Л.В. Особенности формирования и развития гагаузской интеллигенции (конец XIX – начало XXI вв.)

8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.3. Бессарабская губерния. СПб., 1905.
9. Перепись населения Республики Молдова 2004 г. ЦСУ РМ. Текущий архив.
10. Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М.: «Интер-Принт», 2007. 280 с.

Сведения об авторе: Остапенко Любовь Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991, Ленинский проспект, 32А, Москва, Российская Федерация); lost_82@bk.ru

SPECIAL ASPECTS OF THE GAGAUZ INTELLIGENTSIA FORMATION AND DEVELOPMENT (LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURY)

L. V. Ostapenko

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
lost_82@bk.ru*

The intelligentsia plays an important role in the socio-cultural development of the nation. The features of its formation, scales and members are determined by a great number of different conditions and factors, as well as significantly vary in the ethno-regional perspective. The Gagauzes are representatives of the Turko-Tatar group of people living in the territory of Moldova, which for a long time have been in unfavourable conditions for educational and social growth. Formation of the Gagauz intelligentsia was rather complicated and ambiguous. The most important features of this process can be called low "starting positions" and slow formation and development rates for this social group both in the pre-Soviet period and during the first decades after the entry of Moldova into the USSR. For a long period of time, the Gagauz intelligentsia to some extent remained a lower part in comparison with representatives of other main nationalities of the republic. Its professional industry-specific structure was characterized by narrowness, so as the educational level was also low. Only toward the end of the 1980s, the growth rates of the Gagauz intelligentsia began to increase, and its composition expanded. However, the general success came to the Gagauzes in the post-Soviet period, particularly thanks to the creation of the Gagauz-Yeri autonomy and the formation of the Comrat State University. This example shows us a radical socio-professional and industrial restructuring in a comparatively short (according to the historical scale) period of time, and its representatives not only took worthy positions in the entire Republican elite but also made a significant contribution to strengthening ethnic self-awareness of the Gagauzes, as well as the development of their language and culture.

Keywords: the Gagauzes, intelligentsia, social and professional composition, professional orientations, level of education, ethnic self-awareness

For citation: Ostapenko L.V. Special Aspects of the Gagauz Intelligentsia Formation and Development (Late 19th – Early 21st Century). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 90–112. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.90-112

REFERENCES

1. Bulgar S.S. *Gagauzskie sud'by* [Fortunes of the Gagauze People]. Kishinev, 2003. 192 p. (In Russian)
2. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1959 g.* [All-union Population Census 1959]. The Moldavian SSR. Russian State Archive of the Economy. Fund 1562, inventory 336, file 1944. (In Russian)
3. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 g.* [All-union Population Census 1989]. The Moldavian SSR. Russian State Archive of the Economy. Fund 1562, inventory 336, file 7455. (In Russian)
4. Kuroglu S. *Rodoslovnoe derevo* [Family Tree]. Kishinev, 1988. 165 p. (In Russian)
5. Moshkov V. Gagauzy Benderskogo uezda [The Gagauz of the Bendery Uyezd]. *Etnograficheskoe obozrenie – The Ethnographic Essays*, 1900, no. 1, pp. 1–89. (In Russian)
6. Ostapenko L.V. Osobennosti otraslevoj i social'no-professional'noj struktury [Features the Industrial and Socio-professional Structure]. *Gagauzy* [The Gagauzes]. Editor in chief M.N. Guboglo, E.N. Kvilinkova. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 413–436. (In Russian)
7. Pashaly P.M. *Panorama social'no-jekonomicheskogo razvitija Gagauzii v pervom postsovetском desjatiletii* [Panorama of Socio-economic Development of Gagauzia in the First Post-Soviet Decade]. *Gastarbajterstvo. Faktory vytalkivanija i pritjazhenija* [Gastarbeiter. Factors of Ejection and Attraction]. Editor in chief M.N. Guboglo. Moscow, 2006, pp. 15–36. (In Russian)
8. *Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. T.3. Bessarabskaja gubernija* [The First Russian Imperial Census of 1897. T.3. Bessarabia Gubernia]. St. Petersburg, 1905. (In Russian)
9. *Perepis' naselenija Respubliki Moldova 2004 g.* [Population Census in the Republic of Moldova 2004]. CSO RM. Current archive. (In Russian)
10. Subbotina I.A. *Gagauzy: rasselenie, migracija, adaptacija* [The Gagauzes: Settlement, Migration, Adaptation]. Moscow, Inter-Print Publ., 2007. 280 p. (In Russian)

About the author: Lyubov V. Ostapenko is a Candidate of Science (History), Senior Researcher, N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32A, Leninsky prospect, Moscow 119991, Russian Federation); lost_82@bk.ru

**МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО
ПОСТСОВЕТСКОГО ТАТАРСТАНА:
МЕЖДУ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ
САМОБЫТНОСТЬЮ И ИСЛАМОМ**

Д.Г. Мирзаханов

*Дагестанский государственный технический университет
Махачкала, Российская Федерация
mirzakhanov1962@mail.ru*

В статье анализируется соотношение мусульманского и этнического компонентов в формировании постсоветской татарской идентичности и татарстанской региональной мусульманской общины. На шкале идентификационных признаков для татарской элиты и уммы на первом месте стоят принципы татаризма-тюркизма, в отношении которых ислам занимает второстепенный характер. Политическая элита Татарстана осуществила этнолингвистическую консолидацию ислама как части татарстанской локальной идентичности в переходном контексте. Показана дискуссия, в рамках которой рассматриваются различные позиции, выработанные в отношении этой проблемы.

Ключевые слова: ислам в Татарстане, татарский язык и культура, этнолингвистическая «национализация» ислама

Для цитирования: Мирзаханов Д.Г. Мусульманское сообщество постсоветского Татарстана: между этнонациональной самобытностью и исламом // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 113–118. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.113-118

Известный мусульманский публицист Абдулла-Ринат Мухаметов в своё время сделал в Казани весьма интересное наблюдение: «Ислам в Татарстане... очень татарский и татарстанский. Мусульманская жизнь замкнута на себя, на свои проблемы и вопросы, на татарский язык и культуру» [9].

О том, что у татарских мусульман слабо выражена исламская солидарность на фоне гораздо более сильно развитой этнической идентичности, писали многие специалисты. Как отметил известный мусульманский деятель, председатель Исламского Комитета России Гейдарь Джемаль, татарские мусульмане не считают себя частью мировой уммы, ислам переживается ими как аспект «некоего этносолидарного плана» [3, с. 199]. По мнению ректора Казанского Исламского университета Р. Мухаметшина, Духовное управление мусульман Татарстана, «хотя и было самостоятельной организацией, развивалось как одна из фракций национального движения» [10, с. 250–251]. Даже шаги по примирению таких соперничающих общероссийских мусульманских структур Центрального Духов-

ного Управления Мусульман России (ЦДУМР) под руководством Талгата Таджудина и Совета Муфтиев России (СМР) под руководством Равиля Гайнутдина, были предприняты исполнительным комитетом Всемирного конгресса татар. Символическое примирение состоялось в июне 2005 г. во время торжеств на открытии знаменитой Казанской мечети Кул Шариф [11, с. 67–68]. Наконец, многие татарские светские и религиозные лидеры выступили против «арабизмов», отстаивая ключевую роль татарского языка как языка мусульманских проповедей. Точнее всех по этому поводу высказался директор Института истории АН РТ им. Ш. Марджани Р. Хакимов, который заявил о том, что в XXI веке окончательно завершится процесс «лингвистической национализации ислама» [13, с. 20, 21].

Данная тема вызвала острые дискуссии среди татарских политических и религиозных деятелей. Мы не будем описывать указанную полемику в деталях, отметим лишь основные направления этой дискуссии. Идея создания этнически окрашенной религиозной традиции подверглась резкой критике со стороны таких известных мусульманских политиков, как председатель общероссийского общественного движения «Российское исламское наследие» Шавкат Авясов и председатель ДУМ Саратовской области Мукаддас Бибарсов. В частности, М.Бибарсов высказал свои сомнения по поводу справедливости суждений некоторых представителей татарской интеллигенции о том, что для татар на первом месте – нация, а потом – религия. При этом он подчеркнул, что татары сохранились как этнос только благодаря исламу [2]. Аналогичным образом Ш. Авясов выступил против решения Совета улемов Татарстана о необходимости чтения проповедей в мечетях республики на татарском языке [1], за что подвергся повышенному вниманию со стороны сторонников «татаризации», или «булгаризации» ислама [8].

Тема лингвистической национализации ислама получила острое продолжение в последующие годы. Призывы объединить татарских религиозных деятелей под национальными лозунгами и надежды на то, что «мечети помогут восстановить татарский язык», прозвучали в июне 2011 г. на II-м Всероссийском форуме татарских религиозных лидеров из уст председателя исполкома Всемирного конгресса татар Р. Закирова [4].

Новым этапом в обсуждении данной проблемы стал 2017 год. Мусульманское духовенство Татарстана активно включилось в политико-лингвистическую дискуссию. Толчком стало заявление В.В. Путина в июле 2017 г. (сделанное в ответ на обращение группы родителей учеников об обязательном преподавании второго государственного языка) о том, что обучение родному языку – право, а не обязанность. Сразу после этого, уже в августе, состоялся VI-й Всемирный конгресс татар, который принял обращение к президенту Путину с просьбой разрешить сдачу ЕГЭ на татарском языке. Важную роль в лоббировании второго государственного языка (в данном случае – татарского) играет исламское сообщество республики. 23 октября 2017 г. муфтий республики и председатель ДУМ РТ Камиль

Самигуллин обнаружил видеобращение к жителям Татарстана. В нём он говорил о том, что ДУМ РФ должен встать на защиту родного языка. «Сегодня татарский язык, попав в жернова общественного невежества и небрежности, вновь нуждается в нашей защите, – отметил муфтий. – Одним из самых действенных и оправданных средств на пути к этой цели мне видится ислам» [7].

В среде татарской правящей верхушки инициативу муфтия поддержали. Причин, думается, две. Первая: пятничные намазы на татарском языке могут стать последним шансом для Казанского Кремля вернуть татарский язык в татарскую же среду, используя модные сегодня религиозные настроения в обществе. Вторая: такой шаг видится для татарстанской элиты приемлемым компромиссом, помогающим избежать конфликта. В самом деле, поддерживать родной язык с помощью исламских проповедей намного безопаснее и выгоднее, чем вступать в спор с федеральным центром и, тем самым, увеличивать политические риски.

Строительство локальной модели татарского ислама в лице историко-музейного комплекса «Болгары», можно рассматривать как продолжение победившей тенденции по национализации регионального мусульманского сообщества. Проблеме возрождения Болгарского комплекса был придан характер важной государственной программы [5]. Из мусульманских торжеств, организуемых в этом комплексе, стоит в первую очередь отметить годовщину принятия ислама волжскими булгарами в 922 г., кульминацией которого является коллективный намаз в восстановленной Соборной мечети. Однако празднование национальных татарских праздников и международных мероприятий занимает не менее важное место. Из мусульманских институтов здесь организуются регулярные международные конференции "Болгарские чтения". Создана Болгарская исламская Академия, которая должна готовить, как это было заявлено на «Болгарских чтениях – 2018», не только муфтиев, имамов, но и татарскую интеллигенцию «на собственной национальной базе, на основе нашего традиционного ислама» [12].

Завершая эту короткую дискуссию, необходимо отметить следующее. Во многих случаях у ислама локальный, а не глобальный или универсальный облик [6, с. 147–162]. Мусульманство имеет региональную специфику и местную привязку. Ислам в Татарстане по своему содержанию и организации во многом был продуман консолидированной республиканской политической элитой как часть татарской идентичности. Результатом такой политики стала также этнолингвистическая национализация ислама. Это объясняется не только тем, что с начала 1990-х гг. мусульманский фактор начал активно использоваться как фактор политической борьбы различными элитными группами и националистическими организациями, но и тем, что для татарстанского исламского сообщества характерно понимание «мусульманства» не только как конфессии, но и как принадлежности к культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авясов Ш. Проповедь исключительно на татарском языке в многонациональной умме неприемлема // Ансар. Информационно-аналитический канал. 2010. 26 октября. URL: www.ansar.ru/person/proroved-isklyuchitelno-na-tatarskom-yazyke-v-mnogonacionalnoj-umme-nepriemlema-2 (дата обращения – 12.12.2017).
2. Бибарсов М.: «Ислам без татар сможет прожить, а татары без ислама не смогут» // Инфо-Ислам. 2009. 28 декабря. URL: <http://www.info-islam.ru> (дата обращения – 19.01.2015).
3. Джемаль Г. Освобождение Ислама. М.: Умма, 2004. 413 с.
4. Зайтов Р. Участники форума в Казани чуть не выбрали единого муфтия России. URL: www.ansar.ru/analytics/uchastniki-foruma-v-kazani-chut-ne-vybrali-edinogo-muftiya-rossii (дата обращения – 08.09.2017).
5. Историко-культурные комплексы Республики Татарстан // Республика Татарстан. Архив официального сервера 1997–2011 гг. URL: http://1997-2011.tatarstan.ru/index.php@node_id=198.html (дата обращения – 30.01.2018).
6. Магомедов А.К., Викторин В.В. Каспийско-предкавказский пограничный ислам: социально-религиозное «обновление» на периферии мусульманского мира // Центральная Азия и Кавказ. Лулео: CA&CC Press, 2005. № 5. с. 147–162.
7. Мельников А. Имамы дают волю татарскому языку // Независимая газета. 2017. 15 ноября. URL: http://www.ng.ru/facts/2017-11-15/10_432_imams.html (дата обращения – 12.11.2017).
8. Мухаметзянов И. Татарская мечеть // Исламский портал. 2010. 27 октября URL: www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1177/ (дата обращения – 12.12.2017).
9. Мухаметов А. Р. Казань мусульманская. Путевые заметки // Инфо-Ислам. Общероссийское информационное агентство мусульман. 2010. 8 июня URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/obzory/kazan_musulmanskaja_putevye_zametki/6-1-0-10469 (дата обращения – 20.01.2016).
10. Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в 20 веке. Казань, 2005. 258 с.
11. Мухарямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? / Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. М.: РОССПЭН, 2007. С. 13–70.
12. На Болгарские чтения съехались ученые и богословы со всей России и из-за рубежа. 13 февраля 2018 г. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_19642.html (дата обращения – 31.01.2018).
13. Хакимов Р. Где наша Мекка? (Манифест Евроислама). Казань: Магариф, 2003. 63 с.

Сведения об авторе: Мирзаханов Джабраил Гасанович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета (367015, д. 70А, проспект Имама Шамиля, Махачкала, Российская Федерация); mirzakhanov1962@mail.ru

Мирзаханов Д.Г. Мусульманское сообщество постсоветского Татарстана:
между этнонациональной самобытностью и исламом

**MUSLIM COMMUNITY OF POST-SOVIET TATARSTAN:
BETWEEN ETHNIC-NATIONAL IDENTITY AND ISLAM**

D.G. Mirzakhonov

*Dagestan State Technical University
Makhachkala, Russian Federation
mirzakhonov1962@mail.ru*

This paper analyzes the ratio of Muslim and ethnic components in forming post-Soviet Tatars' identity as well as Tatar regional Muslim community. On the scale of identification signs for the Tatar elite and the ummah the principles of Tatarism-Turkism are in first place, while Islam is of secondary importance in respect to that. The political elite of Tatarstan consolidated of Islam in terms of ethnolinguistic as a part of Tatar local identity in transition. A discussion, which examines the various positions that have been developed in regard to the considered problem, is revealed in the paper.

Keywords: Islam in Tatarstan, Tatar language and culture, ethno-linguistic “nationalization” of Islam

For citation: Mirzakhonov D.G. Muslim Community of Post-Soviet Tatarstan: Between Ethnic-National Identity and Islam. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 113–118. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.113-118

REFERENCES

1. Avyzsov Sh. *Propoved iskliuchitelno na tatarskom yazyke v mnogonacionalnoi umme nepriemlema* [Preaching exclusively in Tatar in a multinational Ummah is unacceptable] Ansar. Information-Analytical Channel. 2010. 26 October, (in Russian) Available at: www.ansar.ru/person/propoved-isklyuchitelno-na-tatarskom-yazyke-v-mnogonacionalnoj-umme-nepriemlema-2 (accessed 12.12.2017).
2. Bibarsov M.: “*Islam bez tatar smozhet prozhit, a tatory bez islama ne smogut*” [Islam without Tatars can live, and the Tatars without Islam can not]. Info-Islam. 2009. 28 December. (in Russian). Available at: <http://www.info-islam.ru> (accessed 19.01.2015).
3. Dzhemal G. *Osvobozhdenie Islama* [Liberation of Islam]. Moscow, Ummah Publ., 2004. 413 p. (in Russian)
4. Zaitov R. *Uchastniki foruma v Kazani chut ne vybrali edinogo muftia Rossii* [Participants of the forum in Kazan almost did not choose a single mufti of Russia]. (in Russian). Available at: www.ansar.ru/analytics/uchastniki-foruma-v-kazani-chut-ne-vybrali-edinogo-muftiya-rossii (accessed 08.09.2017).
5. Istoriko-kulturnye komplekсы Pespubliky Tatarstan [Historical and Cultural Complexes of the Republic of Tatarstan]. Respublika Tatarstan. Arkhiv oficialnogo servera 1997–2011 gg. (in Russian) Available at: http://1997-2011.tatarstan.ru/index.php@node_id=198.html (accessed 30.01.2018).
6. Magomedov A.K., Viktorin V.V. *Kaspiisko-predkavkazskii pogranychnyi islam: socialno-religioznoe "obnovlenie" na periferii musulmanskogo mira* [Islam in the Caspian and the Caucasian Foothills Borderland: Social and Religious Revival on the Fringes of the Muslim World] Central Asia and the Caucasus. Luleo: CA&CC Press, 2005, no. 5, pp. 147–162. (in Russian)

7. Melnikov A. *Imamy daut voliu tatarskomu yazyku* [Imams give freedom to the Tatar language] *Nezavisimaya gazeta*. 2017. 15 November. (in Russian) Available at: http://www.ng.ru/facts/2017-11-15/10_432_imams.html (accessed 12.11.2017).

8. Mukhametzyanov I. *Tamarskaya mechet* [Tatar Mosque] Islamic portal. 2010. 27 October (in Russian) Available at: www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1177/ (accessed 12.12.2017).

9. Mukhametov A. R. *Kazan musulmanskaya. Putevye zametki* [Kazan is a Muslim City. Travel Notes] Info-Islam. Russian Muslim information agency. 2010. 8 June. (in Russian) Available at: http://www.info-islam.ru/publ/stati/obzory/kazan_musulmanskaja_putevye_zametki/6-1-0-10469 (accessed 20.01.2016).

10. Mukhametshin R. *Islam v obshestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v 20 veke* [Islam in the Social and Political Life of Tatars and Tatarstan in the 20th Century]. Kazan, 2005, 258 p. (in Russian)

11. Mukharamov N. Islam v Povolzhi: politicizatsiya nesostoyavshayasya ili otlozhennaya? [Islam in the Volga Region: Politicization failed or postponed?]. *Islam from Caspian to Ural: Macro-regional Approach. Collection of papers*. Ed. by K. Matsuzato. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 13–70. (in Russian)

12. Na Bolgarskie chtenia s'ekhalis uchenye i bogodlovy so vsei Rossii i iz-za rubezha [Scientists and theologians from all over Russia and abroad gather at Bulgarian readings]. (in Russian) Available at: http://dumrt.ru/ru/news/news_19642.html (accessed 31.01.2018).

13. Khakimov R. *Gde nasha Mekka?* [Where is Our Mecca? Manifest of Euroislam]. Kazan, Magarif Publ., 2003. 63 p. (in Russian)

About the author: Djabrail G. Mirzakhanov is a Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Dagestan State Technical University (70A, Imam Shamil Avenue, Makhachkala 367015, Russian Federation); mirzakhanov1962@mail.ru

IMAGE OF AN OFFICIAL IN A COSMOS OF TATARS
AT THE CUSP BETWEEN 19TH – 20TH CENTURIES

L.R. Gabdrafikova

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

On the basis of folklore, archival and memoir sources, the author analyzes the day-to-day perception of officials within in the Tatar society in late 19th – early 20th centuries. The paper reveals information about the number of officials from the Tatars, the specifics of the Tatar nobility formation in different regions of the Russian Empire. Moreover, the article examines the visual appearance of Tatar clerical workers, and the nature of interaction between officials and Tatar merchants. Tatar folklore has an interesting image, which is called “kushtan,” a special social and psychological type, a person who is close to the circle of officials. A relationship of such informal manner between officials and ordinary people was common in the early 20th century, when the political police persecuted Tatar clergy pan-Islamists. The practice of denunciation created a myth about the pan-Islamic threat. According to the author’s opinion, the Muslim Tatars’ views on Tatar officials changed considerably during the 19th century passed through different stages. It is indicated that officials were not divided into “insiders” and “outsiders”; the society assessed moral qualities of a public authority representative, despite his ethnic or religious affiliation. The topic has been chosen due to the fact that the given problem is utterly unexplored in research so far.

Keywords: Tatar society, Muslims, Tatar nobles, officials, mullah, daily routine, folklore

For citation: Gabdrafikova L.R. Image of an Official in a Cosmos of Tatars at the Cusp between 19th – 20th Centuries. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 119–125. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.119-125

The objective of our research is to show the place of a representative of power in the microcosm of a typical Tatar who lived in the 19th and early 20th centuries. In other words, it is the period previous to the year of 1917. We had to investigate what he used to think about officials, how he evaluated them, etc. In the foreign non-fiction a system of thinking of a particular person, a complex of thoughts and emotions is called a microcosm or cosmos. For instance, “The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth Century Miller” by Carlo

Ginzburg. In the Russian non-fiction it is referred to as a “world view” (“kartina mira”). In any case, we want to present the general image of an official in the microcosm of a pre-Soviet Tatar.

When the system of management of the Russian Empire became more complicated, Muslim Tatars met with representatives of different government services – law enforcement, court, municipal, tax, control bodies, etc. more often. For example, a lot of borrowed Russian words which appeared in the Tatar language during the imperial period are related to the state service: “ispraunik” (ispravnik), “sutnik” (sotnik), “käsälär” (kanceljarija), “zimlämir” (zemlemer), “ürätnik” (urjadnik), “zhalunğä” (zhalovan'e), “prstav” et al. [1, p. 34, 47–48].

Tatar fairy tales usually began with the following words: “Once upon a time, when saeskan (a magpie) was a sotnik, urdeq (a duck) served as a urjadnik”. That way a reflection of an official person began to emerge in the cosmos of Tatars. This happened gradually, an official person was supposed to have certain moral qualities, a lifestyle, a get-up dress and other attributes that characterized his association to an authority and a wealth. Tatar folklore (proverbs, humorous stories, beyits – folk songs), memoirs contain an opinion of an ordinary person about an official person, their common view on functionaries.

In the Tatar language, functionaries of all ranks are called *türä* (read as *ture*). It is interesting that this word is similar to the word *tür*, which means the most honoured place in the room where respected guests were invited. So, in people's minds, to be a functionary means to have a certain privilege that presupposes honour and respect. At the same time, there were other meanings but negative ones. For example, an adverb *türälärchä* means ‘as functionaries’, or, more precisely, arrogantly, haughty [14, p. 499].

There were not many Tatars among functionaries in the Russian state service due to the historic conditions. Muslims declaired themselves in the military service. Representatives of the regional elite, which consisted of Tatars and Bashkirs, who were heads of cantons of Orenburg Governorate, joined the Russian officialdom from the first half of the 19th century. Although the canton system in Bashkiria was liquidized in the 1860s, children of some chiefs managed to adapt to the new conditions and continued bureaucratic traditions of their families (the Sultanovs, Syrtlanovs, Tevkelevs, etc.) [11, p. 142–143]. There was not any similar tradition of training national functionaries in other governorates. This is why the Tatars joined the environment of functionaries and nobilities without special privileges. For many people, military service was a start. Some of them moved up the bureaucratic hierarchy and all in all got the title of nobility thanks to the knowledge of languages serving as civil translators. For example, Ibragim Hal'fin became a nobleman in 1830, before this time he worked as a teacher of the Tatar language at the Kazan Gymnasium, then at the Kazan University [3, p. 585].

The number Muslim nobles and functionaries in the Russian Empire reached about 70,000 people by the end of the 19th century. According to the

data of 1897, 172 workers of the administration, court and police of Kazan were Tatar. Tatar functionaries numbered 1,683 people in total. So, the Tatars accounted for 10,2% in the bodies of the administration [2, p. 56, 65, 67, 70].

A small Tatar officialdom mainly belonged to the nobility. For instance, such noble surnames as the Alkins, Tevkelevs, Teregulovs, Yenikeyevs, Dashkins, Syrtlanovs and others were remarkable due to their merits in this path of life. So, Murza Shagi-Akhmed Alkin was the deputy chief of the Kazan Police Administration from 1839 to 1858. As religious figure Shigabutdin Marjani said, “He performed his work fairly, controlled everything himself,” “he was laborious and diligent, kept all people of Kazan on a leash”. Here note that the situation in the streets of Kazan in the middle of the 19th century was restless, there used to be many hooligans. “The police situation and the city economy in Kazan were in terrible desolation back then. In the evenings, it was dangerous for us to walk. In addition to cab drivers and professional crooks, law enforcement officials themselves participated in looting and violence,” that is how Moscow industrialist Konstantin Krestovnikov remembered those times [10, p. 88]. He opened a factory in Kazan in the middle of the 19th century. Of course, the famous business person wrote mostly about the Admiralty Sloboda, where his industrial establishments functioned.

Shagi-Akhmed Alkin served in Staro-Tatarskaya Sloboda (the Old Tatar Settlement). It is known that despite his official duties, police officer Alkin never forgot to pray every day and regularly visited the mosque. There were no serious conflicts between him and the people of the Muslim district [4, p. 80].

The representatives of noble and bureaucratic families differed from the bulk of the Tatar population. Even their names were written after the fashion of the Russians in some official documents though not all people were baptized. For instance, Shagi-Akhmet Mukhametovich Alkin was stated as Aleksey Mikhailovich Alkin [3, p. 51].

The nobility frequently contacted the Russian population because of their professional duties, copied their lifestyle, rules of behavior, appearance. As professor Karl Fuchs said, the Tatars who is official persons have long hair and dress in European style, but they attend the mosque like Muslims, they dress up in their national clothes and a turban [16, p. 137]. Herewith note that Muslim Tatars were supposed to shave their heads, long hair was not acceptable for the Traditional Muslim society.

The usual city population used to wear traditional clothing. Tatar nobles, especially employees at state institutions, used to wear an official outfit at work, they were forced to faster adopt European fashion. A local historian from Ufa M. Somov wrote in the mid-1860s that, “Muslim functionaries and serving people wore a Russian dress; but often off duty they wore a complete Tatar costume that consisted of a kaftan of Tatar cut or a gown, a fur hat or a white wide-brimmed hat; they rarely wore a turban. Their wives used to put on a complete Tatar or a half-Tatar dress” [7]. The lifestyle of officials was imposed by the estate-corporate rules of conduct. As another observer A. Rittikh noted, while

that Kazan Tatar women visited theatres with their husbands, they sat in the boxes “behind their husbands” and “were veiled”. “They also can be seen at festive gatherings and official balls”, the ethnographer noted [8, p. 17]. However, most of Tatars at that time visited the theater, which was considered a deviation from social norms.

Representatives of the merchant class got acquainted with the European culture a but later than the nobility and servants: but, despite a relatively traditional appearance and lifestyle, the entrepreneurs actively supported cooperation with functionaries. “Rich Tatar merchants invite, or, better to say, often have to invite the governor and other main functionaries to have a cup of tea”, Karl Fuchs reported in the first half of the 19th century. “It happens at midday. Upon having had a cup of tea, the merchants treat their guests offering different fruit, the best caviar and different kinds of fish are serve after that. Champagne was pouring but the hosts don't drink it. Many small functionaries use the Tatars' hospitality and may be a burden for them” [16, p. 143]. This tradition was preserved in the following time. According to a Tatar saying, “The place of a functionary is the most honoured, together with the rich” (Тырәнеñ урны түрдä, байлар белән бергä) [12, p. 192]. Another author Edward Turnerelli wrote that at the request of the Kazan governor, merchant Iskhak Apakov entertained an English delegation in his house. Foreigners wanted to get familiarized more closely with Muslim life [15, p. 595–597].

In the 19th century Tatar merchants of Kazan participated in the work of municipal authorities. The Kazan Tatar City Hall had been operating until 1855. In late 19th – early 20th century in the Kazan City Duma was a Muslim faction. Thus, Tatar entrepreneur deputies often contacted the representatives of the city and provincial administration in late 19th century. For example, Kazan officials celebrated the “luxury apartment” of the merchant Badretdin Apanaev in 1910. He hosted guests – the Kazan governor and the Kazan mayor, as well as the ex- vizier of Ottoman sultan – Hilmi Pasha [5, p. 23].

At the beginning of the 20th century, the collaboration of the army of the officialdom and the Tatar community was closely connected with a phantom menace of Pan-Islamism. For this reason, social changes took place in the Tatar world: the authority had a hypersensitivity to the reformation of educational institutions, appearance of national press and public associations. The incomprehension of modernization changes was conditioned by the interior spy mania policy, which was actively supported by the conservative strata of the Tatar community. Mullahs often used to play this role.

During this period, a word *functionary* in the Tatar language was often associated with the word *kushtan* (a person who pleases functionaries and unofficially was close to the authority). *Kushtan* was quite a distasteful word and was used only in a negative connotation. There are a number of sayings dedicated to the functionaries and their yes-men. Insincerity and flattery of the latter were stressed; functionaries treated them with disdain but they were dependent on *kushtans* [13, p. 266]. Cadimist Mullahs used their contacts to fight against li-

beral Jadids and used such methods as a tip-off, that is why there were many so-called kushtans among them. Famous scholar Ishmukhamet Dinmukhamov's behaviour is a good example [9, p. 152]. On the one hand, he forbade ordinary Muslim parishioners to learn the Russian language, to get secular education and propagandized a closed lifestyle, on the other hand, he was one of the most stalwart kushtans of the Russian officialdom.

After all, representatives of almost all strata started to closely contact the functionaries by the beginning of the 20th century. The Tatar population's opinion about the co-religionists functionaries is of interest. At the beginning of the 19th century, such people, in spite of all their merits and recognition in the Russian community, were outcasts in the Muslim society. As a writer Nazhip Gasry noted, Mullahs boycotted the Murzas and pronounced an anathema against Tatar noble militaries who sent their children to Russian educational institutions saying that they were “disloyal people who blindly believed in the spirituality” [6, p.169]. However, by the end of the century, the attitude to the state service changed together with social changes. An increase in the number of Tatar functionaries by the end of the 19th century and the growth of the quantity of the Tatars in Russian educational institutions prove it.

In conclusion, we would like to point out that the image of officials in folk literature were not related to based on whether he is an “insider” or an “outsider”. It turned out that, there was an important general quality of a person who has the power. For example, there were types of honest officials and corrupt officials. Certainly, negative proverbs about officials prevailed. This is their indifference, corrupt practices, narrow thinking, and a special place in society [12, p. 187–189, 191–192, 194]. Folklore appeared based on popular experience. In proverbs we see recommendations about how an average person should talk to officials. For example, they should not quarrel, criticize officials, even if an official is mistaken. The basic idea of proverbs: an official is power, he is always right. “A person with a seal has no mercy” is one of such proverbs [13, p. 261].

Nevertheless at the beginning of the 20th century even Mullahs sent their children to non-classical secondary schools and gymnasiums of the city. Many Tatar shakirds who graduated from a madrasah dreamt of finding a job with a fixed salary. They raved about getting in a university. As a result, Tatar students, who studied in different higher education institutions in the 1910s, consequently became the main national intelligentsia and bureaucratic apparatus not only in Tatar and Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republics, but also in the republics of Middle Asia and Caucasus.

REFERENCES

1. Ahunzjanov Je.M. *Russkie zaimstvovaniya v tatarskom jazyke* [Russian Borrowings in the Tatar Language]. Thesis abstract. Alma-Ata, 1967. 58 p. (In Russian)

2. *Istorija tatar s drevnejshih vremen* [The History of Tatars since Ancient Times]. Ed. by R.S. Khakimov. Vol. 4. Kazan, 2013. 1171 p. (In Russian)

3. *Kazanskoe dvorjanstvo 1785–1917 gg. Genealogicheskij slovar'* [The Kazan Nobility. 1785–1917. Genealogical Glossary]. Compl. by G.A. Dvoenosova. Kazan, Gasyr Publ., 2001. 640 p. (In Russian)

4. *Mardzhani o tatarskoj jelite (1789–1889)* [Mardzhani on the Tatar Elite (1789–1889)]. Compiled by A.N. Juzeev, I.F. Gimadeev. Moscow, Mardzhani Publ., 2009. 116 p. (In Russian)

5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT) [National Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 420. Op. 1. D. 161. (In Russian)

6. Nedzhib. Probuzhdenie russkikh tatar i ih literatura [The Awakening of the Russian Tatars and Their Literature]. *Sovremennik*, 1911, Vol. 4, pp.169–171. (In Russian)

7. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg Provincial Lists]. 1864, 17 October. (In Russian)

8. Rittih A.F. *Materialy dlja jetnografii Rossii. Kazanskaja gubernija* [Materials for Ethnography of Russia. The Kazan Province]. Vol. 2. Kazan, Kazan University Publ., 1870. 227 p. (In Russian)

9. Salikhov R., Hajrutdinov R. “Vernopoddanicheskiju pravdoju podtverzhdaju...” (Ishmuhamet Dinmuhametov) [“I confirm verity loyalty to truth ...” (Ishmukhamed Dinmukhametov)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 2004, no. 2, pp. 152–155. (In Russian)

10. *Semejnaja hronika Krestovnikovyh* [The Family Chronicle of the Krestovnikovs]. Vol.1. Moscow, Levenson Publ., 1903. 112, XXVII p. (In Russian)

11. Tagirova L.F. *Kantonnye nachal'niki Bashkirii: nacional'naja regional'naja jelita pervoj poloviny XIX veka* [Canton Chiefs of Bashkiria: the National Regional Elite of the First Half of the 19th Century]. Ufa, 2012. 163 p. (In Russian)

12. *Tatar halyk igaty. Mäkal'lär häm äjtemnär* [Tatar Folk Art: Proverbs and Sayings]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1987. 592 p. (In Tatar)

13. *Tatar halyk mäkal'läre : mäkal'lär g'elmasy* [Tatar Folk Proverbs: Collection of Proverbs]. In 3 Vol. Compl. by N.Isänbät. 2nd edition. Vol.3. Kazan, Tatar Book Publishing House, 2010. 798 p. (In Tatar)

14. *Tatarcha-ruscha süzlek* [Tatar-Russian Dictionary]. Vol.2. Kazan, Magarif Publ., 2007. 726 p. (In Tatar)

15. Turnerelli E. *Kazan' i ee zhiteli* [Kazan and Its Residents]. Kazan, DOMO Globus Publ., 2005. 1184 p. (In Russian)

16. K. *Kazanskie tatary v statisticheskom i jetnograficheskom otnoshenijah* [Kazan Tatars in Regards of Statistics and Ethnography]. Kazan, TJaK Fund, 1991. 210 p. (In Russian)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova is a Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru

**ОБРАЗ ЧИНОВНИКА В «КАРТИНЕ МИРА» ТАТАР
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье на основе фольклорных, архивных и мемуарных источников анализируется повседневное восприятие чиновников в татарском обществе конца XIX – начала XX вв. Приводятся также сведения о численности чиновников - татар, об особенностях формирования татарского дворянства в различных регионах Российской империи. В работе рассматриваются вопросы внешнего вида служащих-татар, характер взаимодействия чиновничества с татарским купечеством. Выделяется образ «куштана» как особый социально-психологический тип, лицо, приближенное к чиновничеству. Делается заключение о том, что такого рода взаимоотношения чиновничества и населения стали особенно распространенными в период жандармских преследований татарского духовенства в начале XX в. Автор приходит к выводу, что взгляды татар-мусульман на татар-чиновников на протяжении рассматриваемого периода менялись и проходили разные этапы. Указывается на отсутствие разделения чиновников на «своих» и «чужих», общество оценивало моральные качества представителя власти, невзирая на его этническую или религиозную принадлежность. Обращение к данной теме обусловлено абсолютной неизученностью данного вопроса.

Ключевые слова: татарское общество, мусульмане, татарские дворяне, чиновники, муллы, повседневная жизнь, фольклор

Для цитирования: Gabdrāfikova L.R. Image of an Official in a Cosmos of Tatars at the Cusp between 19th – 20th Centuries // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 119–125. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.119-125

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

УЕЗДНЫЙ ГОРОД МЕНЗЕЛИНСК В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье рассматривается социально-экономическое развитие и становление системы управления уездного города Мензелинска, персоналии городской власти. Анализируется демографический и сословный состав населения, характер трудовой занятости горожан, социокультурная сфера, торговые обороты Мензелинской ярмарки. На основе неопубликованных ранее архивных документов реконструируется процесс создания Мензелинской городской ратуши, а также конфликт горожан и городничего Николая Обращикова в 1830-е гг., дело об убийстве чиновника М-Г. Алкина в Мензелинске.

Ключевые слова: уездный город, городничий, Мензелинская ратуша, Мензелинск, ярмарка, шляхтичи, татарское купечество

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 126–136. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.126-136

Уездные города традиционно относятся к наименее изученной категории населенных пунктов. По своим экономическим показателям и насыщенности общественно-культурных событий уездные центры значительно уступали губернским городам. Эта особенность уклада жителей малых городов отразилась и в исторических источниках. Во многом из-за скудности документальной базы в исследованиях, охватывающих территориально всю губернию, события уездных городов занимают незначительное место.

Изучение истории любого населенного пункта связано с актуальностью этого вопроса для конкретного региона. Поскольку территориальное деление Российской империи значительно отличалось от современного административного устройства Российской Федерации, некоторые дореволюционные города оказались на периферии исторических исследований. Мензелинск до 1918 г. входил в состав Уфимской губернии. Многие городские центры этой губернии позднее вошли в состав Башкирской АССР, сегодня Уфимская губерния является исследовательским полем для ученых преимущественно из Республики Башкортостан. Татарстанские же исследователи ориентируются, главным образом, на историю Казанской губернии.

За исключением краеведческих изданий история Мензелинска никогда не становилась предметом самостоятельных комплексных исследований. Между тем дореволюционная «биография» Мензелинска, прошедшего любопытные стадии развития: от крепости к уездному городу, и получившего известность в качестве центра знаменитой Мензелинской ярмарки, заслуживает более пристального внимания.

В данной публикации представлен период становления Мензелинска как уездного центра: конец XVIII – первая половина XIX вв. В 1781 г., в результате губернской реформы Екатерины II, пригород Мензелинск получил статус уездного города Уфимского наместничества. Главным городом по отношению к пригороду Мензелинску в течение XVIII в. оказывались то Казань, то Уфа. Пригороды являлись остатками удельно-вечевоего периода русской истории и лишь реформы Екатерины Великой упразднили архаизмы административного деления страны. 8 июня 1782 г. императрица утвердила герб Мензелинска. На верхней части щита был изображен герб губернского города Уфы (куница), а в нижней – летящий золотой кречет, «в знак изобилия такого рода птиц в этих краях» [8, с. 452]. Кречет – хищная птица, которую использовали для соколиной охоты. Любопытно, что символом уездного Мензелинска (бывшей военной крепости и места казни восставших инородцев) чиновниками была выбрана именно хищная птица.

Обращение к данному историческому промежутку обусловлено рядом проблем, связанных со сменой административного статуса населенного пункта. Перемены отразились на повседневной жизни жителей Мензелинска: изменилась инфраструктура города, социальная структура и трудовая деятельность горожан. В рамках статьи автор попытается реконструировать то, как были восприняты данные социально-экономические вызовы населением Мензелинска.

В качестве основных источников привлечены делопроизводственные материалы государственных органов власти Оренбургской губернии (куда входил в изучаемый период и Мензелинск), отложившиеся в Государственном архиве Оренбургской области, а также материалы периодической печати начала XIX в. Кроме того, автор опирался на научную и краеведческую литературу, изданную до 1917 г. Из фондов Национальных архивов Республики Башкортостан и Республики Татарстан привлекались документы вспомогательного характера.

Бывшая военная крепость Мензелинск к середине XVIII в. переживала трудные времена. Здесь насчитывалось 700 дворов, самая трудоспособная часть населения была занята на военной службе и находилась далеко от родных мест. Они служили в рядах Уфимских и Оренбургских драгунских полков. Кроме представителей местной администрации в городе постоянно проживали лишь старики, женщины и дети. При этом гражданским населением управлял мензелинский воевода от Казанской губернии, а мензелинцы-военнослужащие относились к военному ведомству Оренбургской губернии [17, с. 378]. Экономическое положение местных жителей было на-

прямо связано с этими обстоятельствами. Обрабатывать плодородные земли, коими когда-то были наделены первые жители крепости – стрельцы и шляхтичи, должным образом получалось не у всех семейств, не хватало трудовых сил. Даже местная школа, открывшаяся в 1743 г., просуществовало очень недолго. Очевидно, большинство детей приучалось к сельскохозяйственному труду с ранних лет, поэтому времени на учебу у них просто не оставалось. К слову, эта традиция индифферентного отношения к просвещению сохранилось у части населения Мензелинска и в первой половине XIX в., о чем с горечью писал учитель местного училища.

Географическая отдаленность Мензелинска от губернских центров отражалась на материальном состоянии местных жителей, да и в целом преодоление огромных расстояний до Уфы или же Казани на лошадях для решения самых разных бюрократических задач, было делом трудным. Например, в наказе 1768 г. отставные солдаты Мензелинска жаловались на то, что им приходится по судебным делам ездить в Уфу и преодолевать более двух сотен верст пути. «Через таковые дальние волокиты случаются не малые нам убытки...», – писали они и очень хотели, чтобы их дела решались в Мензелинской воеводской канцелярии [18, с. 217]. Путь в несколько сотен верст до главного города было не только тяжелым, долгим и убыточным занятием, но и опасным.

В XVIII в. край постоянно сотрясали восстания. В 1735–1741 гг. в Мензелинске функционировала главная квартира башкирской комиссии, основной задачей которой стало усмирение мятежей и разбор их причин. Чуть позднее город пережил четырехмесячную осаду пугачевских войск, которая продолжалась с декабря 1773 по март 1774 г. Вероятно, рассказы о сожженных избах, а также церквях, служивших убежищами для стариков, женщин и детей, стали лишь малой частью народной памяти об ужасах этой эпохи.

В таком положении Мензелинск открыл новую страницу своей истории – историю уездного города. Безусловно, статус уездного центра дал импульс для развития имеющихся ресурсов и привлечения новых. Открылись новые административные учреждения, по некоторым делам мензелинцам уже не надо было ездить в Уфу или в Казань. Произошли изменения в системе управления населенным пунктом, воеводу сменил городничий. По своему функционалу он мало чем отличался от предшественника, объединял и административную, и полицейскую власть. Первым городничим Мензелинска стал Иван Иванович Микунов. Он относился к дворянскому сословию, владел поместьем и крепостными крестьянами в Мензелинском уезде [15, с. 1]. По его инициативе в 1799 г. в Мензелинске была построена кладбищенская церковь во имя святого Пророка Илии.

Пост городничего в Мензелинске занимали самые разные лица, отличающиеся нравом и характером своей деятельности. Объединяло их то, что многие из них были бывшими военными. Например, в 1817 г. мензелинским городничим служил штабс-капитан Алексей Пыпин. Он принимал активное участие в организации торжества по случаю преобразования

местного народного училища в уездное училище. Его супруга Авдотья Пыпина участвовала в сборе благотворительных пожертвований в пользу нового училища, организации торжественного обеда и иллюминации учебного заведения [11].

Помимо административного значения, в этот период наметились очертания и будущего Мензелинска как ярмарочного центра. Первые сведения о мензелинской ярмарке относятся к концу XVIII в. Еще в начале века здесь шла торговля башкирскими лошадьми, поначалу они и стали главным предметом ярмарочной торговли [12, с. 117]. Через город проходил почтовый тракт из Уфы на Елабугу и Вятку; а также дорога на Ирбит и знаменитую ирбитскую ярмарку. Судоходное сообщение по Белой и Каме соединяли Мензелинск с Казанью и Нижним Новгородом [10, с. 63].

Созидательная работа в городе коснулась, прежде всего, духовной жизни мензелинцев. Например, вместо сгоревшей в 1784 г. деревянной Троицкой церкви горожане решили построить новую каменную церковь во имя Св. Троицы с пределами Св. Флора и Лавра [16, с. 59]. Всего в бывшей крепости на тот период насчитывалось три православных храма, кроме Троицкой церкви действовала еще церковь Смоленской Божьей матери (очевидно, в напоминание о происхождении первых поселенцев крепости – смоленских шляхтичей) и церковь во имя св. апостолов Петра и Павла. Рядом с кладбищенской церковью в 1830-е гг. поселились несколько старик. В 1854 г. была официально зарегистрирована женская община при кладбищенской церкви [6, с. 9], которая стала основой Пророко-Ильинского женского монастыря.

В начале XIX в. началось строительство самого большого храма города – Никольского собора. Он был освящен в 1813 г. Средства на строительство церкви собирал отставной унтер-офицер М.Д. Ситников. Судя по всему, собор был построен на месте старого храма – церкви Смоленской Божьей матери [16, с. 59].

Еще одним направлением социокультурного развития уездного города стало открытие учебных заведений. В 1789 г. открылось единственное на тот момент начальное училище. Долгие десятилетия многие родители города не придавали особого значения обучению своих детей, хотя данное училище пользовалось популярностью у уездного населения. В 1817 г. Мензелинское малое народное училище преобразовано в уездное училище. Интересно, что среди учащихся были и татары, марийцы, удмурты. Они приезжали из окрестных сел. Преобразование народного училища в уездное учебное заведение стало для Мензелинска большим событием, которое широко отмечалось горожанами [1, с. 44–47].

Таким образом, к рубежу XVIII–XIX столетий Мензелинск окончательно освободился от своего военно-феодалного кокона и начал обретать черты мирного городского поселения: умножались его административные функции, добавились образовательные, набирала обороты ярмарочная торговля.

В начале XIX в. значительную часть жителей Мензелинска составляли крестьяне (около 1100 человек), многочисленным было и мещанское общество города (950), а также сообщество смоленских шляхтичей (820). Большинство жителей Мензелинска ни чем не отличались от обычных селян. На плодородных землях вокруг города они занимались хлебопашеством. В Российской империи разрыв между селом и большинством городов долгое время был условным.

«Шляхтичи, занимающиеся единственно хлебопашеством и скотоводством, не пекутся ни о своем, ни детей своих просвещении, есть конечно исключения, но они малочисленны, и разве случайное стечение обстоятельств было виною их. Сей класс жителей ведет жизнь слишком простую: дома построены худо и не имеют труб, а иногда служат вместе и хлевом. Одежда их состоит из кафтана, сшитого из домашнего сукна, а обувь составляют лапти (...). Белопахотные крестьяне почти не отличаются от шляхетства», – вот так описывал основных жителей Мензелинска в 1816 г. местный учитель в газете «Казанские известия» [20, с. 3].

В начале XIX столетия в Мензелинске имелась Большая Панская улица [13, с. 24], очевидно она была связана с существовавшей ранее Панской слободой города.

В 1822 г. был издан закон, по которому у смоленских шляхтичей отбирались права пользования землями в статусе поместного дворянства. Эти права оставались лишь за теми, кто, благодаря службе, приобрел дворянство. Остальные должны были продать своих крестьян. К середине XIX в. в Мензелинске лишь 47 человек потомков смоленской шляхты не облагались налогами [9, с. 38]. Но шляхта долго оставалась основным владельцем городских земель. Например, по данным 1884 г. более половины земли города принадлежала шляхтичам (6613 десятин из 9 413) [19, с. 45].

Купцов в городе насчитывалось 21 человек, но в это число входили купеческие жены и дочери. На самом деле торговлей занимались всего несколько купцов. Среди мензелинских торговых людей были и те, кто юридически принадлежал к купечеству других городов, а фактически проживали в Мензелинске. Например, в списке жертвователей в пользу Мензелинского уездного училища в 1818 г. значились саранский купец Трофим Шапошников и его брат Никифор Шапошников, казанский мещанин Андрей Бирюков, малмыжский мещанин Федор Худяков, козмодемьянский мещанин Алексей Третьяков [11].

В начале XIX столетия стала набирать обороты мензелинская ярмарка, более разнообразным стал ассортимент товаров: мануфактура, продукты питания, кожевенное сырье и т. д. Самый большой оборот давали хлопчатобумажные изделия московских, лодзинских и других мануфактуристов. Ярмарки в Мензелинске проходили три раза. Самой престижной считалась зимняя Рождественская.

Ярмарка являлась местом обмена азиатских товаров на европейские. Купцы 2-й и 3-й гильдии из городов Оренбургской губернии, продающие

азиатские товары, пользовались особыми льготами [8, с. 453]. Вероятно, поэтому некоторые купцы Казанской губернии предпочитали объявлять свои капиталы именно в Мензелинске. Окладная книга купеческих капиталов Мензелинска свидетельствует о том, что в этот период активизировалось татарское купечество. Например, в 1836 г. приписался к мензелинскому купечеству казанский купец Юсуп Мухаметович Чукин со своими 5 сыновьями. В том же году объявил капитал в Мензелинске другой татарский купец из Уфы – Ибрагим Утяганов с 8 сыновьями.

В первой половине XIX в. купечество стремительно пополнялось представителями других социальных категорий. Например, в 1836 г. мензелинскими купцами стали дети белопахотных солдат (т. е. потомки первых переселенцев Мензелинской крепости): Илья Кукаркин, Илья Лузин, Яков Степанов, Данил Халдеев, а также экономическая крестьянка Марфа Сорвина, яшашный татарин Биктимер Мансуров [14, с. 405–413].

Ярмарочные обороты Мензелинска, очевидно, не давали покоя соседним городам. Например, в 1846 г. в губернских органах власти рассматривалось дело о перенесении ярмарки из Мензелинска в Елабугу [5, с. 3, 44]. Инициаторами перевода выступали елабужские предприниматели, аналогичное прошение деловые круги этого уездного города инициировали и через тридцать лет. Как в первый, так и во второй раз прошение оставили без последствий. Мензелинская ярмарка осталась на прежнем месте.

В 1833 г. купеческое и мещанское общество города Мензелинска ходатайствовало о необходимости учреждения Мензелинской городской ратуши. Руководствовались они вполне рациональными соображениями. Дело в том, что представители мензелинского купеческого и мещанского сословия были прикреплены к Уфимскому городскому магистрату. На содержание этого учреждения с каждого человека взимались налоги в размере 2 руб. 40 коп. Однако из-за отдаленности Мензелинска от губернского города проезд мензелинцев за нужными документами в магистрат отягачался дополнительными денежными и временными затратами. Мы терпим «излишние, значительные издержки, потерю времени, отвлечение от торговых и домашних занятий», – жаловались купцы и мещане. Поэтому с учетом роста купеческо-мещанского общества, наличия городских капиталов и доходов, мензелинцы во главе с городским старостой Каменевым просили открыть в городе свою ратушу. К этому времени, по данным 8-й ревизии, в Мензелинске объявили свои купеческие капиталы 79 человек, мещан насчитывалось 595 человек. Этого было достаточно для открытия собственной ратуши. Губернатор ответил согласием на предложение горожан. Уфимский магистрат, помимо своей отдаленности от уездного города, был страшно загружен бумажной волокитой, т. к. в его ведомстве, кроме Мензелинска, значилось еще шесть городов.

По первоначальному проекту к Мензелинской городской ратуше планировалось присоединить и купеческо-мещанское общество Бугульмы, однако бугульминцев устраивала работа Уфимского магистрата и поэтому

они наотрез отказались переходить в ратушу соседнего уездного города. В итоге указ Правительственного Сената об открытии Мензелинской городской ратуши был подписан 12 августа 1835 г., а в ее ведомство вошло мензелинское купечество и мещанство. Им предстояло избрать двух бургомистров и четырех ратманов – членов ратуши [2, с. 1, 10, 16, 18].

В 1851 г. опекунские и сиротские дела мензелинцев были переданы в Мензелинскую городскую ратушу. Так в Мензелинске появились сиротский и словесный суды. Очевидно поэтому в том же году в штате ратуши появился канцелярский служащий с жалованьем в 80 рублей в год.

Всего же к тому времени в городе насчитывалось около 50 человек государственных служащих. Штат административных работников увеличивался с каждым десятилетием. Росло количество населения, расширялась инфраструктура города, все сложнее становилось управление поселением и ведение его делопроизводства. Городские присутственные места располагались в здании бывшего воеводского дома и канцелярии.

За правопорядком в городе продолжал следить городничий. Вообще спектр обязанностей у городничего был достаточно широким: от полицейского надзора до административных полномочий. Он оставался первым лицом города. 1830-е гг. запомнились тем, что скандальную славу приобрел мензелинский городничий Николай Обращиков. Штабс-капитан Обращиков отличался буйным нравом, дерзким поведением, к тому же злоупотреблял горячительными напитками. Природная агрессивность городничего вкупе с предоставленной ему властью, подкрепленная алкоголем, обернулась для горожан настоящим бедствием. Жители города постоянно сталкивались с его бесцеремонностью и необоснованными действиями. В результате была накоплена серия жалоб на него как от подчиненных по службе, так и от независимых лиц (например, от помещиков). Суд над городничим состоялся в 1835 г., ему предъявили ряд обвинений.

Больше всего от Обращикова натерпелись так называемые дружинники. В этот период в городе существовала следующая практика: в помощь к городничему назначали особых лиц из числа горожан. Обращиков обходился с ними порой довольно жестоко. Например, он наказал розгами унтер-офицерского сына Халдеева, а потом держал его в камере. Не церемонился он и с местными дворянами. Неугодных ему представителей благородного сословия городничий мог запросто выдворить из местных заведений общепита. Например, на такой случай жаловался титулярный советник Бедин. Дворянку Глафиру Филиповичеву (к слову эта почтенная дама когда-то дружила с семьей бывшего городничего Пыпиных) он посадил под арест из-за того, что отказалась сдать свой дом для временного поселения в нем приезжего чиновника. Конфликтовал Обращиков и с местным предводителем дворянства Пальчиковым. Вероятно, по его инициативе еще одним пунктом обвинения городничего стало взяточничество, а также незаконные поборы с горожан. При этом прямые свои обязанности Обращиков выполнял весьма неохотно. Например, во время знаменитой

Мензелинской ярмарки постоянно встречались случаи воровства. Однако в таких случаях «обиженный не находит себе никакой защиты от Обращикова», – говорилось в следственных делах [3, с. 24–28, 30–31]. После окончания судебного разбирательства, в 1836 г. штабс-капитана Николая Обращикова перевели из Мензелинска в уездный город Троицк, при этом на ту же должность городничего. Он был очень недоволен своим переводом на новое место, писал жалобы. Но все они оставлены без рассмотрения. Любопытно, что свой прежний стиль работы он демонстрировал и в Троицке. Совсем скоро на жестокое поведение горе-городничего посыпались жалобы от местных татарских купцов и мещан.

На место же городничего в Мензелинске определили титулярного советника Леонтьева [3, с. 32]. Город разрастался, кроме того с каждым годом на Мензелинскую ярмарку съезжалось все больше людей. В связи с этим у ответственного лица за городской правопорядок прибавилось работы. Очевидно, поэтому чиновники на этой должности не задерживались. Например, в 1838 г., когда мензелинским городничим служил некий Лукин, в городе было совершено громкое убийство. Во время ярмарочной недели, в начале января был найден мертвым на улице дворянин, коллежский секретарь Мухамет-Гали Алкин. У него было несколько поместий в Уфимской и Вятской губерниях. В Мензелинске губернский секретарь Алкин находился проездом, заехал на ярмарку, чтобы рассчитаться с купцами за проданный поташ. Накануне он встретился и с местным городничим, а наутро был найден без дорогих вещей с разбитой головой. Высказывались различные версии: и ограбление, и месть. Мухамет-Гали Алкин какое-то время служил в Мензелинске стряпчим, поэтому считалось, что недоброжелателей в городе у него достаточно [4, с. 1]. Вероятно, это связано с тем, что работа Алкина была тесно связана с судебной системой. Позже чиновник переведется в Уфу. Кстати, родной брат М.-Г. Алкина служил частным приставом в Казанской городской полиции. Из-за высокого общественного положения убитого и его семьи преступление получило широкую огласку, однако дело оставалось нераскрытым и в начале 1840-х гг. Следователи склонялись к версии убийства «из корыстолюбия» [4, с. 11]. Возможно, из-за этого нераскрытого преступления в 1841 г. мензелинским городничим вместо Лукина было назначено другое лицо – Федорович [7, с. 8].

Продолжением этого происшествия стали перемены в системе управления. В 1843 г. в помощь мензелинскому городничему учредили должность особого чиновника с жалованьем 114 рублей 28 копеек в год. При этом содержание разраставшегося чиновничьего аппарата требовало дополнительных средств, городские доходы не всегда могли покрыть новые расходы на кадровое обеспечение. Например, в 1836 г. было принято постановление о выделении из казны на содержание Мензелинской полиции 200 рублей в год [8, с. 452–453].

Таким образом, с конца XVIII до середины XIX вв. в Мензелинске происходило становление системы местного управления. Серьезным ис-

питанием для горожан стали периоды долженствования некоторых первых лиц городов, которые сопровождались превышением должностных полномочий, межличностными конфликтами. Единоличная власть городничего, продолжающая воеводские традиции, постепенно уступила место в структуре власти более широкому общественному представительству. В частности, в этот период в городе открылась Мензелинская городская ратуша, а при ней словесные и сиротские суды. Этот орган власти, сфера действия которого распространялась на местное купечество и мещан, стал прообразом будущих органов городского самоуправления.

К середине XIX столетия в Мензелинске проживало 4980 человек [8, с. 453]. Во второй половине века наблюдался рост населения, город притягивал все новых и новых переселенцев. В 1865 г. произошло деление Оренбургской губернии на две части: Уфимскую и Оренбургскую. Мензелинск стал уездным городом Уфимской губернии. С этого времени начинается другая история Мензелинска. Вместе с буржуазными реформами второй половины XIX в. изменилась городская среда: возникли новые органы управления, учебные заведения и культурные учреждения, расширилась сфера услуг и взаимоотношения между горожанами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габдрафикова Л.Р. Народное образование в Мензелинске (XVIII – начало XX вв.) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. ст.: Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. Елабуга, 2017. С. 44–47.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 10983.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11068.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11328.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12314.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13340.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 601.
8. Городские поселения Российской империи. Т. 3. СПб.: Типография К. Вульфа, 1863. 680 с.
9. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 2, часть 2. Москва: Университетская типография, 1902. 319 с.
10. Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Том I.: 1859–1866 годы. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 230 с.
11. Казанские известия. 1818. 20 ноября. № 93.
12. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. 34 с.
13. Мензелинский край: история и современность / Сост. Ю.Ю. Юсупов, М.Н. Сафиуллин. Мензелинск, 2006. 497 с.
14. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И–138. Оп. 1. Д. 1196.

*Габдрафикова Л.Р. Уездный город Мензелинск
в конце XVIII – первой половине XIX вв.*

15. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 5.
16. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. 88 с.
17. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Оренбург, Оренбургский отд. Императорского Русского геогр. общ-ва, 1887. 405 с.
18. Сборник императорского русского исторического общества. Т.115. СПб., 1903. 546 с.
19. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884. LVI, 180 с.
20. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 35. Оп. 1. Д.23.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. (420111, Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

UEZD TOWN OF MENZELINSK IN THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

L.R. Gabdrāfikova

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

The article examines the socio-economic development and the formation of the management system in the uezd town of Menzelinsk and personalities of the city government. The demographic and the social estate composition of the population, the nature of employment of citizens, the socio-cultural sphere, and the trade turnover of the Menzelinsky Fair have been analyzed. Based on the unknown documents from the archive of the Orenburg region, the process of creating the Menzelinsk Town Hall, the paper also examines the conflict between the townspeople and mayor Nikolai Obaschikov in the 1830 and the murder case of officer Mukhametgali Alkin in Menzelinsk in 1838.

Keywords: uezd town, gorodnichij (the mayor), Menzelinsk town hall, Menzelinsk, a fair, shljahtichi (the nobility), Tatar merchant class

For citation: Gabdrāfikova L.R. Uezd Town of Menzelinsk in the Late 18th – First Half of the 19th Century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 126–136. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.126-136

REFERENCES

1. Gabdrāfikova L.R. Narodnoe obrazovanie v Menzelinske (XVIII – nachalo XX vv.) [Public Education in Menzelinsk (the 18th – early 20th century)]. *Rossijskaja provincija kak sociokul'turnoe pole formirovanija grazhdanskoj i nacional'noj identičnosti* [The Russian Province as a Socio-Cultural Field of Civil and National

Identity Formation. A Compilation of Research Articles: Proceedings of the 8th International Stakhaev Readings, Elabuga, November 16–17, 2017]. Ed. by I.V. Maslova, I.E. Krapotkina, G.V. Burdina. Elabuga, 2017, pp. 44–47. (In Russian)

3. *Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO)* [State Archive of the Orenburg Region]. F. 6. Op. 5. D. 10983. (In Russian)

4. GAOO. F. 6. Op. 5. D. 11068. (In Russian)

5. GAOO. F. 6. Op. 5. D. 11328. (In Russian)

6. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 12314. (In Russian)

7. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 13340. (In Russian)

8. GAOO. F. 6. Op. 7. D. 601. (In Russian)

9. *Gorodskie poselenija Rossijskoj imperii* [Urban Settlements of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg, K. Vul'f Printshop, 1863. 680 p. (In Russian)

10. Den V.Je. *Naselenie Rossii po pjatoj revizii* [The Population of Russia in the Fifth Revision]. Vol. 2, Part 2. Moscow, University Printshop, 1902. 319 p. (In Russian)

11. Ignat'ev R.G. *Sobranie sochinenij (ufimskij i orenburgskij period)* [Collection of Works (Ufa and Orenburg period)]. Vol. 1: 1859–1866. Orenburg, OGAU Publishing Center, 2011. 230 p. (In Russian)

12. *Kazanskije izvestija – Kazan news*. 1818. 20 November. No. 93. (In Russian)

13. *Kalendar' i spravocnaja knizhka Ufimskoj gubernii na 1897 god* [Calendar and Reference Book of the Ufa Province for 1897]. Ufa, 1896. 34 p. (In Russian)

14. *Menzelinskij kraj: istorija i sovremennost'* [Menzelinsky Region: History and Modernity]. Ed. by Ju.Ju. Jusupov, M.N. Safiullin. Menzelinsk, 2006. 497 p. (In Russian)

15. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [National Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1243. Op. 1. D. 5. (In Russian)

16. *Pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1865 god* [Memorial Book of the Orenburg Province for 1865]. Orenburg, 1865. 88 p. (In Russian)

17. Rychkov P.I. *Topografija Orenburgskoj gubernii. 1762 god* [Topography of the Orenburg Province. 1762 year]. Orenburg, 1887. 405 p. (In Russian)

18. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoričeskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 115. St. Petersburg, 1903. 546 p. (In Russian)

19. *Statistika pozemel'noj sobstvennosti i naseleennyh mest Evropejskoj Rossii* [Statistics of Land Property and Populated Areas of European Russia]. St. Petersburg, 1884. LVI, 180 p. (In Russian)

20. *Tsentr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya Instituta yazyka, literatury i iskusstv im. G.Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [Center for Written and Musical Heritage of the Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences]. F.35. Op.1. D.23. (In Russian)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova is a Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru

АРХАНГЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ КАЗАНИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
yelena.mironova@yandex.ru*

В статье описано превращение Архангельского кладбища из погоста пригородного села в крупный городской некрополь. Кладбище существовало, по крайней мере, с середины XVIII в. Первоначально оно обслуживало село Архангельское и близлежащие села, находившиеся в приходе местной Михаило-Архангельской церкви. Однако уже с XIX в. на кладбище стали хоронить умерших городской Суконной слободы, а затем оно вошло в состав города. Вплоть до середины XIX в. за состоянием кладбища практически не следили, и зачастую похороны совершались без всякого учета и соблюдения санитарных норм. Лишь с переходом в ведение Казанской городской думы дела кладбища стали приводиться в порядок. В советские годы оно становится последним приютом для репрессированных и погибших советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Его территория расширяется, но рельеф местности и ближайшая застройка не позволяет развиваться этому процессу. На данный момент кладбище является одним из крупнейших некрополей Казани. Автор объясняет столь возросшее значение кладбища выгодным местоположением, а также тем обстоятельством, что оно стало мемориалом для репрессированных и погибших солдат Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Казань, Архангельское кладбище, некрополи, село Архангельское, Михаило-Архангельская церковь, репрессированные

Для цитирования: Миронова Е.В. Архангельское кладбище Казани: опыт исторического исследования // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 137–148. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.137-148

Архангельская куртина (такое именование использовалось до середины XIX в.) располагается на пересечении современных улиц Хади Такташа и Даурской в Приволжском районе города Казани. На его территории находятся монумент «Воин», композиция «Звезда», мемориал жертвам политических репрессий. Дата возникновения некрополя достоверно не установлена. Название закрепилось по располагавшейся рядом церкви Михаила Архангела. От нее же пошло название села, при котором находилось кладбище Архангельское – Архангельская слобода. Скорее всего, поселение существовало еще во времена Казанского ханства. В писцовой

книге Казанского уезда 1647–1656 гг. приводится старое татарское название: «За митрополитом Симаном Казанским и Свяжским в вотчине: Село Архангельское подгородное на озере на Кабане Среднем, что была деревня Кулмаметева» [15]. Селение упоминается и в более ранних документах – в писцовых книгах 1565–1568 гг. Тогда здесь числился 1 крестьянин, а в 1623–1624 гг. – 606 человек [20, с. 180].

Село Архангельское еще до включения в состав города зачастую именовалось слободой. Это объясняется составом населения, которое включало в основном ремесленников – каменщиков, кожевников, кирпичников и пр. [20, с. 180] До середины XVIII в. село принадлежало Казанскому архиерейскому дому. В 1764 г. была проведена секуляризационная реформа, и крестьяне перешли в статус экономических, принадлежащих государству. В 1827 г. село вошло в состав Казани и постепенно превратилось в Архангельскую улицу [22, с. 93]. Сохранялось старое название села – Архангельская слобода.

Архангельское кладбище интересно своим превращением из сельского погоста, на котором хоронили преимущественно крестьян, в современное городское кладбище. Хотя некоторые исследователи считают, что оно существовало уже в XVII в. [24, с. 41], однако на карте Казани 1739 г. есть село, но кладбище не обозначено. Оно появляется на плане 1768 г. Таким образом, можно предположить, что кладбище возникло в промежутке между этими датами, но следует учитывать, что иногда на планах не отмечались некоторые места, особенно на окраинах.

Согласно указу Екатерины II от 24 декабря 1771 г., умерших запрещалось хоронить в городах, а предписывалось отводить для этого земли за городом [14, с. 409]. Кладбище должно было размещаться не ближе ста саженей от крайнего городского дома [17, с. 262]. Возможно благодаря этим указам, Архангельское кладбище стало крупным казанским некрополем. Оно располагалось вне Казани, но достаточно близко к ней (чтобы перевозка тела не представляла особенных трудностей). В то же время его местоположение удовлетворяло и указам, по которым кладбища должны были располагаться за поселением. Городские кладбища обязательно огораживались заборами и плетнями [17, с. 263]. По мере роста городского населения расширялась и кладбищенская территория. Согласно законодательству, разрешением главноуправляющего землеустройством и земледелием под эти цели безвозмездно отводился участок казенной земли [17, с. 263].

Прямо в слободе находились дома гарнизонного батальона. Однако военные среди погребенных не встречаются. На Архангельском хоронили членов их семей (детей, жен) и отставных солдат. Например, в 1821 г. погребено 5 членов семей военных и 3 отставника [10, л. 9–15].

Село долгое время находилось во владении Казанского архиерейского дома. При нем состоял штат из 60 служителей. Они жили в ближайших селах, в том числе Архангельском. Священнослужители имели привилегии, например, по освобождению от военного постоя. Однако власти в

1787 г. стали размещать в домах молодых служителей солдат. Такое нарушение прав, естественно, не понравилось духовенству, и эконом архиепископского дома обратился к архиепископу Амвросию. Однако чем закончилось дело неизвестно [2, л. 75]. В том же 1821 г. на кладбище похоронено 7 представителей духовенства из прихода Михаило-Архангельской церкви [10, л. 9–15].

До середины XIX в. большинство прихожан составляли крестьяне. Почти половину из всех отпетых в Архангельской церкви и похороненных на местном кладбище в течение 1821 г. составляли именно представители земледельческого сословия.

На Архангельском кладбище хоронили людей из приходов Духосшестввенской и Борисоглебской церквей, расположенных поблизости. Руководство кладбищем осуществляло духовенство Михаило-Архангельской церкви. Оно выполняло отпевания, а хозяйственной частью, вроде распределения мест, копания могил, занимался сторож.

Церковь в деревне соорудили вскоре после завоевания Казани – сначала деревянную, потом каменную [20, с. 180]. Неизвестно, как она выглядела изначально и какие имела приделы. Описания церкви появляются лишь с XVIII столетия. Храм был выстроен в форме куба, перекрытого куполом, имелась ярусная колокольня начала XVIII в. Главный придел – Михаила Архангела, правый – Казанской иконы Божией Матери, левый – Николая Чудотворца. В 1882 г. восьмигранную двухъярусную колокольню заменили новой – псевдодатровой [27, с. 63].

Кроме Архангельской слободы в приход церкви входили села Ометьево и Гора [2, л. 40]. В 1865 г. часть жителей выселилась, и образовала так называемый Архангельский выселок, вошедший в приход [19, с. 66]. В последующем он включен в состав города и стал Дальнеархангельской улицей. К началу XX в. в приходе насчитывалось 130 дворов, 231 мужчина и 263 женщины. Кроме них здесь проживали 147 раскольников. В церковно-приходской школе училось 38 мальчиков и девочек [22, с. 96].

Причт храма и город не получали никаких доходов с кладбища. И священнослужители со своими семьями жили на жалованье от государства. В 1900-е гг. оклад священника Андрея Спасского составлял 300 рублей в год, псаломщика Николая Невзорова – 100 [18, с. 48]. У церкви не было своих сельскохозяйственных земель, поэтому с прихожан взималась «руга». В данной церкви она составляла 15 четвертей гречи и ржи [2, л. 40].

До 40-х гг. XIX в. служители церкви не имели фиксированного дохода, живя исключительно на средства, поступающие от прихожан. Сохранилась жалоба священника Степана Николаевича Чернышева за сто лет до этого на неуплату руги (ежегодные выплаты прихожан церковным причтам хлебом или деньгами), и как следствие отсутствие средств на его содержание. Он сообщает, что приход церкви составляют, главным образом, экономические крестьяне и немного монастырских служителей, мещан и цеховых. Последние две категории представлены в основном старообрядцами и часовенны-

ми, а потому с них никакого дохода не поступало. Ругу не платили и жители самого Архангельского, в итоге жалование священнику формировалось только за счет крестьян Ометьево и Горы. Этого явно было недостаточно [3, л. 2–2 об.]. В то же время крестьяне этих сел во главе с церковным старостой обвиняют Чернышева в израсходовании церковных сумм на свои нужды и просят уволить его [4, л. 1]. В итоге дело затянулось. Оно было закончено лишь в связи со смертью Чернышева в 1821 г.

Скандалы со священниками возникали и позже. В частности Стефан Иосифович Любимов был обвинен в том, что дал умереть двум младенцам без крещения. Этот проступок не остался без последствий: Любимов был отправлен на епитимью в Седьмиозерную пустынь, а затем переведен на священническое место в село Волчья слобода Чистопольского уезда [5, л. 3].

Надзор за городскими кладбищами возлагался на полицию. Запрещалось «под опасением ответственности по законам уголовным, прежде осмотра судебно-медицинского, предавать земле» тела умерших от отравления, с признаками насильственной смерти или по умерших по неизвестным причинам, мертвых новорожденных младенцев и т. д. [17, с. 264]. Во время эпидемий контроль над кладбищем усиливался, так как при несоблюдении норм погребения существовала вероятность распространения болезней [17, с. 263].

В 1864 г. по инициативе духовенства управление кладбищем переходит в руки Казанской городской думы. В июле этого года кладбищенский сторож, казанский мещанин Петр Сергеев, осматривая вверенную ему территорию, обнаружил, что в одну из вновь приготовленных могил был опущен большой гроб, окрашенный голубой краской и несколько не присыпанный землей, оставленный без призора родственников. Получив доклад об этом происшествии, священнослужители выяснили, что таким способом был похоронен житель села Ковали Михаил Карпов, обосновавшийся на Узенькой улице в доме казанского мещанина Михаила Лукоянова Пустотинцева. В результате инцидента священник Архангельской церкви просил городскую думу принять кладбище на свое попечение, поскольку никакой материальной пользы храму она не приносила, кроме незначительного дохода сторожу, а брать на себя ответственность за подобные нарушения он не хотел. Здесь же он перечисляет все беспорядки: прихожане сами, с целью экономии, роют могилу зимой, когда трудно копать, не вырывают положенной глубины, закрывают мерзлой землей, которая оттаивает весной, могила обваливается и появляется запах. Часто не оставляют записки от причта об отпевании тел и оставляют эти записки в так называемых общих могилах, где сторож на следующий или третий день, ее вынимает. Случалось, что хоронили и не отпетого [8, л. 6–7 об.].

Дума согласилась на поступившее предложение. В том же году назначается попечитель кладбища – казанский мещанин Иван Федорович Самарцев [24, с. 44]. Эта должность, судя по всему, не приносила большого дохода, а назначенные лица всячески старались от нее избавиться, к

тому же чаще всего это были занятые купцы. Кандидатуру попечителя определяли на заседаниях думы, но от избранного требовалось получить согласие. С середины 90-х гг. XIX в. началась чехарда попечителей. В 1895 г. казанский цеховой Дмитрий Степанович Войлошников просит городского голову не продлевать ему срок на пребывание в должности попечителя Архангельского кладбища, поскольку это отвлекало его от «своих присущих обязанностей» [6, л. 1]. Его приемник – Егор Никитич Игнатьев – умирает через два года, и его место временно, до избрания нового попечителя, замещает городской комиссар Чистов, который остается на посту год. Городская управа просит думу поскорее провести выборы, поскольку комиссар отвлекается от исполнения своих прямых обязанностей.

10 июня 1898 г. попечителем избран Егор Егорович Софронов, но через месяц он отказывается от должности, так как она мешает его торговой деятельности [6, л. 9]. Последующие избранники думы не желают принимать на себя обязанности попечителя. «Смутное время» Архангельского кладбища заканчивается только в 1904 г., когда его попечителем, вплоть до 1917 г., становится Алексей Алексеевич Курицын.

С переходом кладбища в городское хозяйство стали более упорядочено вестись финансовые вопросы. В 1864 г. была установлена такса за погребение такая же, как на Арском кладбище. Однако, если для людей обеспеченных она составляла 60 копеек, то для бедных снижалась до 20–40 копеек, а некоторых хоронили бесплатно [9, л. 2–36 об.]. Все доходы кладбища составляла плата за рытье могил, однако это были несущественные суммы (табл.).

Таблица

Доходы Архангельского кладбища за 1868 г. [9, л. 2–36 об.]

	Похоронено, чел.	Приход денег, руб.
Январь	30	15,5
Февраль	26	13,11
Март	28	21,9
Апрель	31	13,72
Май	28	7,96
Июнь	30	8,22
Июль	40	10,93
Август	32	9,32
Сентябрь	17	8,95
Октябрь	18	5,8
Ноябрь	22	15,6
Декабрь	15	9,55

Основные доходы тратились на выплату жалованья сторожам, изготовление крестов, а также на мелкие траты (покупка гвоздей, свечей, керосина, уборка снега) и на другие мероприятия по содержанию кладбища в надлежащем порядке. Например, в ноябре 1902 г. было израсходовано 38

рублей, а на Арском кладбище за тот же период – 473,94 рубля [7, л. 173]. До середины 80-х гг. XIX в. попечитель самостоятельно расходовал суммы из доходов кладбища, а остатки отправлял в городскую управу. Однако в 1883 г. ревизионная комиссия указала, что все полученные деньги следует сразу выдавать управе, которая затем выдает требуемые суммы попечителю. Такая система приводила к бумажной волоките, но позволяла управе контролировать денежные потоки.

Небольшие суммы, видимо, привлекали священников. В 1886 г. в думу обратилось попечительство при приходе Михаило-Архангельской церкви. В заявлении говорилось, что дела на кладбище запущены, не соблюдаются правила, по которым бедняки должны быть погребены бесплатно, цены за могилы произвольно повышаются. Попечительство просило передать управление кладбищем ему и причту Михаило-Архангельской церкви, обещало привести кладбище в порядок, а на получаемые доходы открыть церковно-приходскую школу. Однако дума отклонила данное ходатайство [24, с. 45].

Выше отмечено, что большинство похороненных на погосте составляли крестьяне. Со временем, после вхождения села в состав города, процент городских сословий возрастает. По данным за январь 1868 г. на Архангельском кладбище упокоилось 12 мещан, 5 крестьян, 2 цеховых (ремесленника) и 2 вдовы унтер-офицеров [9, л. 2–36 об.]. Краевед Н.Я. Агафонов, обследовавший казанские кладбища, приводит 23 имени, которые он обнаружил на Архангельском кладбище [1, с. 58–113]. Он сумел собрать некоторые сведения об этих лицах. Он сообщает, что купец Василий Иванович Серебряков – бакалейный торговец, Давыд Дубровин – суконщик, но на фабрике не работал, а с малых лет был взят в фабричную контору и там стал писцом [13, с. 476, 478]. Купец Борис Андреевич Андреев пользовался большим уважением при жизни. «На вид представительный, степенный, борода красивая, семья покорная, слуги исполнительные и нарядные, – словом ему очень завидовали, считая его типом древнего русского боярина» [13, с. 479]. Однако после своей смерти он оставил только долги сыну Поликарпу, который от горя и пьянства вскоре умер.

Могилы Самарцевых, по замечанию Агафонова, разбросаны по всему кладбищу, на далеком расстоянии друг от друга [13, с. 476], хотя они приходились друг другу родственниками. Следует отметить, что все они различались по сословной принадлежности: Иван Федорович был мещанином, Николай Федорович – купцом, а Федор Степанович – служителем архиерейского дома. У Агафонова находим, что отец похороненного здесь в 1847 г. мещанина Василия Харитоновича Рябчикова – Харитон Лазаревич – был в свое время могильщиком и «единственным старцем-распорядителем сего кладбища всю почти жизнь» [13, с. 476].

Церковь зачастую выступала не только как сосредоточение духовной жизни окрестных улиц, но и как общественный центр. В Михаило-Архангельскую церковь, как один из городских храмов, в 1917 г. была

привезена Смоленская икона Божьей матери, и прихожане могли придти почтить святой образ [12].

После Октябрьской революции кладбища передают в ведение Совдепов, а регистрация смерти стала проводиться ЗАГСами. Плата за места на кладбище отменяется для всех граждан, вне зависимости от имущественного и социального положения устанавливались единые похороны. Религиозные обряды при похоронах разрешались, но оплачивались дополнительно [16, с. 1275–1276]. По новым санитарным нормам запрещалось устраивать кладбища рядом с общественными зданиями, к которым относились и церкви. Таким образом, были ликвидированы многие монастырские кладбища и расположенные рядом с храмами. Архангельское кладбище не попало в их число, поскольку находилось в стороне от жилых домов и церкви.

30 октября 1998 г. на Архангельском кладбище открывается Мемориал жертвам политических репрессий, устанавливаются каменные стелы с перечислением имен расстрелянных с 1929 по 1942 гг. Место было выбрано символически, поскольку точных сведений о похороненных здесь репрессированных не имеется. Их хоронили не только на Архангельском кладбище, но и на Арском, на территории порохового завода [26, с. 32]. По предположению краеведа Л.М. Жаржевского, упоминаемое в одном из актов чекистов о захоронении расстрелянных Дальнее кладбище и есть Архангельское [23].

Репрессированных хоронили не только на самом кладбище, но и рядом с ним. После взятия Казани в сентябре 1918 г. большевиками, начались массовые расстрелы подозреваемых в пособничестве белым. Иногда под прицел брали людей, чья вина заключалась только в принадлежности к высшим сословиям. Такая судьба постигла и выдающегося земского деятеля, члена III Государственной думы дворянина Александра Николаевича Боратынского. Он был расстрелян 19 сентября 1918 г. «между полотном новой самарской ж.д., Архангельским кладбищем и полуобгорелой избушкой сторожа» [21, с. 434]. Расстрелянных закапывали тут же, но родственники погибших зачастую забирали тела и хоронили их подобающе. Не все погибшие смогли обрести покой на кладбищах, и, вероятно, много трупов осталось на месте расстрелов. На Архангельском кладбище похоронены видные советские культурные, политические деятели М.М. Вахитов, Г.Г. Ибрагимов, А.А. Павлюхин.

По воспоминаниям жительницы Казани А.А. Дудкиной о Великой Отечественной войне, она, помогая маме в военном госпитале после школы, наряду с взрослыми ездила на Архангельское кладбище хоронить умерших солдат [25]. Кладбище обслуживало госпитали и больницы города. В связи с ростом числа погребений, возникла острая необходимость расширения существующей территории. Поскольку к югу от кладбища находились жилые дома, а в сторону озера Кабан – культурное хозяйство отделов рабочего снабжения, то главный городской архитектор Копец по-

становил передвинуть северо-восточную границу, тем самым увеличив ширину до 235 метров [11, л. 1]. Расширение сопровождалось постройкой нового ограждения с заменой старого, обветшавшего. Присоединение территории должно было осуществляться в соответствии с заключением геолога. Прирезанная земля с севера была занята огородами, с юга – территорией номерного завода. На местах выработок существовавшего здесь еще в дореволюционный период кирпичного завода образовались заболоченные ямы глубиной до трех метров, которые разделялись более возвышенными участками. Но в целом грунтовые и гидрогеологические условия не препятствовали использованию участка для захоронений [11, л. 3]. В наиболее углубленных точках кладбища захоронения не допускались, а свободные участки подлежали интенсивному озеленению [11, л. 2].

На данный момент кладбище является одним из крупнейших казанских некрополей, символическим местом захоронения репрессированных граждан. Церковь Михаила Архангела была разрушена в 1930-х гг., но в 2007 г. на самом кладбище на средства мецената С.В. Золотова воздвигнута часовня в честь Архистратига Михаила.

За более чем двухвековую историю Архангельское кладбище прошло путь от погоста пригородного села до одного из основных кладбищ Казани. Вплоть до революции на нем хоронили в основном небогатых и неименитых обитателей округа, затем ему суждено было стать местом упокоения расстрелянных в годы Гражданской войны, а также местом поминания репрессированных во время Сталинского правления. Во время Великой Отечественной войны она стало последним приютом для многих погибших советских военнослужащих. Пожалуй, главной причиной, по которой это кладбище не исчезло, как это случалось даже с крупными местами захоронений, стало выгодное положение на окраине города, но в то же время рядом с густозаселенной Суконной слободой. Оно не создавало угрозу эпидемии для Казани, но принимало тела многих умерших. Архангельское кладбище стало местом символического примирения различных слоев общества. Здесь установлены памятники репрессированным, похоронены советские революционеры, стоят стелы с именами погибших советских солдат Второй Мировой войны и захоронения плененных воинов-иностранцев Первой Мировой войны

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Н. Казань и казанцы. Ч. 1. Казань: Типолитограф. И.С. Перова. 1906. 114 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 4. Оп. 48. Д. 42.
3. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 357.
4. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 391.
5. ГА РТ. Ф. 7. Оп. 82. Д. 103.
6. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1902.
7. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 1027.
8. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3792.

Миронова Е.В. Архангельское кладбище Казани:
опыт исторического исследования

9. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 4468.
10. ГА РТ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 1.
11. ГА РТ. Ф. Р–1583. Оп. 2. Д. 527.
12. Камско-Волжская речь. 1917. 21 июля.
13. Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 218.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Спб., 1830. Т. XIX. 1770–1774. 1089 с.
15. Писцовая книга Казанского уезда 1647 – 1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с. // Форум Татарского исторического архива. URL: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=254.0> (дата обращения – 18.02.2018).
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
17. Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб.: Русское книжное товарищество Деятель, 1912. Т. 13 (Устав медицинской полиции). 353 с.
18. Справочная книга Казанской епархии. Казань: типолит. А.М. Петрова, 1904. 795 с.
19. Алиев И.А. Старая Казань и её окрестности. Казань: Идел-Пресс, 2014. 375 с.
20. Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и её слободы. 2-е изд. испр., доп. Казань: Заман, 2016. 208 с.
21. Боратынская К.Н. Мои воспоминания. М.: Альта-Принт, 2007. 538 с.
22. Елдашев А.М. Казанский некрополь. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 380 с.
23. Жаржевский Л.М. Ботанический сад Казани: тяжба за землю, расхищение и чекистские расстрелы. // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/90682-botanicheskiy-sad-i-arhangelskoe-kladbische-kazani> (дата обращения – 1.03.2018).
24. Липаков Е.В., Афонина Е.В. История казанских кладбищ. Казань: Ритуал, 2005. 79 с.
25. Недетские воспоминания детей войны // Казанские ведомости. 2015. 23 июня. URL: <http://www.kazved.ru/article/61979.aspx> (дата обращения – 19.02.2018).
26. Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое знание, 1999. 312 с.
27. Фролов Г.В. Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. 124 с.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); yelena.mironova@yandex.ru

**ARKHANGELSK CEMETERY OF KAZAN:
EXPERIENCE OF HISTORICAL RESEARCH**

Ye.V. Mironova

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
yelena.mironova@yandex.ru*

The article describes the transformation of the Arkhangelsk cemetery from the graveyard of a suburban village into a large urban necropolis. The cemetery existed from the middle of the 18th century at least. Originally it served the village of Arkhangelsk and the nearby area villages, which belonged the parish of the local Michael-Arkhangelsk church. However, starting from the 19th century it was used as a place where the dead of the urban Sukonnaya Sloboda had been buried after that it was included in the city territory. Until the middle of the 19th century, the state of the cemetery was hardly taken care of, and often funerals were committed without any regard for and compliance with sanitary regulations. Only upon the transition to the jurisdiction of the Kazan City Council, the affairs of the cemetery began to be put in order. In the Soviet years it becomes the last refuge for the repressed and dead Soviet servicemen during the Great Patriotic War. Its territory expands, but the terrain and the nearest buildings do not allow this process to move on. Currently the cemetery is one of the largest necropolises of Kazan. The author justifies such increased significance of the cemetery by its favorable location and by the fact that it became a memorial for the repressed and dead soldiers of the Great Patriotic War.

Keywords: Kazan, Arkhangelsk cemetery, necropolises, Arkhangelskoye village, Mikhailo-Arkhangelsk church, the repressed

For citation: Mironova Ye.V. Arkhangelsk Cemetery of Kazan: Experience of Historical Research. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 137–148. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.137-148

REFERENCES

1. Agafonov N. *Kazan' i kazantsy* [Kazan and Kazan Residents]. Chapter 1. Kazan, I.S. Perova Publ., 1906. 114 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT)* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. . In. 48. No. 42. (In Russian)
3. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. In. 1. No. 357. (In Russian)
4. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. In. 1. No.391. (In Russian)
5. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 7. In. 82. No. 103. (In Russian)
6. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 98. In. 3. No. 1902. (In Russian)

7. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 98. In. 4. No. 1027. (In Russian)
8. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 114. In. 1. No. 3792. (In Russian)
9. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 114. In. 1. No. 4468. (In Russian)
10. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 847. In. 1. No. 1. (In Russian)
11. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond R–1583. In. 2. No. 527. (In Russian)
12. *Kamsko-Volzhsкая rech'– Kamsko-Volzhsкая Speech*. 1917. July 21. (In Russian)
13. *Otdel redkikh rukopisey i knig Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo* [Department of Rare Manuscripts and Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library]. No. 218. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, 1830. Vol. 19. 1770–1774. 1089 p. (In Russian)
15. *Pistovaya kniga Kazanskogo uezda 1647 – 1656 godov: Publikatsiya teksta* [The Scribal Book of the Kazan District of 1647 – 1656: Publication of the Text]. Moscow, RAS Russian History Institute Publ., 2001. 541 p. Forum Tatarskogo istoricheskogo arkhiva. (In Russian) Available at: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=254.0> (accessed 18.02.2018).
16. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917– 1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of Legal Acts and Orders of the Government for 1917–1918. Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1942. 1483 p. (In Russian)
17. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Russkoe knizhnoe tovarishchestvo Deyatel' Publ., 1912. Vol. 13 (Ustav meditsinskoy politzii). 353 p. (In Russian)
18. *Spravochnaya kniga Kazanskoy eparkhii* [Reference Book of the Kazan Diocese]. Kazan, A.M. Petrov Publ, 1904. 795 p. (In Russian)
19. Aliev I.A. *Staraya Kazan' i ee okrestnosti* [Old Kazan and its Environs]. Kazan, Idel-Press Publ., 2014. 375 p. (In Russian)
20. Bikbulatov R., Mustafin R. *Kazan' i ee slobody* [Kazan and its Settlements]. Kazan, Zaman Publ., 2016. 208 p. (In Russian)
21. Boratynskaya K.N. *Moi vospominaniya* [My Memories]. Moscow Al'ta-Print Publ., 2007. 538 p. (In Russian)
22. Eldashev A.M. *Kazanskiy nekropol'* [Kazan Necropolis]. Kazan, Center for Innovative Technologies Publ., 2009. 380 p. (In Russian)
23. Zhazhzevskiy L.M. *Botanicheskiy sad Kazani: tyazhba za zemlyu, raskhishchenie i chekistskie rasstrel* [The Botanical Garden of Kazan: Litigation for Land, Plunder and Chekist Executions]. *Real'noe vremya*. (In Russian) Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/90682-botanicheskiy-sad-i-arhangel'skoe-kladbishche-kazani> (accessed 1.03.2018).
24. Lipakov E.V., Afonina E.V. *Istoriya kazanskikh kladbishch* [History of Kazan Cemeteries]. Kazan, Ritual Publ., 2005. 79 p. (In Russian)

25. Nedetskie vospominaniya detey voyny [Unchildlike Memories of Children of War]. *Kazanskie vedomosti – Kazan Gazette*. 2015. June 23 (In Russian). Available at: <http://www.kazved.ru/article/61979.aspx> (accessed 19.02.2018).

26. Stepanov A.F. *Rasstrel po limitu: Iz istorii politicheskikh repressiy v TASSR v gody «ezhovshchiny»* [Shooting at the Limit: From the History of Political Repression in the Tatarstan during the “Yezhovschina” Years]. Kazan, Novoe Znanie Publ., 1999. 312 p. (In Russian)

27. Frolov G.V. *Putevoditel' po khramam i monastyryam goroda Kazani* [Guide to the Temples and Monasteries of Kazan]. Kazan, Center for Innovative Technologies Publ., 2005. 124 p. (In Russian)

About the author: Yelena V. Mironova is a Candidate of Science (History), Research Fellow, the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); yelena.mironova@yandex.ru

**ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Р.Р. Сайфуллова

*Елабужский институт Казанского федерального университета
Елабуга, Российская Федерация
rasilya91@yandex.ru*

В статье анализируется трудовая повседневность народных учителей министерских и земских школ Казанской губернии (за исключением учителей инородческих учебных заведений) в период активного развития народного образования во второй половине XIX – начале XX вв. Учительство как социально-профессиональная группа складывалась и меняла свой облик в период реформирования системы народного просвещения. В исследовании обозначены проблемы, с которыми сталкивался народный учитель в своей профессиональной деятельности: отсутствие возможностей саморазвития, самообразования и четких функций, обязанностей педагогов, непростые взаимоотношения с общественностью. Автор связывает их с разобщенностью учительской среды, неспособностью педагогов защищать свои права. В работе использованы материалы Национального архива Республики Татарстан, Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (Казань), Российской государственной библиотеки (Москва).

Ключевые слова: повседневность, народный учитель, Казанская губерния, XIX в., учитель средней школы

Для цитирования: Сайфуллова Р.Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии) // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 149–157. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.149-157

В современной исторической науке особую значимость приобретают вопросы повседневности. Она определяется как сбор материала относительно бытовых или будничных условий жизни и труда, а для ее выявления необходимо исключить из изучаемого явления все торжественное, необычное, культовое, обрядовое [7, с. 216]. История повседневности как одна из важных элементов исторической антропологии пока остается малоизученной, однако имеются серьезные научные изыскания, способные раскрыть ее сущность среди отдельно взятых социальных групп (сословий, классов): купечества [7], казачества [1], крестьянства [6], рабочих [4]. В нашем исследовании мы анализируем историю трудовой повседневности.

Учителя во второй половине XIX – начале XX вв. представляли собой особую социально-профессиональную группу, формирование которой началось в конце XVIII – начале XIX вв. вместе с началом развития народного образования. В это время сложились определенные категории учителей средних и начальных учебных заведений (народные учителя), существенно отличавшиеся друг от друга по материальному и социальному положению. Народными учителями считались учителя, работавшие в начальных учебных заведениях (приходских, уездных (городских), земских училищах). Уровень образования этой группы преподавателей ограничивал их продвижение в социальной иерархии, поскольку таковыми становились в лучшем случае окончившие курсы гимназий, учительских институтов, семинарий, позже епархиальных женских училищ.

Неразвитость педагогического образования в стране в изучаемый период накладывала негативный отпечаток на развитие всей системы народного просвещения, включая Казанскую губернию. Однако с учетом того, что одной из главных задач начальной школы считалось «утверждение в народе нравственных и религиозных понятий» [4], особых трудностей при отборе народных учителей Министерство народного просвещения и земства не испытывало. Трудности испытывали преподаватели народных училищ, поскольку слабая профессиональная подготовка ограничивала их возможности в сравнении с педагогами средних учебных заведений при повышении материального благополучия и социального статуса.

К 1907 г. в земских школах Казанской губернии (по министерским и земским учебным заведениям губернии) работало 587 учителей. Из них наибольшее число закончило курс в женской земской учительской школе (176 человек или 22,1%), 96 – городских и уездных училищах (12,1%), 88 – епархиальном училище (11,1%), 78 – женских гимназиях (9,8%), 78 – женских прогимназиях (9,8%). 53 человека прошли курс двухклассной школы Братства Св. Гурия (6,7%), 33 учителя выпущены из мужской учительской семинарии (4,1%), 27 преподавателя закончили курс в Симбирской инородческой учительской школе (3,4%). 18 человек обучалось в двухклассных министерских училищах (2,3%). 13 учителей получили образование в профессиональной школе Шумковой (1,6%). Один учитель прошел курс земледельческого училища, другой – воспитанник духовной семинарии. Остальные 124 педагога (15,6%) – это лица с домашним образованием (5,4%), учившиеся, но не окончившие курс в средних учебных заведениях (5,1%), учившиеся, но не окончившие курс в низших учебных заведениях (4,3%), а также 6 лиц, получившие образование неизвестно где (0,8%) [9, с. 27]. Проанализировав эти данные можно сделать вывод о том, что в Казанской губернии доля земских учителей с удовлетворительной педагогической подготовкой составляла 51%.

В министерских школах в 1907 г. образовательный показатель учителей был выше. 73% преподавателей имели специальное педагогическое

Сайфуллова Р.Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии)

законченное образование [9, с. 30]. С введением земств большая часть государственных школ была передана под управление земских учреждений.

Несмотря на активное развитие народного просвещения, особенно после образовательной реформы Александра II, в стране наблюдалось слабое развитие школьной инфраструктуры. Прежде всего, это отсутствие отдельных помещений для школ. В более выгодном положении находились городские школы, располагавшиеся в городских зданиях. В сельской местности земские учебные заведения располагались в специально нанимаемых крестьянских избах, что не только усложняло учебный процесс, но и труд самого учителя, которому приходилось следить за температурой в помещении, удобствах, взаимодействовать с хозяевами жилых помещений, отношения с которыми складывались не всегда благоприятно. Частные школы располагались в собственных отдельных помещениях. Например, на предприятиях И.И. Алафузова в 1872 г. было открыто начальное училище, находившееся на втором этаже трехэтажного здания, в котором «кроме традиционных учебных пособий и письменных принадлежностей, имелись также волшебные фонари (проекторы), географические карты, анатомические атласы» [2, с. 165–166]. Правда в 1887 г. после проверки Казанским училищным советом школа была закрыта ввиду не вполне объяснимых причин и возобновила свою работу только в 1893 г., через два года после смерти И.И. Алафузова [2, с. 168].

Другой проблемой являлось нерегулярное пополнение школьных библиотек новыми книгами, а в некоторых наблюдалось их полное отсутствие. Так в Цивильском уезде к 1905 г. 36% школ не имело библиотек, в Мамадышском – 23%, Козмодемьянском – 26%, в Тетюшском – 24%. Эта картина была характерна и для остальных уездов [8, с. 96]. Важное место в библиотечном деле занимал вопрос выписки периодических изданий с учетом особых правил и инструкций, главным из которых было то, что выписываемая печать в основном должна была быть патриотического содержания. «В 1892 году при издании каталога допущенных журналов и газет равно было 16% из всех выходивших» [8, с. 165]. Позднее этот список расширился за счет технических и специальных журналов. Отсутствие библиотек, их слабый фонд, особые правила при выписке периодических изданий затрудняли педагогическую деятельность народных учителей, которые нуждались в постоянном обновлении своих знаний. Созданный в 1903 г. в Казани Педагогический музей, располагавший ценными для преподавателей фондами, позволял в некоторой степени решить эту проблему. Однако посещение музея народными учителями, особенно теми, что проживали за пределами губернского города, было маловероятным ввиду отсутствия материальных возможностей. Пополнять свои знания педагоги народных школ могли на педагогических курсах и учительских съездах. По данным за 1907 г. из всех 796 земских учителей педагогические курсы посетили 236. В учительских съездах приняли участие 142 преподавателя [9, с. 61].

Наряду с развитием народного образования в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв., в стране не существовало четко обозначенных функций учителя. Например, в Уставе гимназий и училищ уездных и приходских от 1828 г. указывалось, что «в учителя приходских училищ определяются Штатным Смотрителем уезда люди всякого состояния, но не иначе, как доказав на испытании в уездном училище, что имеют нужные для сего знания и способность обучать. При сем Смотритель осведомлялся об их нравственных качествах и поведении, стараясь удостовериться заранее, что они без вреда для учащихся могут быть допущены к исправлению должности учителей» [16, с. 206]. Таким же образом в Положении о начальных народных училищах от 1864 г. предписывалось, что «прочим предметам (кроме Закона Божьего) могли обучать священноцерковные служители или те лица, которые получили на звание учителя или учительницы особое разрешение уездного училищного совета, по представлении удостоверения в доброй их нравственности и благонадежности от лиц совету известных» [13, с. 128]. В данных документах главным критерием учительства прописывалась нравственность, благонадежность и способность обучать. Однако из-за отсутствия четких функций педагога училищное начальство могло накладывать на учителей дополнительные обязанности – ведение народных чтений, заведывание библиотеками, обучение церковному пению.

Во второй половине XIX в. в школах Российской империи получили распространение народные чтения. Вели их в основном школьные учителя. Согласно отчетам о внешкольном образовании «в 1903 году народные чтения производились в 143 сельских учреждениях (школах и библиотеках-читальнях), чтений было 2405, лекторами были преимущественно духовные лица и учителя» [8, с. 165]. В деле по Канцелярии директора народных училищ Казанской губернии имеется предложение инспектора народных училищ о том, чтобы назначить учителя истории и географии Тетюшского уездного училища Михаила Санина ответственным наблюдателем за народными чтениями [11, л. 8]. Народные чтения и иные мероприятия, инициаторами которых становились земства, отвлекали население от пьянства и разгула. Однако подобные мероприятия отнимали у народных учителей их свободное время и зачастую не оплачивались. Иногда преподаватели становились инициаторами проведения народных чтений. В деле инспектора народных училищ Казанской губернии от 4 октября 1880 г. приводится обращение учителя Архангельского училища Александра Соколова с просьбой открыть воскресные чтения для крестьян в училищном помещении с имеющимися в училищной библиотеке книгами [12, л. 23].

Следующей особенностью трудовой жизни учителя служили взаимоотношения с общественностью. Часть их, получая свидетельства на звание учителя и поступая на службу в сельское или городское учебное заведение, становилась частью общества, в которое они попадали. Другой же не удавалось построить хорошие взаимоотношения с местными жителями, священ-

Сайфуллова Р.Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии)

никами, школьными и уездными начальниками. Особенно сложно отношения складывались с местными духовными лицами, в частности, в лице законоучителей, которые «изобличали» учителей в их «духовных пороках». Это могло происходить непосредственно во время церковной службы. А. Русаневич в своей работе «Народный учитель и сельская школа» привел такой пример: «Не дай Бог учителю с учениками опоздать в церковь или совсем не быть, то после богослужения будет поставлено на вид, и чтобы подорвать авторитет учителя, [законоучитель] заметит: «Так как учитель ваш ни сам не ходит в церковь, ни учеников не водит, то хотя бы вы сами посылайте своих детей в церковь» [14, с. 14]. Исследователи учителей инородческих школ отмечают, что подобные трудности встречались и у учителей инородческих школ. В статье Л.Р. Габдрафиковой, посвященной татарским светским учителям начала XX в., приводятся факты об их сложных взаимоотношениях с мусульманским духовенством. «В 1908 г. на имя министра внутренних дел было направлено коллективное заявление казанских мулл, где авторы обращения называли мугаллимов (учителей) революционерами, "которые под вывеской служения Богу и вере исламской посланы для сбивания с пути татар"» [3, с. 211]. В связи с подобным нажимом общественности в отношении учителей на Первом всероссийском съезде обществ вспомоществования лицам учительского звания особой юридической комиссией было предложено Положение об изменении правового положения учителей. В частности, предлагалось освободить учителей от надзора попечителей, земских начальников, законоучителей в нравственном, религиозном и политическом отношениях [15, с. 16–18].

Перечисленные трудности, с которыми сталкивался народный учитель во второй половине XIX – начале XX вв., носили повсеместный характер. По мнению российского педагога Н.В. Чехова, главной причиной являлось отсутствие единства и однородности в учительской среде, что не давало возможность педагогам улучшить свое положение и защититься от произвола начальников. Разрозненность учительства проявлялась в том, что на данную работу шли ненадолго. Нередко случалось так, что преподаватели не задерживались на одном месте. В связи с трудным материальным положением они уходили на другую службу, которая оплачивалась лучше учительской. Учительницы, выйдя замуж, оставляли службу совсем. Учителя, вышедшие из крестьянской среды, чаще всего не меняли образа жизни и рассматривали учительскую службу как дополнительный заработок. Уровень их образования был очень низким, они были не намного грамотнее своих односельчан. Особым влиянием и уважением такие преподаватели не пользовались [17, с. 114].

На рубеже XIX–XX вв. началась политизация народного учительства. Об этом свидетельствуют материалы архивохранилища Республики Татарстан (Национальный архив Республики Татарстан). В этот период участились случаи увольнения учителей из-за их нравственной и политической неблагонадежности. Так, «учитель Сапожников по убеждениям своим при-

надлежит к левой политической партии, ведет знакомство с лицами, замеченными в политической неблагонадежности, постоянно высказывает желание воспитывать молодое поколение в духе социализма». Было принято решение «представить учителя Сапожникова за его вредную деятельность к административной высылке из пределов Казанской губернии в порядке ст. 33 Положения об охране» [10, л. 17]. На педагогических съездах и собраниях все чаще стали затрагиваться вопросы сложного материального положения народного учителя и его низкого социального статуса.

В этот период формирующейся системе народного просвещения обозначается ряд проблем. Во-первых, отсутствие квалифицированных учительских кадров в связи со слабым развитием педагогического образования в стране. Во-вторых, неразвитая школьная инфраструктура и слабая система пополнения школьных библиотек новыми фондами, а в некоторых случаях их отсутствие. Во-третьих, отсутствие четкого определения трудовых функций учителей. В их обязанности входила организация и проведение народных чтений, заведывание библиотеками, обучение церковному пению и т.д. В-четвертых, сложные взаимоотношения с общественностью. К началу XX в. эти проблемы не были решены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акоева Н.Б. Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... док. ист. наук. Майкоп, 2012. 500 с.
2. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 276 с.
3. Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» в татарском обществе в начале XX века: социально-экономическое положение учителей // Образование и саморазвитие. 2012. № 6 (34). С. 210–215.
4. Залунаева Е.А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 267 с.
5. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия 1. Т. V. М.: Наука, 1968. 732 с.
6. Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2009. 298 с.
7. Маслова И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX вв. М.: Флинта, Наука, 2010. 352 с.
8. Народное образование в Казанской губернии. Вопросы внешкольного образования. Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1905. 210 с.
9. Народное образование в Казанской губернии (Попечители и учащие сельских школ). Казань: Типо-Литография И.В. Ермолаевой, 1907. 118 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1303. Л. 17.
11. НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 819. Л. 8.
12. НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 393. Л. 23.

Сайфуллова Р.Р. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии)

13. Положение о начальных народных училищах от 1864 г. // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865. СПб.: Типография В.А. Рогальского и Ко, 1865. С. 126–130.

14. Русаневич А. Народный учитель и сельская школа. Екатеринослав: Типография Е.Д. Браиловского. 1903. 30 с.

15. Тулупов Н. Первый всероссийский съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. М.: Работник просвещения. 1930. 40 с.

16. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8.12.1828 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение первое. 1825–1855. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. С. 200–262.

17. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.

Сведения об авторе: Сайфуллова Разиля Рауиловна – ассистент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (423604, ул. Казанская, 89, Елабуга, Российская Федерация); rasilya91@yandex.ru

**DAILY LABOR ROUTINE OF PUBLIC TEACHERS
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF 19th – EARLY 20th CENTURIES
(BASED ON MATERIALS OF KAZAN PROVINCE)**

R.R. Saifullova

*Elabuga Institute, Kazan Federal University
Elabuga, Russian Federation
rasilya91@yandex.ru*

The article analyzes daily labor routine of public teachers of the Kazan Province ministry and zemstvo schools (except for teachers of non-Russian educational institutions) the period of active development of public education in the second half of the 19th – early 20th centuries. Teachership as a social-professional group was formed and changed its appearance during the period of reforming the public education system. The study has identified problems that public teachers face in their professional activities, such as: lack of opportunities for self-development and self-education, lack of a clear definition of teachers' roles and responsibilities, complicated relationships with the public, etc. The author attributes the described problems to lack of uniformity and unity in the teaching environment, inability to protect their rights without having to participate in the activities of political organizations and concludes that by the early 20th century the given problems had been fully resolved.

The materials used in the presented paper have been selected in the course of research work at the National archives of the Republic of Tatarstan, N.I. Lobachevsky Research Library (Kazan), and the Russian State Library (Moscow).

Keywords: historical anthropology, daily routine, public teacher, Kazan Province, 19th century, a high school teacher

For citation: Saifullova R.R. Daily Labor Routine of Public Teachers of the Russian Empire in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials of Kazan Province). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 149–157. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.149-157

REFERENCES

1. Akoeva N.B. *Vliyanie modernizatsionnykh protsessov na povsednevnyuyu zhizn' kazach'ego naseleniya Yuga Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv* [Influence of Modernization Processes on the Daily Life of the Cossack Population of the South of Russia in the second half of the 19th – early 20th Centuries]. Dr. hist. sci. diss. Maykop, 2012. 500 p. (In Russian)
2. Gabdrarifkova L.R., Izmajlov B.I., Salikhov R.R. *Firma Alafuzova (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): promyshlennaya istoriya Rossii*. [Firm Alafuzov's (the second half of the 19th – early 20th Century): the Industrial History of Russia]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS, 2015. 276 p. (In Russian)
3. Gabdrarifkova L.R. «Novye lyudi» v tatarskom obshchestve v nachale XX veka: sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie uchitele [“New People” in the Tatar Society in early 20th Century: Socio-Economic Status of Teachers]. *Obrazovanie i samorazvitie – Education and Self-development*. 2012, no. 6 (34), pp. 210–215. (In Russian)
4. Zalunaeva E.A. *Povsednevnyaya zhizn' rabochikh Yaroslavl'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv*. [Daily Life of the Workers of Yaroslavl in the second half of 19th – early 20th Centuries]. Cand. hist. sci. diss. Yaroslavl, 2005. 267 p. (In Russian)
5. *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the USSR from Ancient Times to the Present Day]. Seriya 1. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1968. 732 p. (In Russian)
6. Kovrigina S.V. *Povsednevnyaya zhizn' krest'yanstva Vostochnoy Sibiri v 1945–1953 gg*. [Daily Life of the Peasantry of East Siberia in 1945–1953]. Cand. hist. sci. diss. Irkutsk, 2009. 298 p. (In Russian)
7. Maslova I.V. *Mentalitet kupechestva uezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii XIX – nachala XX vv*. [The Mentality of Merchants in the District Towns of Vyatka Province in the 19th – early 20th Centuries]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 352 pp. (In Russian)
8. *Narodnoe obrazovanie v Kazanskoj gubernii. Voprosy vneshkol'nogo obrazovaniya* [Public Education in the Kazan Province. Issues of Adult Education]. Kazan, I.N. Kharitonov Lito-Printshop, 1905. 210 p. (In Russian)
9. *Narodnoe obrazovanie v Kazanskoj gubernii (Popechiteli i uchashchie sel'skikh shkol)* [Public Education in the Kazan Province (to the Trustees and Teachers of Rural Schools)]. Kazan, I.V. Ermolaevoy Tipo-Litography, 1907. 118 p. (In Russian)
10. *Natsional'nyj arkhiv Respubliki Tatarstan (NA RT)* [National Archive of the Republic Tatarstan]. F. 160. Op. 1. D. 1303. L. 17. (In Russian)

Сайфуллова P.P. Трудовая повседневность народных учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Казанской губернии)

11. *NA RT. F. 160. Op. 1. D. 819. L. 8.* (In Russian)

12. *NA RT. F. 160. Op. 1. D. 393. L. 23.* (In Russian)

13. Polozhenie o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh ot 1864 g. [Statute on Elementary Public Schools from the year of 1864]. *Pamyatnaya knizhka Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1865* [Memorable Book of the Ministry of Education in 1865]. St. Petersburg, V.A. Rogal'sky and Co. Printshop, 1865, pp. 126–130. (In Russian)

14. Rusanevich A. *Narodnyy uchitel' i sel'skaya shkola* [National Teacher and a Village School]. Ekaterinoslav, E.D. Brailovsky Printshop, 1903. 30 p. (In Russian)

15. Tulupov N. *Pervyy vserossiyskiy s"ezd predstaviteley obshchestva vspomoshchestvovaniya litsam uchitel'skogo zvaniya* [The First All-Russian Congress of Representatives of Societies of Assistance to Persons with Teaching Ranks]. Moscow, Rabotnik Prosveshcheniya Publ., 1930. 40 p. (In Russian)

16. Ustav gimnaziy i uchilishch uездnykh i prikhodskikh, sostoyashchikh v vedomstve universitetov: Sankt-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo ot 8.12.1828 [The Statute of Gymnasiums and Schools a County and Parish, Including the Ministry of Universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkiv from 8.12.1828]. *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of Decrees by the Ministry of National Education]. Vol. 2. No.1. 1825–1855. St. Petersburg, V.S. Balashev Printshop, 1875, pp. 200–262. (In Russian)

17. *Chekhov N.V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh gg. XIX veka* [Public Education in Russia since the 60's of the 19th Century]. Moscow, Pol'za Publ., 1912. 224 p. (In Russian)

About the author: Razilia R. Saifullova is an Assistant of Department of World and Russian History, Elabuga Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University (89, Kazanskaya St., Elabuga 423604, Russian Federation); rasilya91@yandex.ru

**ОКТАБРЬ РЕВОЛЮЦИЯСЕННЭН СОҢ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫН
УКЫТУ МӘСЬӘЛӘСУ (XX ГАСЫРНЫҢ 20–30нчы ЕЛЛАРЫ)**

А.М. Сафина

*Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе
Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
aliyasafina17@yandex.ru*

Мәкаләдә татар әдәбиятын XX гасырның егерменче-утызынчы еллар аралыгында укыту мәсьәләсенә күзәтү ясала. Октябрь революциясеннән соң, беренче һәм икенче баскыч мәктәпләрдә татар әдәбиятын төрле юнәлешләр ярдәмендә өйрәтүгә әһәмият бирелә. Әлеге чорда татар әдәбиятын укыту буенча кулланылышта булган программаларга һәм дәреслекләргә анализ тәкъдим ителә.

Төп төшенчәләр: татар әдәбияты, совет мәктәбе, укыту, программалар, егерменче-утызынчы еллар, дәреслекләр

1917 елгы октябрь революциясе илнең сәяси һәм икътисади тормышын, халыкның мәдәниятен үзгәртүдә кискен борылыш ясый. Әлеге үзгәрешләр мәгариф системасын да тамырдан яңартуны максат итеп куя. Бу елларда уку-укыту системасында түләүсез һәркем белем ала алырлык бердәм дөньяви мәктәп оештыру төп максаты итеп куелып, мәктәпләр чөлтәрен тирәннән үзгәртеп кору буенча житди чаралар күрелә башлый. Гыйльми һәм уку-укыту йортлары белән турыдан-туры идарә итү, шулай ук аерым мәгариф органнары арасындагы төрле мәсьәләләрне хәл итү максатыннан Мәгариф халык комиссариаты төзелә. Бөтенроссия Үзәк Башкарма Комитеты Советының 1918 елда чыккан «РСФСРның бердәм эш мәктәбе турындагы» декрет [11, с. 133–137] һәм «Бердәм эш мәктәбе-нең төп принциплары турында» карар [11, с. 137–145] совет мәктәбендә белем бирүнең яңа системасының асылын билгели. Әлеге документлар нигезендә уку йортлары, югары уку йортларыннан башка, барысы да «бердәм эш мәктәбе» дип йөртелә башлый. Бердәм эш мәктәбе гомуми мәҗбүри башлангыч белем бирү, I һәм II баскыч мәктәпләр оештыру, укучыларны фән нигезләре белән таныштыру, укытуны хезмәт белән бәйләп алып бару кебек бурычларны алга куя. Совет мәктәбе бу чорда гомуми белем бирү мәктәбе генә түгел, ә хезмәт мәктәбе дә булып тора. Башка

фәннәрне өйрәнү белән беррәттән, мәктәптә татар әдәбиятын өйрәнүгә дә басым ясала башлый, чөнки Октябрь революциясенә кадәр татар әдәбияты күпмедер вакыт аерым укуытылмый. Татар әдәбиятын мәктәпләрдә укуының төп максаты – әсәрне уку һәм анализлау ярдәмендә укучы аны аңларга, күзалларга омтылудан гыйбарәт. Әдәбият аша укучы башкаларга игътибарлы булырга, кеше күңелен яраламаска, жәмгыятьтә үз урынын табарга өйрәнә. Нәтижәдә, балада һәр нәрсәгә карата үз фикере, үз карашы булдырыла.

Мәктәпләрдә татар әдәбиятын укуытуда әлеге бурычларны тормышка ашыру өчен яңа эчтәлекле уку китаплары, дәреслекләр, методик кулланмалар кирәклегә мөһим алшартларның берсе була. Егерменче еллар башында совет мәктәпләрен төрле предметлар буенча, шул исәптән татар әдәбиятынан да, дәреслекләр белән тәэмин итү мäsьälәсе актуаль проблемаларның берсенә эверелә. Әлеге мäsьälәне чишүдә III Бөтенроссия татар укуытучылары съезды (1918) [19, с. 17] һәм тел мäsьälәләренә багышланган Бөтенроссия конференциясе (1919) дә зур этәргеч ясыи. Нәтижәдә, сәяси һәм методик яктан югары сыйфатлы дәреслекләр һәм методик кулланмаларны тиз арада бастырып чыгару төп бурычларның берсе итеп куела. Чөнки алар укучы һәм укуытучы эшчәнлеген бәйләүче, берләштерүче төп кораллар һәм бары тик алар ярдәмендә генә белем һәм тәрбия бирүне максатчан, эзлекле итеп алып барырга мөмкин. Ләкин югары сыйфатлы программаларны, дәреслекләренә тиз арада төзеп, бастырып чыгару мөмкин хәл булып чыкмый. Дәреслек-программаларның, методик кулланмаларның яңалары төзелгәнче, Октябрь революциясенә кадәр язылган уку китапларының уңышлылылары [7] аерым төзәтмәләр, үзгәрешләр белән яңадан басылып, файдалану өчен мәктәпләргә тәкъдим ителәләр. Мәсәлән, Г. Ибраһимовның 1919 елда яңадан тулыландырылып басылып чыккан «Яңа әдәбият» китабында идея-эстетик яктан искергән яки сәнгати яктан түбән булган әсәрләрдәге өзекләр әлеге чорны яктыртуга якин торганы белән алмаштырыла.

Яңа программалар, уку планнары төзү, уку-укуы китаплары, дәреслекләр язу, педагогик журналлар чыгару һ. б. әһәмиятле мäsьälәләренә хәл итү максатыннан, 1921 елда Мәгариф Халык Комиссариаты карамагында Гыйльми һәйәт (соңрак Гыйльми үзәк, Академик үзәк) оештырыла [17, 3 б.]. Әлеге үзәк тарафыннан мәктәпләр өчен яңа дәреслекләр, яңа программалар, уку планнары төзү, төрле курслар ачу, педагогик журнал чыгару кебек иң әһәмиятле мäsьälәләренә хәл итү максат итеп куела. Шулай ук әлеге үзәк алдына республиканың барлык төр уку йортлары өчен дәүләт гыйльми совет программаларын һәм планнарын жирле үзенчәлекләргә туры китерү бурычы йөкләнә. Татар теле һәм әдәбияты буенча дәреслекләр, уку әсбаплары эшләү өчен авторлар коллективы оештырыла. Коллектив тарафыннан педагогик һәм гыйльми яктан эшләнелеп, заманга жавап бирердәй дәреслекләр булдыру төп бурыч итеп куела. М. Корбангалиев, Г. Ходаяров, Ф. Сәйфи, Х. Бәдигый, Г. Ибраһимов һ. б. авторлар ярдә-

мендә беренче һәм икенче баскыч мәктәпләр өчен программалар төзелә һәм дәреслекләр языла.

1917–1922 еллар аралыгында мәктәпләрдә татар әдәбияты Октябрь революциясенә кадәрге традициягә таянып һәр мәктәпнең үзе яки район мәгариф бүлеге житәкчелегендә төзелгән кулъязма программалар буенча укытыла. 1922 елда Академик үзәк тарафыннан, эзләнү һәм табышларның бер дәверен чагылдырып, татар теле һәм әдәбиятын укыту буенча программа төзелә [5]. Программада татар теле һәм әдәбияты аерым түгел, ә бер үк фән рәвешендә тәкъдим ителә. Әлеге программада методик алымнар шактый киң яктыртыла һәм аларның күбесе уңышлы дип табыла. Алар арасында сәнгатьле укуга аеруча зур урын бирелә. Моннан тыш укылган текст буенча эчтәлек сөйләү, хикәя язу, сораулар кую, жаваплар бирү, план төзү, эсәр геройларының хольк-фигыльләрен билгеләү һ. б. алымнар актив кулланыла. Бу методик алымнар эсәр эчтәлеген аңлап үзләштерүгә һәм укучыларның фикерләү сәләтен үстерүгә юнәлтелә. Әлеге программа 1928 елга кадәр мәктәпләрдә киң кулланылыш ала. Шулай да реферат, хикәя яздырту, лекцияләр тыңлату, укылган эсәрнең темасын билгеләтү һ. б. шундый алымнар башлангыч сыйныф укучылары өчен авыр булуы программаның житешсез ягы дип искәртелә [14, 56 б.].

1923 елдан мәктәпләрдә комплекслы укыту ситемасы килеп керә. Әлеге система тел, әдәбият, тарих, география һ. б. фәннәрне аерым укытучы хупламый, ә барлык фәннәрне комплекс хәлендә карауны алга куя. Комплекслы укыту сыйныф-дәрес системасын юкка чыгара. Укыту дәүләт гыйльми совет тарафыннан төзелгән «комплекслы программалар» ярдәмендә алып барыла. Әлеге программалар эчтәлеге ягыннан гына түгел, хәтта төзелеше ягыннан да алдагыларыннан бик нык аерыла. Дәүләт гыйльми совет программаларының төп юнәлеше булып белем бирүне ижтимагый фәннәр ярдәмендә өйрәтү тора. Бу система татар әдәбиятын укытучыны да арткы планга күчәрә, ягъни уку планнарында фән буларак үз урынын бөтенләй таба алмый. Татар әдәбияты теге яки бу һөнәрне үзләштерүдә иллюстрация ролен үтәүче итеп кенә тәкъдим ителә, жәмгыятьне өйрәнү фәненең билгеле бер өлеше буларак кына карала.

Комплекслы укыту системасы белән берлектә яңа укыту методлары һәм алымнары да килеп керә. XX гасыр башында Америкада кулланылынган Дальтон-план методы егерменче елларда совет мәктәпләрендә лаборатор-бригада исеме белән кулланыла башлый. «Лаборатор-бригада» методы дәрес структурасын, укытучының әңгәмә ярдәмендә фәннәрне өйрәнү, белем алу системасын кире кага. Укучылар бригадаларга бүленеп, лаборатория системасында күмәкләшеп эшләүгә әһәмият бирә. Билгене укытучы бригаданың житәкчесе (сайлап алынган укучы) тарафыннан телдән яки язма рәвештә ясалган нәтижәләрдән чыгып куя. Әлеге метод укучыларны үзлекләреннән эшләргә өйрәтсә дә, күп очракта һәрбер укучының эшчәнлек дәрәжәсе тиешенчә дәрәс баяләнми, кайбер укучыларның активлыгы күрәнми кала. Шулай ук бу система укытучының да ролен киметә, укыту-

чы читтән күзәтеп торучы, киңеш биреп торучы булып кына кала. Бу методка нигезләнеп язылган татар әдәбиятын укуыту программаларында [9; 15;16] әдәбият жәмгыятьне өйрәнү фәнненең бер өлеше буларак кына бирелә, ягъни ижтимагый теманы өйрәнгәндә әдәбият иллюстратив материал булып кына хезмәт итә һәм укучыларда индивидуаль эшләр, үз фикереннә житкерү кебек алымнар арткы планга кала.

Әлеге программаларга таянып әдәбияттан чор таләпләренә җавап бирерлек эш китаплары һәм дәреслек-хрестоматияләре дөнья күрә башлый. Шулар арасында «Азат мәктәп» [2], «Ташкын» [18] дәреслек-хрестоматияләр башка уку китапларыннан уңай якка аерылып торулары белән отышлы. Чөнки әлеге уку әсбаплары комплекс ысулына туры китереп төзелүе белән аерылып торалар. Мәсәлән, «Азат мәктәп» дәреслек-хрестоматиясен төзүче авторлар китапның кереш өлешендә әлеге хезмәтнең комплекс ысулына туры китереп эшләнүе, китапка заманга яраклы итеп язылган әдәби әсәрләр кертелүе белән әһәмиятле дип ассызыкыйлар [2, 5 б.]. Дәреслектәге бүлекләр дә «Авыл», «Шәһәр», «Хәзерге заман» дип исемләнә, әдәби әсәрләр дә шул тематикага яраклаштырылып сайлана. Педагогиканың билгеләдән билгесезлеккә таба бару принцибы әдәбият дәресләрендә әлеге хрестоматиядә чагылыш таба. «Ташкын» дәреслек-хрестоматиянең төзелү принцибы «Азат мәктәп»тәге кебек хәзерге әдәбияттан элеккеге мирас әдәбиятына таба алып барыла. Бүлекләр дә шулай ук «Яңа чор», «Хәзерге шәһәр», «Хәзерге авыл» дип аталып йөртелә. Комплекслы темалар итеп «Крестьяннар тормышы», «Татар әдәбиятында муллалар тормышы», «Хатын-кыз мәсьәләсе» кебек мәсьәләләр тәкъдим ителә. Мондый тематик бүленеш әдәбиятның идея эчтәлеген үзләштерүне алгы планга куйса да, әдәби әсәрнең кыйммәтенә игътибар бирелми, ә әдәби текстның жәмгыять белеме темаларына караган өлеше генә файдаланыла. Тәкъдим ителгән әлеге дәреслек-хрестоматияләр шул чорны тасвирлаган әдәби әсәрләргә игътибар бирелүе белән отышлы була. Ләкин бу уку китаплары педагогик һәм методик таләпләргә җавап биреп бетерми, ә әдәби текстлар җыентыгы булып кына кала [4, 129 б.].

1926нчы елның ахырларында комплекслы укуыту системасы уңышсыз дип табыла. Әдәбият галиме Г. Сәгъди дә моның тискәре ягы дип: беренчедән, укуытучыларның да, укуыту методларының да әһәмияте югалуы, икенчедән, әдәби әсәрләргә, китапка карата кызыксыну кимүе дип ассызыкый [6, 60 б.].

Татар әдәбиятын укуыту буенча 1927 елга кадәр программалар, дәреслекләр булса да, алар бары тик аерым теманы өйрәнгәндә өстәмә кулланма ролен генә үти. 1927 елда Казанда татар теле һәм әдәбияты укуытучыларының I Бөтенсоюз конференциясендә татар телен һәм әдәбиятын укуыту, уку программалары һәм дәреслекләр төзү мәсьәләләре карала. Татар әдәбиятын совет мәктәпләрендә укуытуның төп бурычлары булып коммунистик рухта тәрбия бирү һәм коммунизм жәмгыятен төзүчеләрне хәзерләү тора [3, 147 б.]. Конференциядә тәкъдим ителгән карарлар ниге-

зэндә, Мәгариф Халык Комиссариаты тарафыннан барлык фәннәр буенча программалар төзелә башлый. Алар барлык мәктәпләр өчен дәүләт программалары булып торалар. 1928 елда Мәгариф Халык Комиссариаты раславында, М. Фазлуллин тарафыннан «II баскыч мәктәпләре өчен ана теле һәм әдәбияты программасы» дөнья күрә [8]. Элеге программа мәктәптә әдәбият фәннен предмет итеп укытуны юлга салуда зур роль уйный. Әдәбият фәннен укыту буенча дәрәс юнәлеш бирүче элеге дәүләт докумен-ты яшь буынга белем һәм тәрбия бирү ягыннан аеруча әһәмиятле. Әмма шул чор таләпләренә җавап бирә алырлык ныклы әдәби белем бирүне тәэмин итә алмау, укучыларга үзләштерү өчен авыр булган әсәрләрне про-граммага керту, әдәбиятның тәрбияви мөмкинлекләре, укыту алымнары ачык яктыртылмау бу программаның житешсезлеге дип искәртелә. Шулай да, программаның фәнни һәм методологик структурасы яңа төзеләчәк программаларның нигезен тәшкил итә.

Утызынчы еллар башында совет мәгарифенә проект методы килеп керә. Элеге метод Америкада XX гасырның беренче яртысында америка фәлсәфәчесе һәм педагогы Дж. Дьюни тарафыннан кулланылышка кертелә. Бу метод аерым фәннәрне юкка чыгара, сыйныфлар, расписаниеләр бетерелә. Дәрәсләр я лаборатор эш, я әдәби экскурсия төсендә кырларда, фермаларда, завод-фабрика цехларында уздырыла. Укучылар көнкүреш хезмәт белән бәйлә биремнәрне үтәргә тиеш булалар. Схема ясау, сызым сызу, проектлар төзү процессы вакытында балалар математика, физика, химия, сызым кебек фәннәр буенча тулы белемнәр алырга тиеш булалар. Нәтижәдә укытуның бу формасы бер фәнне дә тулаем алып өйрәнүне мак-сат итеп куймый. Элеге форма мәктәптә татар әдәбиятын укытуда да чагылыш таба. Бу елларда төзелгән программаларда укучыларга әдәби әсәрнең ижтимагый тормыш, сыйныфый көрәш белән бәйлә темаларны як-тырткан өлешләре генә тәкъдим ителә, тулаем әдәби әсәр өйрәнелми [10].

1930 еллардан соң уку-укыту системасы яңадан үзгәрешләр кичерә башлый. Бу үзгәрешләр татар әдәбиятын укытуда да чагылыш таба. 1931 елның августында ВКП(б) Үзәк Комитеты «Башлангыч һәм урта мәктәп турында»гы һәм 1932 елны «Башлангыч һәм урта мәктәптә укыту про-граммалары һәм режимы турында»гы карарлар [14, с. 156–164] совет мәктәбе эшенең сыйфатын күтәрүдә әһәмиятле роль уйныйлар. Бу доку-ментлар нигезендә СССР халыкларының милли әдәбиятларына, сәнгать-ләрәненә караган материалларны әдәбият дәрәсләгенә кертеп, программа һәм дәрәсләкләрне укучыларга белем һәм тәрбия бирерлек итеп төзәргә кирәк кебек бурычлар куела. Элеге елларда татар әдәбиятын укытуны, әдәби әсәрләр өйрәнүне укыту программаларын кире кайтару, әдәби текстларны тәрбия максатында файдалану кебек юллар ярдәмендә алып барыла баш-лый. Уку процессының нигезен бу елларда сыйныф-дәрәс системасы белән алып барыла. Дәрәс һәркөнне бер калыпка салынып эшләнгән нигездә алып барыла, мөстәкыйль эш алымнары куллану мөмкинлекләре юкка чыга.

«Башлангыч һәм урта мәктәпләр өчен дәреслекләр турында»гы 1933 елның февралендә чыккан карар нигезендә һәр предмет буенча Мәгариф Халык Комиссариаты тарафыннан расланган бердәм мәжбүри дәреслекләр буенча гына укуытырга рөхсәт ителә. [11, с. 164–165]. Шуның нәтижәсендә мәктәп программалары үзгәртелеп төзелә, яңа стабиль дәреслекләр дөнья күрә. Әдәбият буенча Г. Нигъмәти, Г. Гали, Б. Яфаровлар төзегән программа [20] эсәрләренә, тәрбия ягыннан әһәмияте кимемәсен өчен, бөтен көенчә өйрәнергә кирәк дигән фикер алга куела. Бу программа проектлар методы һәм лаборатор-бригада системасы белән бәйләнешләрен тулысынча өзә, укучыларга әдәбияттан ныклы һәм эзлекле белем бирү, укуыту процессында балаларны интернациональ яктан тәрбияләү зарурлығы мәсьәләләрен күтәрәп чыга. Бу елларда төзелгән программалар нәтижәсендә һәрбер класс өчен татар әдәбиятыннан дәреслек-хрестоматияләр дөнья күрә [1; 12; 13].

Октябрь революциясеннән соң, егерменче-утызынчы еллар аралыгында мәктәптә татар әдәбиятын укуыту төрле юнәлештә алып барыла. Совет мәктәбе оешкан елларда татар әдәбияты дәресләрдә ярдәмчел вазифаны гына үтәсә, улызынчы елларда исә ул аерым предмет булып өйрәнелә башлый. Егерменче елларда татар әдәбиятын укуыту буенча дәреслекләр, уку кулланмалары төрле булулары белән аерылып тора. Яңа дәреслекләр белән бер үк вакытта үзгәртеләп язылган революциягә кадәрге дәреслекләр дә гамәлдә була. Утызынчы елларда исә, бердәм нормага туры китерелгән һәм бер стандартка салынган мәктәп дәреслекләре урын ала. Шулай ук илдә барган төрле үзгәрешләр (татар алфавитын гарәп графикасыннан яналифкә (латинга), соңрак рус алфавитына (кирилицага) күчү татар әдәбиятын укуытуга да тискәре йогынты ясамый калмый. Егерменче еллар уртасында латин алфавитына нигезләнгән яналиф язу системасы рәсми рәвештә татар язуы итеп гамәлгә кертелә. Әлеге борылыш гарәп шрифтында язылган дәреслекләрдән формасы белән дә, эчтәлекләре ягыннан да аерылып торган латинлаштырылган уку китаплары тууга китерә. Бу елларда мәктәптә татар әдәбиятын укуытуга түгел, ә латинча укуырга өйрәтүгә күбрәк басым ясала. Гарәп шрифтында булган күп кенә әдәби эсәрләр, дәреслекләр, кулъязмалар кулланылыштан төшеп калына. Утызынчы еллар азагында латинлаштырылган татар алфавиты яңа рус графикасына нигезләнгән алфавитка алыштырыла, кабат укуыту мәсьәләсе күтәреләп чыга. Соңгы унъеллыкта латин язуында басылган дәреслекләренә әһәмияте югала. Әлеге үзгәрешләр мәктәптә татар әдәбиятын өйрәнүгә дә күпмедер дәрәжәдә тоткарлыклар тудыра.

ӘДӘБИЯТ

1. Агишев Я., Хажиев В. Әдәбият. Тулы булмаган урта мәктәпнең VI классы өчен дәреслек. Казан: Татгосиздат, 1938. 67 б.

2. Азат мәктәп. Беренче баскыч мәктәпләрнең ахыргы сыйныфлары, сов-
партшколалар һәм педтехникумнар өчен / төз. Г. Нигъмәти, Ш. Саттаров, М. Ман-
сур. М.: Нәшрият, 1927. 399 б.

3. Бөтенсоюз күләмдә беренче мәртәбә жыелган төрек-татар теле һәм
әдәбият укытучылары конференциясе. Беренче тел-әдәбият конференциясе мате-
риаллары. Казан, 1927. 199 б.

4. Вәзиева Ж. Совет мәктәпләрендә әдәбият дәреслекләре // Вопросы татар-
ской литературы. Ученые записки КГПИ. Казан, 1972. Вып 106. Б. 116–133.

5. Дүрт еллык беренче баскыч берләшкән эш мәктәпләре өчен программа.
Уфа: Башпром мәтабгасы, 1922. 41 б.

6. Заһидуллина Д. Урта мәктәптә татар әдәбиятын укыту методикасы. Ка-
зан: Мәгариф, 2000. 335 б.

7. Ибраһимов Г. Яңа әдәбият. Казан: Сабах, 1919. 224 б.

8. Икенче баскыч мәктәпләре өчен ана теле һәм әдәбияты программасы /төз.
М. Фазлуллин. Казан, 1928. 59 б.

9. Икенче баскыч татар һәм башкорт мәктәпләре өчен /төз. В. Хангильдин,
С. Ямалиев. Казан, 1926. 36 б.

10. Колхоз яшьләре мәктәпләре өчен ана теле һәм әдәбияты программасы /
төз. М. Фазлуллин. Казан: Татиздат, 1930. 56 б.

11. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. М.:
Педагогика, 1974. 560 с.

12. Нигъмәти Г. Әдәбият. Урта мәктәпләр өчен дәреслек. 5 нче уку елы. Ка-
зан: Татгосиздат, 1933. 254 б.

13. Нигъмәти Г., Яфаров Б. Әдәбияттан хрестоматия. XIX һәм XX йөз башы.
Тулы булмаган урта мәктәпләр өчен дәреслек. Казан: Татгосиздат, 1934. 303 б.

14. Нигъмәтуллин Ә. Урта мәктәптә татар әдәбиятын өйрәнүнең фәнни-
методик нигезләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 232 б.

15. Программалар. Казан педагогия техникумының беренче курслары өчен
/төз. Х. Бәдигый. Казан, 1925. 73 б.

16. Программалар. Өч еллык крестьян мәктәпләре өчен /төз. М. Фазлуллин.
Казан, 1926. 73 б.

17. Татар педагогик фикере антологиясе: ике томда / рекол.: Ф. Солтанов,
М. Гыйбатдинов, Л. Муртазина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 2 т. 486 б.

18. Ташкын: әдәби хрестоматия. Икенче баскыч мәктәп, техникумнар һәм
башка урта дәрәжәдәге уку йортларына дәреслек итеп тәкъдим ителә /төз. С. Бор-
һан, Г. Нигъмәти, Ф. Әмирхан. Казан, 1928. 226 б.

19. Тутаев М. Развитие народного образования в Татарии (1917–1940). Ка-
зань, Тат. кн. изд-во. 1975. 204 с.

20. Урта мәктәп өчен әдәбият программасы / төз. Г. Нигъмәти, Г. Гали,
В. Яфаров. Казан: Татгосиздат, 1933. 18 б.

Автор турында белешмә: Сафина Алия Мәгъсүм кызы – филология
фәннәре кандидаты, фәнни хезмәткәр, Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәге,
ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батурин урамы, 7А,
Казан, Россия Федерациясе); aliyasafina17@yandex.ru

Сафина А.М. Октябрь революциясеннән соң татар әдәбиятын
укыту мәсьәләсе (XX гасырның 20–30нчы еллары)

**ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(20–30-е гг. XX века)**

А.М. Сафина

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
aliyasafina17@yandex.ru*

В статье рассматривается преподавание татарской литературы в 1920–1930-е гг. Освещаются разные направления в изучении татарской литературы в школах первой и второй ступеней после Октябрьской революции. Делается анализ некоторых программ и учебников по татарской литературе указанного периода.

Ключевые слова: татарская литература, советская школа, преподавание, программы, 1920–1930-е гг., учебники

Для цитирования: Сафина А.М. Октябрь революциясеннән соң татар әдәбиятын укыту мәсьәләсе (XX гасырның 20–30нчы еллары) // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 158–167. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.158-167

Сведения об авторе: Сафина Алия Магсумовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Центр истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); aliyasafina17@yandex.ru

**PROBLEMS OF TEACHING TATAR LITERATURE
AFTER THE OCTOBER REVOLUTION (20–30S OF THE 20TH CENTURY)**

A.M. Safina

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aliyasafina17@yandex.ru*

The article examines teaching Tatar literature in the 1920–1930s. Various directions in studying Tatar literature at schools of the first and second levels after the October revolution are highlighted. The author analyzes some Tatar literature curricula and textbooks of the given period.

Keywords: Tatar literature, curricula, teaching, text-books, 1920–1930s, Soviet school

For citation: Safina A.M. Problems of Teaching Tatar Literature after the October Revolution (20–30s of the 20th Century). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 158–167. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.158-167

REFERENCES

1. Agishev Y., Khaġiev B. *Ädäbiyat. Tuly bulmagan urta mäktäpneñ 6 klassy öchen däreslek* [Literature. Textbook for the 6th class of Lower Secondary School]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1938. 351 p. (In Tatar)
2. *Azät mäktäp. Berenche baskych mäktäplärneñ akhyrgy syynyflary, soypartshkolalar häm pedtekhnikumnar öchen* [Independent School. For First Level Schools, Sports Schools and Pedagogical Schools]. Compl. by G. Nigmati, Sh. Sattarov, M. Mansur]. Moscow, Naschriyat Publ., 1927. 399 p. (In Tatar)
3. *Bötensoyuz külämendä berenche märtäbä ğyelgan törek-tatar tele häm ädäbiyät ukytuchylary konferentsiyase* [All-Union Conference of Turko-Tatar Languages and literature teachers. The language and literature conference materials]. Kazan, 1927. 19 p. (In Tatar)
4. Väzieva Ğ. *Sovet mäktäplärendä ädäbiyat däreslekläre* [Books Used in Teaching Literature in Soviet School]. *Voprosy tatarckoi literatury. Uchenye zapiski – Issues of the Tatar literature. Studies of the Kazan State Pedagogical Institute*, 1972, no. 106, pp. 116–133. (In Tatar)
5. *Dürt ellyk berenche baskych berläshkän esh mäktäpläre öchen programma* [The Curriculum for the First Level of Four-year Schools for the Workers]. Ufa, Bashprom mätabgasy Publ., 1922. 41 p. (In Tatar)
6. Zahidullina D. *Urta mäktäptä tatar ädäbiyatyn ukytu metodikasy*. [Methods for Teaching the Tatar Literature in School of Secondary Education]. Kazan, Magarif Publ., 2000. 334 p. (In Tatar)
7. Ibrahimov G. *Yaña ädäbiyat* [New Literature]. Kazan, Sabah Publ., 1919. 224 p. (In Tatar)
8. *Ikenche baskych mäktäplär öchen ana tele häm ädäbiyaty programmasy* [The Tatar Language and Literature Curricula for the Second Level Tatar Schools]. Compl. by M. Fazlullin. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1928. 59 p. (In Tatar)
9. *Ikenche baskych tatar häm bashkort mäktäpläre öchen* [For the Tatar and Bashkir Schools of Secondary Education]. Compl. By V. Khangildin, S. Yamaleev Kazan, 1926. 36 p. (In Tatar)
10. *Kolhoz yash'läre mäktäpläre öchen ana tele häm ädäbiyaty programmasy* [The Tatar Language and Literature Curriculum for collective farms youth]. Compl. by M. Fazlullin. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1930. 56 p. (In Tatar)
11. *Narodnoe obrazovanie b SSSR: obsheobrazovatel'naya shkola: sbornik dokumentov 1917–1973 gg.* [Public Education in the USSR: General Education School: Collection of Documents in 1917–1973]. Compl. By A. Abakumov, N. Kuzin, I. Puzzyrev, L. Litvinov. Moscow, Pedagogika Publ., 1974. 560 p. (In Russian)
12. Nigmati G. *Ädäbiyat. Urta mäktäplär öchen däresle* [Textbook for Secondary Education Schools]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1933. 254 p. (In Tatar)
13. Nigmati G., Yfarov B. *Ädäbiyattan hrestomatiya. XIX häm XX yöz bashy. Tuly bulmagan urta mäktäplär öchen däreslek* [The Literature Chrestomathy. 19th – early 20th Century. Textbook for Lower Secondary Schools]. Kazan, Tatgosizdat, 1934. 303p. (In Tatar)
14. Nigmatullin Ä. *Urta mäktäptä tatar ädäbiyatyn öyränüneñ fänni-metodik nigezläre* [Scientific – Methodological Basis of the Study of the Tatar Literature at Secondary Education Schools]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1983. 232 p. (In Tatar)

Сафина А.М. Октябрь революциясеннән соң татар әдәбиятын
укыту мәсьәләсе (XX гасырның 20–30нчы еллары)

15. *Programmalar. Kazan pedagogiya texnikumynyñ berenche kurslary öchen* [School Curricula for the First Year Students of the Kazan Pedagogical College]. Compl. by H. Badigi. Kazan. Tatar Book Publ. House, 1925. 73 p. (In Tatar)

16. *Programmalar. Öch ellyk krestyan yaschläre mäktäpläre öchen* [Curriculum for the Rural Youth Three-Year Schools]. Compl. by M. Fazlullin. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1926. 73 p. (In Tatar)

17. *Tatar pedagogik fikere antologiyase* [Anthology of Tatar Pedagogical Thought]. Vol.1. Ed. By F.M. Soltanov, M.M. Gibatdinov, L.R. Mortazina. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2014. 407 p. (In Tatar)

18. *Tashkyn: ädäbi khrestomatiyä* [Stream: the Literature Chrestomathy. Compl. by C. Burgan, G. Nigmati, F. Amirkhan]. Kazan, 1928. 226 p. (In Tatar)

19. Tutaev M. *Rasvitie narodnogo obrazabaniya v Tatarii* [The Development of the Public Education in Tataria (1917–1940)]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1975. 204 p. (In Russian)

20. *Urta mäktäp öchen ädäbiyat programmasy* [Literature Curricula at School of Secondary Education]. Compl. By G. Nigmati, G. Gali, V. Yafarov]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1933. 18 p. (In Tatar)

About the author: Aliya M. Safina is a Candidate of Science (Philology), Research Fellow, the Center of History and Theory of National Education, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); aliyasafina17@yandex.ru

Документы

УДК 94(470.41)

DOI: 10.22378/he.2018-3-1.168-176

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ТАТАР-ХЛЕБОПАШЦЕВ ЛАИШЕВСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX В. (ИЗ АРХИВА Н.А. ТОЛМАЧЕВА)

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
halida12_61@mail.ru*

В публикации представлены извлечения из путевых заметок, этнографа, доктора медицины Н.А. Толмачева. В них описываются особенности быта и традиционной культуры татар-хлебопашцев Лаишевского уезда Казанской губернии середины XIX в. Большое место в представленных материалах занимают данные о развитии сельского хозяйства и отхожих промыслов татарского сельского населения Заказанья дореформенного периода.

Ключевые слова: татары-хлебопашцы, Н.А. Толмачев, Лаишевский уезд, этнография, традиционная культура

Для цитирования: Багаутдинова Х.З. Материалы по этнографии татар-хлебопашцев Лаишевского уезда Казанской губернии середины XIX в. (из архива Н.А. Толмачева) // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 168–176. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.168-176

В ходе археографической работы в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ) нами была обнаружена рукописная коллекция (личный архив) казанского этнографа и краеведа, доктора медицины Николая Александровича Толмачева (1823–1901). В данной коллекции отложились разноплановые исторические источники по истории, этнографии, фольклору сельского населения, а также материалы по археологии, исторической топографии и нумизматике. В хронологическом плане эти документы относятся к 1840–1890-м гг., а в территориально-административном – их основная часть связана с жителями Казанской губернии.

Среди документов, отложившихся в архиве Н.А. Толмачева, наше внимание привлекли путевые заметки, сделанные автором в 1849–1850-х гг. во время командировки в селения Казанского, Лаишевского, Спасского, Мамадышского и Козмодемьянского уездов Казанской губернии, с целью борьбы с

эпидемией холеры и «оспопрививания». Большой научный интерес этот исторический нарратив представляет по двум основным причинам. Во-первых, он подготовлен в середине XIX в., когда только начинала складываться казанская школа этнографии, и еще не были созданы земские институты, в пореформенный период взявшие на себе основную роль в изучении динамики социально-экономической жизнедеятельности сельского населения региона. В связи с этим путевые заметки Н.А. Толмачева являются одним из немногих сохранившихся источников эпохи, раскрывающие особенности социальной истории людей «плуга и сохи» Казанской губернии в первой половине XIX в. Во-вторых, автор рассматривал события и факты в особом «ракурсе», обращая внимание на данные, которые остались вне научного интереса других этнографов того времени. Данный документ можно выделить из общего источникового комплекса по истории и культуре многонационального крестьянства Среднего Поволжья, и говорить о его уникальном характере. В данной публикации мы представляем вниманию читателей небольшой отрывок из этого документа, посвященный особенностям жизни и традиционной культуры жителей татарской дер. Нижний Тимерлек Лаишевского уезда Казанской губернии (совр. Рыбно-Слободской район РТ).

11 сентября 1850 г.

Деревня Нижние Тимерлики¹ 276 душ м.п. по 9-й ревизии; 2 муллы: один Имамутдин Арасланов, указным муллою 15 лет; прежде был отец, служил муллою 40 лет; в 1833 [году] его сделали указным муллою, в 1835 г. [отец] умер. Его дедушка тоже был муллою. Прадедушка был мурза, имел за Камой крестьян и земли – Араслан-Бек дедушка, прадедушка Исяни, отец Хасан-Бек Арасланов; сам он Имамутдин. Отец его прежде был 10 лет в Ходяшеве муллою². Имамутдин родился там, в 1814 [г.], ему 36-й год. По 10-му году³ пришел с отцом в Нижние Тимерлики. Отец захотел перейти в эту деревню. Ходяшевские мужики просили его не уходить оттуда и плакали. Думает, что отец переселился оттого, что здесь было лучше, но настоящей причины не знает; был тогда мал. Отец просил н[ижне]тимерлик[ских] крестьян принять его, и они взяли его приговором. Дед был богат, отец не богат. Ему жить, ладно, слава Богу, подушно платить поспел, кормить семью поспел. Подушных больно много платил за 5 душ; теперь будет платить за 7 душ: [за] сына и [за] 4 брата. Поучившись у отца в этой деревне, он 18 лет был в Ходяшеве на полгода: так как там было училище (в училище при отце его было до 200 человек, но потом при отце же дом училищный кончал (стар больно был) вновь выстроил дом для училища новый мулла, заменивший отца его. Теперь там немного учеников). Он ходил по своей охоте с согласия отца. Наш школьник будто коза, где сторона много будет, там охота будет ходить. Там учил «Тагалима Тарика», где на одной половине листа алкоран, а на другой слова книги. Больше ничего не учил. Возвратился назад по

---

¹ Совр. с. Нижний Тимерлек (Түбән Тимерлек) Рыбно-Слободского р-на РТ. Здесь и далее примечания составителя.

² Совр. с. Тавели (Ходяшево) Мамадышского р-на РТ.

³ Т.е. ему было 10 лет (в 1824 г.).

приказанию отца и начал учить в училище детей. В Тимерликах училище существует лет 90. (Один старик 52 лет, Абдрахим Бикмухалитов говорил, что когда он учился, то было до 40 и более учеников (В Верхних Тимерликах нет и не было училища), 3 года учил до смерти отца и после его смерти. Тут дом разрушился в 1841 году, и теперь отстроили новый дом. Дом готов, только нет печей. Строили на общественный счет деревни Нижний Тимерликов. Городили 4 года тому назад мазары⁴ по приказанию Волостной большой конторы. Купили на 70 р. лесу. Осталось 55 лишних бревен после городьбы⁵. Их отдали на училище. Плотники были свои деревенские, работавшие по охоте даром. Строили дом 2 года; ведь мирское дело – скоро не кончают. Печки – старик один здешний деревенский, делающий кирпичи приготовил кирпичи коп. 20 за сотню. Месяца через 2 дом поспеет. Летом – страдное время было; некому было работать. Теперь учит в своем доме. Учится у него человек от 60 до 70 ежегодно. Самой старейшей девке 17 и 20 лет; самому старому [юноше] 15 лет, самым молодым 5 и 6 год⁶. На дому учатся вместе и девочки, и мальчики; в училище только мальчики и уже более старые до 15 лет. Девки учатся на дому муллы, у жены его. На дому писать не учат, ходят только читать. В училище учат читать и писать, Алкоран (мулла говорил, что Алкоран писал по-татарски, фарский язык⁷, кто пожелает и румский язык⁸). На фарском языке имеет книгу «Як хикаять», «Хамдубихат» «Га(у)мдател-ислам» «Дюрремазалеса». Эти книги читать может, а прочие не знает, не поймет, неучивши. Румских книг не имеет, читал только одну книгу, не помнит какую. На татарском [языке] у него есть: «Шархевикая» (книг много до самой смерти не выучить), «Дзямигыр-румуз», «Субател-гаджизин», «Сейфулмулюк», «Изигес-сала», «Таглим сала», «Муния», «Сагалюк», «Халаби», все писанные⁹. Ребята учат Алкоран, Субател-гаджизина, Юсуфа, Сейфулмулюка, и едва ли что еще сверх того; более всего учатся богослужению. Жалованья никакого нет; платят подушные (хорошо бы если б выключили из подушных, Арасланов говорит, слышал что есть указ об исключении указных мулл из подушного оклада) за 5 душ от 8–11 руб. с души в половину. Подушные платят в деревне Лрбаше¹⁰ Казан[ского] уезда. На мирские расходы 5 р. с души в год подводы гоняют и прясла городить¹¹ мир, за землю которого пользуется в деревне Лрбаш. Начальника сам[им] нанимать. С 10 душ в год выбирается начальник. Очередь выбирать начальника на десяток душ приходится лет чрез 10–15 лет. 15 лет тому назад с 3 братьями заплатил за начальника 4 целковых¹² и с

⁴ Кладбище.

⁵ Уст. – ограда, забор.

⁶ Так в документе.

⁷ Персидский язык.

⁸ Книги, написанные на кириллице.

⁹ Рукописные книги.

¹⁰ Здесь и далее написано Лрбаш. Возможно совр. с. Арбаш Балтасинского р-на РТ.

¹¹ Уст. – огораживать жердями.

¹² Народное название рубля, обычно неразменного, одной серебряной монетой или бумажной купюрой.

тех пор с него не спрашивали. В Лрбаше десятников и помощников [у] начальника нет; деревня небольшая: 102 души. Выбирают на год. 3 октября учительный дом готов. За целковый печь готова. Мулла ожидает учеников и объявляет, что готов заниматься с ними утром, когда и целый день.

В Н. Тимерликах выбирает выборных мир на год, и выборный волею или неволею должен служить.

Обязанность: 1) подводы гонять; 2) мирские расходы: когда приедут чиновники, готовить свечи, кормить, готовить квартиры, гонять подати; когда приедет старшина, когда оспенник¹³ придет приказать десятнику доставить ему детей, которых тот потребует, собирает народ на сход, приводит к начальнику людей, которых требуют. Десятники служат только по одному дню. В деревне 3 десятника. Они наряжаются по очереди. С семейства, состоящего из одной души должен быть выставлен при наступлении очереди на одни сутки десятник. С семейства из 2-х душ – на два дня, из 3-х на 3 дня, 4-х на 4, 5-ти на 5, 6-ти на 6 и т. д. Они все подчинены выборному. Выборный распоряжается десятниками, выполняют его приказания, приводят людей по требованию, ходят за припасами и т.д.

Начальник должен безотлучно находиться в селении. Если бы случилась надобность отлучиться, то за него исправляет должность ближний родственник.

В одном поле и втором по 3 батмана¹⁴; в 3-м поле 5 батман. Хозяин сеял на 7 душ: 20 батман[а] ржи. Снял 70 телег¹⁵. Из телеги вышло батмана 2. Ярового не сеял. Греча родится иные годы – иные годы бьет ее мороз. Овес всяко родится. Нынче хорошо родился. Полба хорошо родилась. Пшеница плохо ныне родилась. Прошлый год хорошо родилась. Из пудовки¹⁶ гороха взял ½ пудовки. Ячмень в поле сеяли, но ничего не родилось. Репу не сеют. Просо 1½ пудовки сеял с батман взяли. Мулла Валишев сеет на 2 души и на своей чищобе¹⁷ 70 пудовок 7 батман, взяли 23 телеги; из телеги вышло 8–7 пудовок (прошлый год тоже 8 пудовок; 3-го года 4 пудовки (нынешний год сеял 70 пудовок)). Ярового сеял на 2 души 1½ пуд[а] проса, 5 пудовок гречи. Телег вышло 7, пудовок 6 или 7 из телеги. Пшеницы 5 пудовок сеял, взял 2 пудовки. Ячменя десятину 5 пудовок, ничего не взял. Гороху 2 пуда сеял, взял ½ пудовки. Конопля 2 пуда – взял 4 пудовки. Льну сеял 2 пудовки – взял 4 пудовки. Морковь не сеял. Картофель 3 пуд[овок] сеял – взял 12 пудовок. Огурцы в каждом дворе садили; капусту садили в редком дворе.

Без лошадей ...¹⁸ Без коров ... без овец ...

---

¹³ Т. е. оспопрививатель.

¹⁴ В конце XIX в. в Казанской губернии батманом называлась мера зернового хлеба в 4½ пуда. В той же Казанской и Оренбургской губерниях батманом называлась мера золы в 10 четвериков.

¹⁵ Собственный вес такой телеги составлял 250–300 кг, размеры – примерно 2,5×1,5 метров.

¹⁶ Мера в пуд веса.

¹⁷ Место, очищенное от леса.

¹⁸ Здесь и далее троеточие.

Хозяин мой прежде был торговый человек, торговал красным товаром¹⁹ на базарах в Рыбной Слободе, Тюлецах, Кодрякове. Но в последние годы торг перестал приносить выгоды. Он бросил его и занялся .... ульев; в деревне есть в 15 дворах, у хозяина 56, у одного 10 ульев, у одного 4–5; всего 60 или 80 ульев, у Абдрахмана 12 ульев, у муллы 18. (В лесу)²⁰–8 молодых нынешнего года. Мулле Валишеву лесу дуб и мелкий орешник. Дрова свои, но продавать нельзя. Орехов собрано во всей деревне пуд 1000. Старый мулла набрал до 50 пуд (охотник больно собирать). Остальные по 40–30–20 пуд. Когда их родится много, то один человек соберет пуд, 10 человек семейства тогда собрали 70 пуд.

Дрова дубовые рубят. Липа есть, в очень малом количестве ... есть бедные сами собирают. Нищих и работников нет. Портные ходят к ним из Казаклар²¹, Токбулат²² ... человек 2–3–5. Сапожники, нет. Овчинник, есть. Стекольщиков, печников нет. Во многих дворах мастера делать дуги. В Тюлячах самоваров около 20, перин в каждом дворе около 5. Иногда приходят и верховые. Лошадей 300. Коров 300, овец 200. Гусей, уток 1000. Его держат за тем, что татарам нужны перины.

2-й мулла Ибятулла Валишев. Отец его был н[ижне]тимерлик[ский] крестьянин. Учился сначала у нынешнего муллы Арасланова лет 10, потом [в] Мамад[ышевском] уезде в деревне Сатышевой²³, где есть хороший мулла и училище. Он получил позволение²⁴ вместе с Араслановым в 1836 г., в Духовном собрании. Арасланов ездил в Уфу (500 в[ерст]), прожил неделю. Его часа 2 экзаменовали из Богослужения, Алкорана, спрашивали, знает ли фарс? Когда сказал: знает, то спросили 1 или 2 имени. Рум не спрашивали.

Духовное Собрание состоит из председателя муфтия, старшего заседателя с левой стороны; 2-го и 3-го с правой, секретаря и переводчика и большой канцелярии (Зерцало). Собрание помещается в доме Муфти[я]. Все 3 заседателя выбираются из Казанской губернии на 3 года; Муфти[й] выбирается из мулл Оренбургской губернии. Один из нынешних заседателей мулла из деревни Малой Илчи Лаишевского уезда²⁵, выбран на 2-е трехлетие Габдулзябар. Выбирает их Казанское губернское правление. Муллы Лаишевского, Казанского, Мамдышского и прочих уездов собираются в декабре в земских судах своих уездных городов и выбирают из каждого уезда по 3 муллы, которые отправляются в Казань. Там из них выбирают Губернское правление заседателей. Прошедший раз Арасланов был в Лаишевском земском суде в декабре. Было 50–55 мулл. Выбрали шарами мулл Малой Илчи²⁶, Салтана и Янтыкского²⁷. Они уехали. 3 эти муллы остались. Земский суд отправил их в Казань.

¹⁹ Уст.– ткани, мануфактурные товары.

²⁰ Так в тексте.

²¹ Совр.с. Казаклар Тюлячинского р-на РТ.

²² Совр. д. Иванаево (Иванай, Туплат) Рыбно-Слободского р-на РТ.

²³ Совр. с. Сатышев (Сатыш) Сабинского района РТ.

²⁴ Т. е. утвержденный.

²⁵ Совр. с. Малая Елга (Кече Елга) Лаишевского района РТ.

²⁶ Правильно: Малая Елга.

²⁷ Совр. деревни Лаишевского района РТ.

Багаутдинова Х.З. Материалы по этнографии татар-хлебопашцев Лаишевского уезда Казанской губернии середины XIX в. (из архива Н.А. Толмачева)

Валишев получивши в декабре 1835 г. согласие Дух[овного] собрания и в 1836 г. указ Каз[анского] губ[ернского] правления, он учил детей в училище деревни Сатышевой 13 лет. Из дер. Сатышевой определен муллою в Н. Тимерлики в 1848 году. У него теперь учится человек 40. Он, по примеру кучера муллы собирается учиться сам русскому языку в училище в Коробоянах²⁸. Лаишевские мои знакомые Юнг и другие предлагали мне съехаться с ними сегодня у помещика Толстого в дер. Мурасе²⁹. Уг[рафа] Т[олстого] оркестре 30 музыкантов. Сегодня день его рождения... – Но я болен, 4-го дня выехав из Кодряково³⁰, уснул дорогою под маленьким дождем, с испорченными арбузами желудком: получил насморк, осиплость голоса. Днем на другой день чувствовал себя порядочно. Вечером худо; на 3-й вечер еще хуже. Вчера в 2 часа ночи выехал из ВерхнихТимерликов в Нижние. Спал плохо. Встал сегодня с сильным насморком, маленьким кашлем, чувствовал себя дурно, принял об унца³¹ горькой соли. День работал. Теперь 10 часов вечера не слабило; нет вкуса, почти 1-й раз как запомню.

Валишев мухтасип. Прежде они были благочинные, гуляли в уезде, собирали оспенные ведомости (теперь собирает их Лаишевский уездный лекарский ученик М. Степанов).

Хлеб и озимый и яровой плох. Каждая душа засеивает в одном поле 2 батмана (8 пудовок), в другом 5–6 пудовок (Выборный говорил, что об этом надобно спрашивать стариков, что он молод; ему только 30 лет).

Доходы муллы. За то чтоб поставить имя дает сколько сила позволит. 10–15 коп. ассигнациями, богатый и 10 коп. серебром; за свадьбу с 200 р. ассигнациями 2 р. сер., 1½ р. сер., нищий 1 р.; но в пользу Собрания, в казну требует за каждое венчание 30 копеек; за похороны всяко платит, часто ничего не берет. В Рамазан байрам каждый человек и малый и большой и новорожденный и наличный дает 10–12 ф[унта] ржи. Мулла, смотря по базарной цене, назначает количество ржи.

В Курбан-байрам режут барана, овцу, козу, корову. Баран, овца и коза не делят: оставляется для одного человека. Корова делится на 7 частей. Мулла читает молитву во всех домах, даже и в тех, где перерезали Курбан. За это дают 2–4–10 копеек. 1-й день, как зарежет корову, кожу относят к мулле. Махан (мясо) варят и ашают³², приглашают муллу, азан[ч]е, соседей разных и [из] чужой деревни. По пятницам иные женщины носят чашку муки. Учит мулла даром. Родители, если захотят, дают мулле то, что есть. Принесут, не благодарит. Силою не просит.

Азана³³ указного нет; прежде был Азан давно; теперь кричит мулла и некоторые старики.

---

²⁸ Совр. д. Карабаян Тюлячинского района РТ.

²⁹ Возможно совр. с. Мараса (Рус Марасасы) Алексеевского р-на РТ.

³⁰ Совр. д. Кадряково Рыбно-Слободского района РТ.

³¹ Единица измерения.

³² Т.е. кушают.

³³ Т.е. азанчи.

Мечеть старая, не помнят, когда ее строили. Строил ее Исмаил Галеич, здешний крестьянин, записавшийся в Чистопольские купцы, а потом в Арские мещане. Дрова – доставляет мир по очереди. Свечи ставят богатые люди, одну – пять, десять и т.д. Мечеть на замок не запирается. Там есть только палас, который стелют на пол. Некоторые старики оставляют там чалмы. Украсть в мечети нечего. Денег не держат.

Луга Н. Тимерлика на Каме. На душу приходится 20–25 копен. Луга делят оба Тимерлика жеребьями, положенными в шапке. На душу приходится копен 20. В деревне есть мечеть двухэтажная, деревянная, нижний этаж пустой, без окон, он стоит обыкновенно без всякого употребления; один год только, когда не было магазина³⁴, в нем ставили рожь. Минарет мечети двухэтажный, поставлен на середине конька крыши мечетевой; нижний каждый этаж его покрывает крыша крутая коническая.

Дом, в котором я остановился, был против мечети двухэтажный, в каждом этаже две избы, разделенные холодными сенями: внизу живут зимою. Вверху одна изба холодная, другая с печью. Устройство ее.

Высота сажень: едва достаю руками потолок; ширина и длина 10 моих шагов. Дом довольно прочен. Стены бревенчатые, внутри комнаты, обтесанные в под одну плоскость, и проконопачены. Доски потолка сколочены под одну плоскость глаже, чем стены и без больших щелей. Пола ровные, щели между досками небольшие. Поперек досок потолка идет поддерживая их балка 4-х угольная с обтесанными углами. Все стены и потолок значительно закоптили (староста деревни 45 л[ет] от роду говорит, что дом стоит 40 лет). Нары в этой комнате у левого переднего угла вышиною 9 вершков, длиною 11, шириною 9 четвертей. Состоит из полрамы, составленной из двух брусьев, вышиною 3-х вершков, шириною 2-х вершков, сходящихся под прямым углом. Угол соединения брусьев поддерживает толстая ножка, врубленная в пол и раму; а концы брусьев уперты в стену как то, так и другое на высоте 1½ четвертей; между брусьями и стенами настланы поперечно 9 четвертному размеру рамы доски. Окон в стене противоположной входу два, право (от входа) 3, левой (с печью) одно. Окна от полу отстоят на 15½ вершков, от потолка на 1 аршин 1 вершок, высота аршин и 2 в., ширина 10 вершк[ов]; глубина 5½ вершков.

Правое окно стены противоположной двери, которую буду называть переднею³⁵, отстоит от правой стены на 1½ аршина; левое, от левой стены 2 аршина; пространство между окнами 6 четвертей с вершком.

Переднее окно правой стены отстоит от правого переднего угла на 6 четвертей; 1-й простенок 3 четверти с вершком, 2-й 3 четверти и 2 вершка; расстояние от 3-го окна до заднего правого угла – 1 аршин 2 вершка. Расстояние окна левой стены от левого переднего угла 9 четвертей, от печи 6 четвертей; печь соединяется с заднею стеною низенькою перегородкой, которая имеет впереди в высоту аршин и в ширину и в длину ¾ аршина, в которой помещается котел 8½ вершков в диаметре и ¼ аршины глубины; за этим ¾ аршина тотчас за котлом приставка возвышается на 1 вершок; чрез 2 четверти возвы-

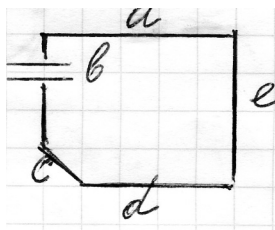
³⁴ Здесь применяется в смысле складского помещения.

³⁵ Подчеркнуто в документе.

шается уступом еще на вершок и суживается немного, чрез четверть аршина еще возвышение на 2 вершка уступом и на этой высоте простирается уже до левой стены.

Лес в стенах, потолке и полу сосновый; в косяках дубовый. Полки внутри дома имеют 2 в[ершка] ширины, но приближаясь к раме становятся шире почти на полвершка. Форма их, приноровленная к зимним рамам и такова, как вообще в здешних местностях. Рамы тоненькие, липовые, черные от копоти, 6-ти стекольные. Длина и ширина стекла 5 вершков, ширина поперечников рамы $\frac{3}{4}$ вершка. Стекла дурного разбора, местами совершенно тусклы (нечистые). 2 или 3 стекло разбиты и заткнуты тряпьем. Кошка, лепясь снаружи дома проталкивает тряпицу одного из стекол в комнату, и влезает чрез разбитое окно.

Печь полуголландская. Главная ее форма, которую сочинитель ее хотел показать посетителю – формы 5-ти сторонней призмы такой формы.

Ее бок $a=7$ четвертям, $b=10$ вершкам, $c=15$ вершкам, $d=9\frac{1}{2}$ вершк[ам]; $e=6$ четвертям. Расстояние ее от левой стены 1 аршин. Высота ее = 3 аршин; от потолка отстоит вершка 4 или 5.

Отверстия для топки в стене b от полу $\frac{1}{2}$ аршина, длины и ширины $\frac{1}{2}$ аршина. На $2\frac{1}{2}$ вершка от нее начинается карниз, имеющий $\frac{1}{4}$ аршина вышины; за тем идет вверх ровная плоскость, продолжение плоскости ниже карниза, оканчивающееся карнизом $1\frac{1}{2}$ четвертей высоты. В стене выше и ниже карниза сделаны полуовальные ниши: верхний $5\frac{1}{2}$ в[ершка] вышины 14 в[ершка] и глубины $\frac{1}{4}$ аршина, а нижний высоты 12 в[ершка], ширины 6, глубины $\frac{1}{4}$ аршины. Стена d ровная и выше и ниже карнизов. В стене e выше карниза стены d и возле этой последней вьюшка с заслонками. В расстоянии $\frac{1}{4}$ аршина от стены d сейчас за вьюшкой сделана надбавка в $\frac{1}{4}$ аршина глубины, идущая до самой задней стены.

К стене a , отстоящей на $\frac{3}{4}$ аршина от задней стены сделана низкая пристройка на $\frac{3}{4}$ аршина вышины, в которой помещается чугунный котел, потом возвышающаяся уступом и описанная выше печь.

От печи к передней стене идет веревочка. На ней висят полотенца с красными концами, ковер и мужские полукафтаны. Вдоль передней стены над окнами висит шест. На нем мужские полукафтаны, платок маленький с длинными кисточками (т.е. бахромы) и т.д. У правой стены в 1-м простенке зеркало 10 в[ершков] длины и 6 ширины в раме подделанной под цвет красного дерева, простой прежней работы.

В заднем правом углу красный шкаф с стеклянными дверцами с посудой, поставленный на шкафчике с простыми белыми дверцами и дурными желез-

ными шарнирами. Вышина их $\frac{1}{2}$ аршина или 10 вершк[ов] не достигает потолка, ширина ....

В верхнем шкафе всего 4 полки.

В метрики калым записывается при каждом венчании: 200 р. – отдано вдруг³⁶; 200 р. – из них 100 отданы, 100 в долгу; 300 р. – 100 отданы, 200 в долгу и т.д.

Надобно посмотреть, как записывается развод.

Источник: ОРПК НБ КФУ, ед.хр. 4107, л. 5–8. Архив проф. Н.А. Толмачева. Путевые заметки по Казанской губернии (Казанский, Мамадышский, Лаишевский и Спасский уезды), сделанные в 1849–50-ые годы.

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

MATERIALS ON ETHNOGRAFY OF TATAR PLOUGHMEN OF LAISHEV COUNTY OF KAZAN PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY (FROM N.A.TOLMACHEV'S ARCHIVE)

Kh.Z. Bagautdinova

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
halida12_61@mail.ru*

The publication presents extracts from ethnographer, doctor of medicine N.A. Tolmachev's travel notes, characterizing the peculiarities of everyday life and traditional culture of Tatar of the Laishev county of the Kazan province of the mid-19th century. The presented materials contain a considerable amount of data on the development of agriculture and tailing trades of Tatar rural population in the Trans-Kazan region during the pre-reform period.

Keywords: Tatars, grain-growers, N.A. Tolmachev, Laishev county, ethnography, traditional culture

For citation: Bagautdinova Kh.Z. Materials on Ethnografy of Tatar Ploughmen County of Kazan Province in the Middle of the 19th Century (from N.A.Tolmachev's Archive). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 168–176. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.168-176

About the author: Khalida Z. Bagautdinova is a Research Fellow, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

---

³⁶ Т.е. полностью во время *никах*.

Новые книги

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/he.2018-3-1.177-182

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАЗАНЬЯ

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ishakovist@gmail.com*

В публикации представлен обзор коллективной монографии, подготовленной сотрудниками отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, посвященной истории жителей татарских деревень Арского района Республики Татарстан (Старый Ашит, Старый и Новый Кинер, Мамся, Ташкичу). В статье подчеркивается большое значение книги в изучении истории татарского сельского населения Северного Заказанья, а также в восстановлении неизвестных страниц биографий видных татарских деятелей религиозного и культурного просвещения.

Ключевые слова: Ашитский джиен, Заказанье, татары-хлебопашцы, Ш. Марджани, историческая топография

Для цитирования: Исхаков Р.Р. Новое исследование по истории татарского сельского населения Заказанья // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 177–182. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.177-182

Одним из важных направлений в исследовании татарской истории является изучение отдельных татарских населенных пунктов. В дореволюционный период татары были преимущественно сельским народом, поэтому обращение к истории татарской деревни позволяет понять особенности формирования их быта, традиционной культуры, хозяйственной деятельности и менталитета. Без изучения этой темы нельзя осмыслить «культурный код» народа, оценить и проанализировать сложные этносоциальные процессы, протекавшие в прошлом внутри татарского общества. Не секрет, что в современных условиях постиндустриального общества идет процесс разрушения аграрного уклада жизни, усиливается процесс урбанизации, что ведет к исчезновению большого количества деревень, жители которых являются главными хранителями традиций, языка и этнической культуры. В этих условиях изучение и популяризация истории отдельных населенных пунктов должно способствовать их сохранению, росту конкурентоспособности в новых социально-экономических и

культурных условиях, а также усилению у местных жителей интереса и гордости к своей «малой родине».

В рассматриваемой работе [1] применена концептуально новая методика репрезентации исторического прошлого татарской деревни. Авторы коллективной монографии, отказавшись от закрепившихся в историографии подходов, сводящихся к ретроспективному анализу истории отдельных населенных пунктов или селений входивших в определенную административно-территориальную единицу (волость, уезд, район), поставили цель рассмотреть в одном исследовании куст населенных пунктов, объединенных общими родовыми (джиенными) связями и происхождением. Это позволило избежать «локализации» истории и способствовало комплексному рассмотрению социокультурного развития жителей селений Ашитского джиена (деревни Старый Ашит, Старый и Новый Кинер, Мамся, Ташкичу Арского района Республики Татарстан). Такой подход дал возможность проследить динамику социальных, экономических и культурных процессов, сравнить особенности их протекания в отдельных населенных пунктах этого куста, проанализировать влияние внешних факторов на жизнь близкородственных поземельных общин в дореволюционный период.

Монография построена на основе проблемно-хронологического принципа, состоит из предисловия, четырех глав, заключения, приложения и научно-справочного аппарата.

Первая глава посвящена ранней истории деревень Ашитского джиена. Здесь рассмотрены особенности заселения этого региона татарами, формирование поселенческой структуры, дан анализ эпиграфического наследия данной территории. При реконструкции древней истории авторы использовали широкий круг источников, в том числе материалы фискального и статистического учета, шеджере (родословные), исторический нарратив и народные предания. Это позволило достаточно полно и фундированно рассмотреть историю возникновения деревень, оценить этнокультурные явления, связанные с взаимодействием народов края, показать социальный статус местных жителей. В статье Р.Р. Салихова убедительно и аргументированно показано, что татарские селения Мамсинской и Больше-Менгерской волости будущего Казанского уезда Казанской губернии начали формироваться в конце XVI – начале XVII вв. Все они были связаны общим происхождением и вели свое начало от деревень, существовавших в период Казанского ханства, от родов и династий, известных еще в золотоордынскую эпоху. Само «материнское» селение Ашитского джиена – Старый Ашит, по мнению автора, было основано выходцами из деревень Старый и Большой Менгер. На новом месте татарские переселенцы вступили в интенсивное этнокультурное взаимодействие с местным финно-угорским (марийским) населением, частично ассимилировав его. Весьма интересны выводы об изменении социальной стратификации местного населения в XVIII в., связанные с целенаправленной политикой государства по социальной и конфессиональной унификации нерусских народов Среднего Поволжья.

Дополняют и подтверждают данные Р.Р. Салихова материалы исследования А.И. Ногманова, в котором проанализированы русскоязычные источники XVI–XVII вв. по истории Северного Заказанья. Ученый пришел к выводу,

что возникновение татарских селений в бассейне р. Ашит было связано с покорением Казанского ханства Москвой и началом государственной колонизации Среднего Поволжья во второй половине XVI столетия. Вытеснение татарских феодалов с ранее обжитых земель привело к миграции и освоению ими слабозаселенных районов северного Заказанья. Изучение писцового описания Казанского уезда 1602–1603 гг. привело автора к выводу о том, что территории Алатской дороги, располагавшиеся севернее дер. Кошар, в начале XVII в. еще не были заселены татарами. По крайней мере, служилыми татарами, так как сохранившиеся источники дают информацию главным образом об этой части татарского населения. Тем не менее, первое десятилетие XVII столетия стало важным рубежом в истории татарских селений региона, а писцовое описание 1602–1603 гг. дало мощный импульс заселению и освоению бассейна р. Ашит. По данным А.И. Ногманова впервые в русскоязычных документах селение Ашитского джиена («починок на пустоши за Ашитом») упоминается в 1614 г. в дозорных книгах Юрия Змеева.

В статье А.М. Гайнутдинова представлены ценные материалы, собранные во время эпиграфического обследования татарских кладбищ Северного Заказанья. Они позволяют уточнить время появления на данной территории тюрко-татарского населения, а также установить годы жизни знаменитых жителей населенных пунктов. Исследователь отмечает, что наиболее старые надмогильные камни (XIV–XVII вв.) сохранились в Старом Ашите. Это подтверждает особый «материнский» статус селения и его древнее происхождение. Другое важное обобщение автора – отсутствие на местных кладбищах надмогильных памятников XVIII в., что объясняется им сложным социально-экономическим положением жителей, вызванным в частности политикой массовой христианизации татар.

Вторая глава работы, подготовленная Х.З. Багаутдиновой, посвящена социально-экономическому развитию деревень Ашитского джиена в XIX – начале XX вв. В данном разделе рассмотрены социальный состав и демографическое развитие, организация жизнедеятельности и общественный быт, земледелие и хозяйственная культура, торговля и промыслы татар-хлебопашцев. Глава опирается на обширный комплекс опубликованных и архивных документов, позволивших автору описать в деталях разноплановую картину жизни, специфику трудовой деятельности, общинные традиции, социальный состав и численность местного населения. При анализе социальных и демографических процессов XIX – начала XX вв. Х.З. Багаутдинова использовала материалы государственных ревизий (1795, 1816, 1834, 1858 гг.), подворных переписей, Всероссийской переписи населения 1897 г. Это позволило на конкретном статистическом материале проследить изменения, происходившие в социальном, этноконфессиональном и численном составе селений Ашитского джиена на протяжении более чем столетия. К сожалению, в монографии не представлены статистические данные более раннего периода (материалы государственных ревизий XVIII столетия), что не дает возможности проанализировать социальные, этнокультурные и демографические процессы в более широком хронологическом разрезе.

Большое место в главе уделено рассмотрению института поземельной общины у татар-хлебопашцев Заказанья. Данная проблема довольно слабо разработана в историографии, между тем община играла важную роль в жизни татарского сельского населения, была основной ячейкой сельского самоуправления и значимым элементом культурно-религиозной автономии татар Среднего Поволжья. Исследование механизма функционирования татарских сельских обществ, изучение взаимодействия крестьян в их рамках, применения норм обычного права и их соответствия нормам шариата (мусульманского права) и имперского законодательства, позволяет расширить представления о социальных основах жизнедеятельности татар-хлебопашцев в дореволюционное время, оценить роль этого института в формировании норм поведения, хозяйственной культуры и менталитета сельских обывателей.

Другой важный аспект жизни населения Ашитского джиена, рассмотренный Х.З. Багаутдиновой – особенности их трудовой деятельности. Представленные автором материалы дают богатую пищу для изучения социальных изменений в татарском обществе под влиянием «духа капитализма» и перехода от натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям в деревне. В чем причина высокой социальной мобильности и предприимчивости местных жителей, большого количества представителей татарского торгового и промышленного буржуазии, выходцев из этих населенных пунктов? На эти вопросы автор дает развернутый ответ.

Селения, входившие в состав Ашитского джиена, традиционно являлись крупными центрами татарского просвещения и мусульманской образованности. Достаточно сказать, что судьба многих видных татарских педагогов, просветителей, богословов, литераторов (М. Гумеров, А. Оруви, Ш. Абдулкадыр, Б. Субхан, Ш. Марджани, С. Марджани (Багаутдинов), М. Галяу и др.) была тесно связана с историей этих населенных пунктов. Вкладу этих деятелей в развитие татарской культуры, истории школьного и религиозного просвещения, посвящена третья глава книги, подготовленная Э.К. Салаховой. Здесь же приводятся биографии известных представителей местного мусульманского духовенства дореволюционного периода. В основу исследования легли татароязычные источники, в первую очередь исторические хроники выдающихся ученых и богословов Ш. Марджани и Р. Фахретдина. Автор подробно и основательно освещает духовную жизнь местного населения, приводит данные о функционировании культурно-религиозных институтов татар-мусульман этой историко-культурной области: конфессиональных учебных заведений (mektebe и медресе), мечетей и махаллей (религиозных общин). Э.К. Салахова приходит к выводу о важной роли этих населенных пунктов в становлении татарского просветительства и развитии татарской «высокой» культуры в XVIII – начале XX вв.

В завершающей главе издания, подготовленной Е.В. Мироновой, рассмотрены сферы и направления, по которым в XIX – начале XX вв. происходило непосредственное взаимодействие татарского населения с органами власти и управления. Это продовольственный вопрос и налоги, деятельность земства в сфере образования татарского населения, медицинская помощь и пожарная безопасность, мероприятия властей по пресечению волнений и антиправительственных выступлений татар-хлебопашцев. Основное внимание в разделе уде-

лено периоду второй половины XIX – начала XX вв., когда в результате Великих буржуазных реформ окончательно сложилась модель управления государственными крестьянами, усилился процесс административной и культурно-языковой интеграции татар в имперскую систему России. Политико-административные трансформации оказали существенное влияние на социокультурное развитие сельских жителей, во многом определив векторы общественно-политического и национального развития татар в пореформенный период. Е.В. Мироновой удалось рассмотреть узловые проблемы взаимоотношения татар-хлебопашцев и органов власти, оценить неоднозначный характер государственной политики в отношении данной группы населения.

Коллективная монография снабжена приложением, в котором представлены архивные и полевые материалы, знакомящие читателя с первоисточниками, ранее не введенными в научный оборот. Среди них предание (риваят) об основании дер. Ташкичу, извлечения о численности мечетей, духовных лиц и прихожан Казанского уезда (1865 г.), описание селений Мамасинской волости (1872 г.), вакуфнаме (завещание), прошения, представления, отношения, рапорты и другие делопроизводственные материалы, освещающие различные аспекты социальной и культурной истории селений Ашитского джиена.

Академический характер изданию придает наличие развернутого научно-справочного аппарата. Особо хочется отметить карты, представленные в работе (составители В.Р. Тихонова, А.И. Ногманов, Э.К. Салахова). Они наглядно иллюстрируют поселенческую структуру Заказанья в конце XVII столетия, а также родственные связи жителей Ашитского джиена на рубеже XIX – начала XX вв. Необходимо отметить, что разработка карт, реконструирующих историческую топографию региона и родовые связи татарского сельского населения, требует привлечения широкого круга исторических источников, проведения комплексных полевых экспедиций, а потому само по себе является большим научным результатом и достижением.

Подводя итог, отметим, что авторами и редколлегий рецензируемого издания было проведено большое многоплановое исследование, дающее общее представление об истории селений Ашитского джиена в дореволюционный период. Как по объему привлеченного фактологического материала и содержанию, так и в методологическом отношении коллективная монография представляет большой научный и практический интерес. Книга будет интересна широкому кругу читателей, в том числе ученым историкам, этнографам, культурологам, краеведам, всем тем, кто интересуется историей татар Заказанья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История селений Ашитского джиена Заказанья / под ред. А.И. Ногманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 240 с.

Сведения об авторе: Исхаков Радик Равильевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина 7А, Казань, Российская Федерация); ishakovist@gmail.com

**A NEW STUDY ON THE HISTORY OF TATAR RURAL
POPULATION OF TRANS-KAZAN REGION**

R.R. Ishakov

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ishakovist@gmail.com*

The paper presents an overview of the collective monograph prepared by the staff of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Republic of Tatarstan at Sh. Mardzhani Institute of History of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences. The monograph is dedicated to the history of Tatar villages inhabitants in the Arsk District of the Republic of Tatarstan (Old Ashit, Old and New Keener, Mamsim, Tashkich). The article highlights the great importance of the book in studying the Tatar rural population of the North Trans-Kazan region, as well as in the restoration of unknown pages from the biographies of prominent Tatar figures of religious and cultural enlightenment.

Keywords: Ashit jien, Ordering, Tartar bread-bred, Sh. Mardzhani, historical topography

For citation: Ishakov R.R. A New Study on the History of Tatar Rural Population of Trans-Kazan Region. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 177–182. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.177-182

REFERENCES

1. *Istoriya seleniy Ashitskogo dzhiena Zakazan'ya* [The History of the Village of Ashit Djien]. Ed. by A.I. Nogmanov. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the TAS, 2017. 240 p. (In Russian)

About the author: Radik R. Iskhakov is a Candidate of Science (History), Head of the Center of History and Culture Tatar-Kryashens and Nagaibaks, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation) ishakovist@gmail.com

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ З.А. МАХМУТОВА
«ИСТОРИЯ ТАТАР АСТАНЫ (XIX – НАЧАЛО XXI В.)»**

Т.В. Кошман

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан
tatyanakoshman@mail.ru*

«История татар Астаны (XIX – начало XXI в.)» – первая попытка комплексного исследования формирования и развития крупной группы татар на территории Центрального Казахстана, в городе Астане. В современных условиях развития миграционных процессов и существования независимых государств интерес к истории отдельных этнических групп, проживающих в иноязычном окружении достаточно велик.

Впервые в рецензируемой работе в научный оборот вводятся разнообразные по характеру и информативности документальные материалы. Астана сегодня достаточно крупный мегаполис с пестрой этнической составляющей. Унификация народных обычаев, сокращение использования родного языка, ослабление интереса к национальной культуре, актуализирует тему исследования. В монографии содержится большое количество фото-материалов из архивных и частных коллекций, используются сведения архивов и полевых работ, что повышает научную значимость монографии.

Ключевые слова: татары, этническая группа, Астана, этнокультурные объединения, татарский образовательный культурный центр, материальная культура

Для цитирования: Кошман Т.В. Рецензия на книгу З.А. Махмутова «История татар Астаны (XIX – начало XXI в.)» // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 183–187. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.183-187

В современных условиях развития миграционных процессов и существования независимых государств интерес к истории отдельных этнических групп, проживающих в иноязычном окружении достаточно велик. По данным Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. численность татар в Астане составила 8970 человек [1, с. 4]. Город быстро растет, уходят те, кто является носителем исторических знаний, наблюдается потеря этнокультурных традиций. Достаточно сложно сегодня выделить роль той или иной этнической группы, которая бы не внесла свой вклад в становление и развитие города. Этот вопрос не стоял перед автором, который попытался представить татарскую общину как неотъемлимую часть истории Астаны на протяжении практически двух столетий.

Исследование татар Казахстана до недавнего времени имело фрагментарный характер, связанный, очевидно, с тем обстоятельством, что изучение отдельных этнических групп Казахстана не являлось приоритетной темой исследований. Можно перечислить опубликованные работы, в которых даны

краткие биографии татар Астаны: «Татары на севере Казахстана (история и современность)» [2], «Татары в Казахстане: энциклопедический словарь» [7], книга З.А. Саяповой «Тан» – время рассвета» [6]. Конечно, стоит назвать работы самого З.А. Махмутова «Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность» и «Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы», которые в большей степени посвящены истории, этническому самосознанию, языковому поведению, этнокультурным процессам в изучаемой группе на территории Северного Казахстана [3; 4]. Некоторые аспекты изучения татар присутствуют в публикациях на страницах периодической печати. Вопросы обычно касается отдельных сторон истории татарского купечества и предпринимательства, просветительской работе татарских мулл, некоторых аспектов материальной культуры.

Монография Зуфара Александровича Махмутова [5] является существенным вкладом в изучение этнокультурных процессов в современном Казахстане на примере одного отдельно взятого города, в котором татары занимают достойно место на протяжении достаточно большого периода. Исследование заложило основы исследований для дальнейшего изучения представителей этнических групп в местах компактного проживания вдали от этнического ядра.

Автор предпринял попытку комплексного изучения жизнедеятельности татар в условиях дореволюционного развития Астаны, их вкладе в строительство значимых городских объектов, в содействие развитию образования в крае, а в последующем их участие в строительстве новых объектов Целинного края и новой столицы Казахстана.

Структура книги состоит из трех частей.

В первой части автор предпринял попытку определить пути проникновения татар в казахскую степь. Первые татары в Акмолинской крепости, по утверждению автора, это толмачи и муллы. Имено мулле Б. Сеитову принадлежит заслуга по открытию в Акмолинском приказе первого учебного заведения по обучению детей грамоте. С развитием торговли начинается активное заселение города и формирование татарской слободы. Автору удалось обнаружить документальные источники, которые позволяют документально подтвердить инициативу татар города по сбору пожертвований и открытия в 1913 г. мусульманской приходской женской школы. Сегодня здания двух первых школ являются памятниками республиканского значения. На средства купца Кошеглова в Акмолинском театре начинает играть татарская группа. Дореволюционные источники позволили автору восстановить фамилии татар, входивших в то или иное время в состав Городской думы. В главе приводится большое количество фамилий первых татарских семей, чьи имена и сегодня помнит Астана.

Другую часть книги составил исторический обзор событий, которые не обошли стороной и татарское население города. События революции, белое и красное движение, конфискация имущества – все, что было характерно для этого времени не оставило в стороне и татар. Автор скрупулёзно, на архивных материалах, выяснил фамилии и судьбы татар в этот сложный и противоречивый период. Советская власть закрыла мусульманское медресе, но свою деятельность продолжили две татарские школы-семилетки. Автору на материалах Центрального государственного архива Казахстана удалось даже восстановить

предметы школьного курса обучения и учителей-татар. Кроме того, в работе содержатся сведения о том, что в условиях НЭПа татарские предприниматели предпринимают попытку поднять торговлю и производство. Но им не удалось избежать раскулачивания и сталинского террора. Большое количество имен и фамилий наполняет исследование живыми историями и реальными судьбами татар. Автор называет их фамилии и среди тех, кто строил молодое советское государство, кто сражался в составе акмолинских дивизий и получил награды, тех, кто восстанавливал послевоенное хозяйство и осваивал целину.

Третий раздел написан с привлечением полевых этнографических материалов, позволяющих в динамике представить сохранение, изменение или исчезновение традиций у татар, а также их адаптацию к современным условиям, их активную роль в общественно-политической жизни Астаны и Казахстана. Татаро-башкирский культурный центр «Тан» был одним из первых этнокультурных центров будущей столицы республики. Автор с большим уважением рассказывает о людях, чья заслуга в том, что сегодня «Тан» известен далеко за пределами города и является активным участником многих городских и республиканских мероприятий. Другой немаловажный аспект, отмеченный автором, это активная жизненная позиция представителей татар Казахстана.

Автором предпринята попытка показать преемственность поколений, их сопричастность к историческим событиям. Подчеркнем, что это автору удалось. Ни в одной, ранее опубликованной работе, так подробно и детально не были восстановлены фамилии и судьбы татар Казахстана.

Основой рецензируемой монографии является публикация авторских полевых материалов, собранных Зуфаром Александровичем во время встреч с татарами, проживающими в Астане. Монография содержит ценные сведения о процессе сохранения и трансформации традиционных культурных ценностей татар Казахстана, их этнической идентичности и об их огромном желании сохранить татарскую культуру в многонациональном государстве.

Стоит отметить большой объем документальных материалов российских и казахстанских архивов. Работа содержит богатый фактологический материал, позволяющий иллюстрировать вклад татар в социально-экономическое и культурное развитие города. Ярко представлен материал по истории торгового купечества из представителей татарских родов, сумевших прочно встать на ноги и принимавших активное участие в городских собраниях, в вопросах строительства и открытия новых торговых домов в Акмоле.

Научная новизна работы в первую очередь заключается в том, что автор сумел собрать обширный материал по истории и культуре татар, проживающих на территории одного города. Это результаты и полевых исследований, и работы с архивными источниками, семейными воспоминаниями. Научная ценность монографии заключается в том, что автор представил итог многолетней работы по изучению истории появления и жизни татар в иноязычном окружении. Эти сведения, собранные в ходе полевых исследований, непосредственных встреч с татарами, их анализ позволяют оценить вклад автора не только в плане введения в научный оборот новых фактов и событий, связанных с татарами, но и с малоизвестными фактами в истории Астаны, особенно дореволюционного периода.

Книга богато проиллюстрирована. Представленный фотоматериал позволяет ярче раскрывает человека эпохи. Большая часть собрана автором из личных архивов.

Подводя итог со всей справедливостью можно заключить, что рецензируемая монография является существенным вкладом в научное изучение татар Казахстана, их жизни, а также этнических и этнокультурных процессов. В целом научный труд З.А. Махмутова заслуживает одобрения и высокой оценки специалистов, занимающихся изучением истории народа Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Город Астана. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Том 2. Статистический сборник / под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2011. 74 с.
2. Мамлютова-Бикмухаметова Р.Г. Татары на севере Казахстана. Петропавловск: Северный Казахстан, 2015. 432 с.
3. Махмутов З.А. Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность. Казань: Иман, 2011. 164 с.
4. Махмутов З.А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. Казань: ЯЗ, 2015. 156 с.
5. Махмутов З.А. История татар Астаны (XIX – начало XXI в.). Казань: Татарское книжное издательство, 2017. 224 с.
6. Саяпова З.А. «Тан» – время рассвета. Астана, 2014. 214 с.
7. Татары в Казахстане: Энциклопедический словарь. Алматы: ИД «МИР», 2011. 220 с.

Сведения об авторе: Кошман Татьяна Васильевна – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан); tatyanakoshman@mail.ru

REVIEW OF Z.A. MAKHMUTOV'S BOOK “HISTORY OF ASTANA TATARS (19TH – EARLY 21ST CENTURY)”

T.V. Koshman

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, the Republic of Kazakhstan
tatyanakoshman@mail.ru*

“History of Astana Tatars (19th – early 21st century)” is the first attempt of a comprehensive study of the formation and development of the large ethnic group of Tatars in the territory of Central Kazakhstan in the city of Astana. In the current conditions of the development of migration processes and the existence of independent states, interest in the history of individual ethnic groups living in a foreign environment is quite large.

In the peer-reviewed work a variety of documentary materials are introduced into the scientific circulation for the first time. The city of Astana today is quite a large metropolis with a motley ethnic component. Unification of folk customs, reduction of the native language use, weakening of interest in the national culture, actualizes the given research topic. The monograph contains a large amount of photo materials from archival and private collections, archives and field research materials are used, which contributes to the scientific significance of the work.

Keywords: Tatars, ethnic group, Astana, ethno-cultural associations, Tatar educational cultural center, material culture

For citation: Koshman T.V. Review of Z.A. Makhmutov's Book "History of Astana Tatars (19th – Early 21st Century)". *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 183–187. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.183-187

REFERENCES

1. *Gorod Astana. Itogi Nacional'noj perepisi naselenija Respubliki Kazahstana 2009 goda. Tom 2. Statisticheskij sbornik* [The City of Astana. Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009. Statistical Collection]. Vol. 2. Ed. by A.A. Smailov. Astana, 2011. 74 p. (In Russian)
2. Mamlyutova-Bikmukhametova R.G. *Tatary na severe Kazahstana* [Tatars in the North of Kazakhstan]. Petropavlovsk, Severnyj Kazahstan Publ., 2015. 432 p. (In Russian)
3. Makhmutov Z.A. *Tatary Severo-Kazahstanskoj oblasti: istorija, kul'tura, identichnost'* [Tatars of the North-Kazakhstan Region: History, Culture, Identity]. Kazan, Iman Publ., 2011. 164 p. (In Russian)
4. Makhmutov Z.A. *Tatary g. Petropavlovsk i Severo-Kazahstanskoj oblasti: istorija i jetnicheskie process* [Tatars of Petropavlovsk and North-Kazakhstan District: History and Ethnic Processes]. Kazan, JaZ Publ., 2015. 156 p. (In Russian)
5. Makhmutov Z.A. *Istoriya tatar Astany (XIX – nachalo XXI v.)* [History of Astana Tatars (19th – Early 21st Century)]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2017. 224 p. (In Russian)
6. Sayapova Z.A. «Tan» – *vremja rassveta* [“Tan” is the Time of Dawn]. Astana, 2014. 214 p. (In Russian)
7. *Tatary v Kazahstane: Jenciklopedicheskij slovar* [Tatars in Kazakhstan: Encyclopedic Dictionary]. Almaty, MIR Publ. House, 2011. 220 p. (In Russian)

About the author: Tatyana V. Koshman is a Senior Lecturer, Department of Archaeologists and Ethnologists, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., Astana 010008, Republic of Kazakhstan); tatyanakoshman@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л.В. САГИТОВОЙ
«РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН:
ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ АКТОРЫ»**

А.К. Магомедов

*Ульяновский государственный университет
Ульяновск, Российская Федерация
artmagomedov@gmail.com*

Статья является рецензией на новую книгу казанской исследовательницы Л.В. Сагитовой «Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы». Автор исследует, как политические акторы Республики Татарстан пытаются мобилизовать политические, экономические и культурные аргументы в поддержку своей политики, обращаясь к общим республиканским ценностям и достижениям. Данные факторы стали фундаментом развития пост-коммунистической региональной идентичности. Автор также доказывает, что татарстанская идентичность является политически создаваемым и воссоздаваемым феноменом.

Ключевые слова: идентичность, политические акторы, Республика Татарстан, переходный период

Для цитирования: Магомедов А.К. Рецензия на монографию Л.В. Сагитовой «Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы» // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 188–191. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.188-191

Когда речь заходит о Татарстане, то, как правило, реакция слушателей становится более эмоциональной. Эта эмоциональность уходит корнями в начало драматичных 1990-х гг. и сохраняется по сей день, подкреплённая многими обстоятельствами. Это и загадка татарстанского суверенитета, из которого республиканская элита вышла зрелой и амбициозной. Это и факт стремительного превращения Татарстана в технологически развитый и успешный регион. Это и новое восприятие Казани как достойной столицы спортивных праздников мирового уровня: Универсиады (2013 г.) и Чемпионата мира по футболу (2018 г.). Наконец, ещё одно восприятие Казани – как толерантного современного многонационального города Запада и Востока.

В контексте данных наблюдений монография Л.В. Сагитовой отражает актуальную проблему – динамику политики идентичности в постсоветском Татарстане. Можно полностью согласиться с мнением автора о том, что «исследование политики идентичности на уровне регионов (национальных республик) во взаимосвязи с политическими, социальными и этнокультурными факторами; изучение их главного субъекта – региональной политической элиты – становится одной из значимых предпосылок успешной национальной политики государства...» [1, с. 10]. В работе анализируется взаимодействие объективных и субъективных факторов, оказавших влияние на процесс формирования региональной идентичности в республике.

В монографии представлены результаты многолетнего исследования этнополитических процессов в Республике Татарстан, позволивших увидеть динамику политики идентичности в контексте различающихся политических трендов в постсоветской истории России. Исследование Л.В. Сагитовой выполнено на основе значительной источниковой базы, в основе которой публичные доклады политических деятелей и экспертов, аналитические документы, материалы периодической печати и статистические данные. Несмотря на то, что политические процессы в Татарстане (особенно связанные с этнополитической тематикой) очень подробно и охотно исследуются в научной литературе, представленная монография отличается научной новизной, оригинальностью постановки исследовательских вопросов. Это своего рода уникальное исследование, обладающее массой достоинств. Исследование Л.В. Сагитовой является новаторским в плане того, что на примере этнополитических процессов в Татарстане были впервые проанализированы переменные, оказывающие влияние на конфликтный, или, наоборот, интеграционный потенциал этничности в национальных регионах Российской Федерации. К ним автор относит различные формы социально-экономического и этнокультурного неравенства, интересы региональной и федеральной элит.

Автор рассматривает три основных ракурса политики идентичности Татарстана. Первый: с позиций субъекта идентичности – политической и «символьной» элиты республики, которая занимается строительством различных версий татарстанской идентичности. Выделены инструменты легитимации политики идентичности региональной элиты: масс-медиа республики; договорный процесс между Москвой и Казанью как новая парадигма отношений «федеральный центр – субъект федерации»; этнополитическая стратегия республиканской элиты. Второй: социально-экономический аспект политики идентичности, в центре которой – новейшая концепция инновационного региона (2006–2016 гг.). Третий ракурс: этноязыковые аспекты в политике идентичности Татарстана.

Проведённое исследование позволило проследить зависимость стратегий региональной элиты в управлении этничностью от субъективного и объективного факторов. При этом к первым отнесены социальные характеристики и интересы республиканской элиты; ко вторым – общероссийская политическая конъюнктура, интересы населения республики и этнических групп.

Важным выводом работы стало то, что политика идентичности, формируемая элитами национальных республик, является неотъемлемой частью процесса складывания общероссийской идентичности и укрепления гражданского единства в условиях многонационального российского государства.

Однако при всей своей ценности и неповторимости, книгу Л.В. Сагитовой можно признать тематически и содержательно неровной, а потому побуждающей к дискуссии. При её чтении сразу возникает вопрос: а где профессиональная составляющая строительства республиканской политической идентичности? Известно, что Республика Татарстан является крупнейшей мусульманской республикой в Поволжье. В 1990-е гг. элита республики охотно политизировала мусульманскую тематику, изобретая и пуская в ход различные исламские идеологемы в интересах республики. Достаточно назвать изо-

бретение идеологической конструкции «евроислама» и обращение в связи с этим к наследию татарских исламских реформаторов XIX века. Данные идеологические поиски наделали много шума в республике и вызвали живой отклик за её пределами. Что касается новейших исламополитических новаций, то нельзя не отметить такое явление, как «лингвистическая национализация ислама» (попытки перевести мусульманское богослужение на татарский язык), и строительство локальной версии «татарского ислама». Думается, исследование данных процессов могло бы приблизить нас к более полному пониманию идентификационных усилий региональной власти.

Своё исследование Л.В. Сагитова завершает 2016-м годом. Данный факт привёл к тому, что из поля зрения автора невольно был упущен важный фрагмент, который мог бы дополнить этноязыковой раздел книги. Речь идёт о резонансном эпизоде на заседании Совета по делам национальностей в Йошкар-Оле в июле 2017 г., на котором президент В.В. Путин сделал «языковое» заявление. Дословно оно звучит следующим образом: «Заставлять человека изучать язык, который родным для него не является, также недопустимо, как и снижать уровень преподавания русского». Мне трудно сказать, насколько серьёзные изменения произошли в связи с этим в Татарстане. Однако известно, что татарская «символьная» элита болезненно восприняла эти слова, понимая под ними не только потенциальную угрозу русификации и строительства унитарного государства, но безусловное «послание Татарстану» [2]. Тем более, что, как утверждает автор, «тема языка нации, давшей название республике, в политике идентичности Татарстана выполняет стержневую функцию, являясь основанием притязания на "особый" статус среди других регионов Российской Федерации» [1, с. 320].

Акцент на спорных моментах книги можно рассматривать как приглашение к дискуссии. Спорные вопросы поставлены не только для того, чтобы приблизиться к лучшему пониманию заявленной в монографии проблемы, но и для того, чтобы обозначить пути дальнейшего исследования этой, безусловно, интересной темы.

Большая и кропотливая работа, которую проделала Л.В. Сагитова, поможет понять, как политическая элита создаёт идентификационные рамки, в пределах которых проводит региональную политику. Работа может быть полезной для всех, кого интересуют политические процессы, происходящие в России: от студентов до преподавателей. Она также может представлять интерес для широкого круга обществоведов, политиков и государственных служащих.

Монография Л.В. Сагитовой «Республика Татарстан: политика идентичности и её акторы» подготовлена на высоком уровне, отвечает требованиям к научным работам данного вида и должна получить выход к академической аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сагитова Л.В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 360 с.
2. «Слова Путина о языках – это, безусловно, послание Татарстану». Бизнес-online. Деловая электронная газета Татарстана. 22 июля 2017. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/352276> (дата обращения – 2.06.2018).

Магомедов А.К. Рецензия на монографию Л.В. Сагитовой
«Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы»

Сведения об авторе: Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет (432000, ул. Льва Толстого, 42, Ульяновск, Российская Федерация); armagomedov@gmail.com

REVIEW OF L.V. SAGITOVA'S MONOGRAPH "THE REPUBLIC OF TATARSTAN: IDENTITY POLICY AND ITS ACTORS"

A.K. Magomedov

*Ulyanovsk State University
Ulyanovsk, Russian Federation
armagomedov@gmail.com*

This paper offers a critical outlook on the new book of Kazan scholar, Dr. L.V. Sagitova "The Republic of Tatarstan: Identity Policy and Its Actors". The author examines how political actors at the subnational level, in the Tatarstan of Republic try to mobilize political, economic, and cultural support for their policy by calling on common values, thereby actively furthering the development of post-communist regional identity. The author also argues that Tatarstan identity is a politically constructed and reconstructed phenomenon.

Keywords: identity, political actors, the Republic of Tatarstan, transition

For citation: Magomedov A.K. Review of L.V. Sagitova's monograph "The Republic of Tatarstan: Identity Policy and Its Actors". *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 188–191. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.188-191

REFERENCES

1. Sagitova L.V. Respublika Tatarstan: politika identichnosti i ee aktory: monografiya [The Republic of Tatarstan: Identity Politics and Its Actors: Monograph]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 360 p. (In Russian)
2. Slova Putina o yazykakh – ehto, bezuslovno, poslanie Tatarstanu [Putin's words on languages definitely have a message for Tatarstan]. *Biznes-online. Delovaya ehlektronnaya gazeta Tatarstana* [Business-Online. Electronic Business Newspaper of Tatarstan]. Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/352276> (accessed 2.06.2018).

About the author: Arbahan K. Magomedov is a Doctor of Science (Politics), Professor, Chairman of the Department of Public Relations, Advertising and Cultural Studies, Dean of the Faculty of Culture and Art, Ulyanovsk State University (42, Lev Tolstoy St., Ulyanovsk 432000, Russian Federation); armagomedov@gmail.com

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2019 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<http://historicaethnology.org>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2018. Том 3, № 1

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2018. Vol. 3, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 17.09.2018 г. Формат 70×100¹/₁₆

Усл. печ. л. 12,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru